

ВЕСТНИК

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

1986 год
Выпуск 1

МОСКВА

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Содержание

	<i>Стр.</i>
В Политбюро ЦК КПСС	3
Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева по советскому телевидению от 14 октября 1986 г..	5
Пресс-конференция М.С. Горбачева от 12 октября 1986 г..	12
Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева по советскому телевидению от 22 октября 1986 г..	20
Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева от 15 января 1986 г.	26
Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева по советскому телевидению от 18 августа 1986 г..	32
Заявление М.С. Горбачева по итогам стокгольмской конференции от 24 сентября 1986 г..	36
Речь товарища Горбачева М.С. на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостоку ордена Ленина, 28 июля 1986 г.	37
Ответы М.С. Горбачева на вопросы главного редактора газеты "Руде право" товарища Зденека Горжени от 9 сентября 1986 г..	49
Выступление Э.А. Шеварднадзе на 41-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 23 сентября 1986 г.	55
Обращение государств — участников Варшавского Договора к государствам — членам НАТО, всем европейским странам с программой сокращения вооруженных сил и обычных вооружений в Европе от 11 июня 1986 г.	61

В Политбюро ЦК КПСС

14 октября состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Горбачев М.С. выступил с сообщением об итогах его встречи с президентом США Р. Рейганом в Рейкьявике.

Политбюро отметило, что советско-американская встреча на высшем уровне явилась важным событием международной жизни, в борьбе против гонки вооружений, за запрещение и ликвидацию ядерного оружия, за то, чтобы отвести военную угрозу от всего земного шара. Позиция советской стороны на этой встрече была честной и открытой. Она базировалась на принципах равенства и одинаковой безопасности, учитывала интересы обеих стран, их союзников, народов всех государств, явилась конкретным выражением нового подхода, нового мышления, необходимость которого диктуют реальности ракетно-ядерного века. Проявляя искреннее стремление к достижению договоренности, советская сторона внесла новые компромиссные предложения, которые в полной мере учитывали озабоченность американской стороны и сделали возможным согласие по таким важнейшим вопросам, как сокращение, а в дальнейшем и полная ликвидация стратегических наступательных вооружений и уничтожение ракет средней дальности в Европе. Осуществление этих предложений открыло бы возможность для крутого перелома в развитии международных отношений, устранения ядерной угрозы и развития мирного сотрудничества всех членов мирового сообщества.

К сожалению, практически достигнутое согласие по указанным вопросам не удалось воплотить в обязывающие стороны договоренности. Единственной причиной этого в конечном итоге явилось упорное нежелание американской администрации создать условия для реализации этих договоренностей путем укрепления режима ПРО и принятия соответствующих обязательств, одинаковых для обеих сторон. Такое поведение заставляет еще больше усомниться в заявлениях Вашингтона о том, что, мол, программа СОИ носит исключительно «мирный» характер. Простая логика подсказывает: раз не будет меча, то не нужен и щит. Но, судя по всему, этой программе отводят иное назначение.

Одобрав деятельность товарища Горбачева М.С. на встрече с президентом Р. Рейганом, Политбюро ЦК КПСС отмечает, что создалась качественно новая ситуация, борьба за ядерное разоружение вышла на более высокий рубеж, с которого теперь необходимо дальше наращивать усилия с целью радикальных сокращений и полной ликвидации ядерного оружия. В этой связи была подчеркнута необ-

ходимость продолжать контакты и переговоры, в том числе в Женеве, по всему комплексу вопросов ядерных и космических вооружений на основе платформы, выдвинутой советской стороной в Рейкьявике.

Было бы роковым шагом пройти мимо исторического шанса для кардинального решения проблем войны и мира. Нужно сделать все для того, чтобы этот шанс использовать. Это отвечает коренным интересам народов СССР и США, интересам всего человечества.

На заседании Политбюро ЦК КПСС были рассмотрены и одобрены конкретные внешнеполитические мероприятия, направленные на проведение этой принципиальной линии в связи с итогами встречи в Рейкьявике.

ВЫСТУПЛЕНИЕ

Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА

по советскому телевидению от 14 октября 1986 г.

Добрый вечер, дорогие товарищи!

Вы знаете, что позавчера, в воскресенье, закончилась моя встреча с президентом Соединенных Штатов Р. Рейганом в Исландии. По ее итогам состоялась пресс-конференция, передававшаяся по телевидению. Текст выступления и мои ответы журналистам опубликованы.

Вернувшись на Родину, считаю своим долгом рассказать, как было дело и как мы оцениваем происшедшее в Рейкьявике.

Только что на заседании Политбюро ЦК КПСС обсуждены итоги встречи в столице Исландии. Завтра будет напечатано сообщение о том, какое суждение руководство нашей партии вынесло об этом крупном политическом событии, последствия которого, как мы убеждены, будут долго сказываться на международных отношениях.

Перед Рейкьявиком много говорилось и писалось о предстоящей встрече. Как это обычно бывает в подобных случаях, предположений и суждений было множество. Это естественно. Не обошлось в этом случае и без спекуляций.

Сейчас, когда встреча завершилась, ее итоги — в центре внимания мировой общественности. Всех интересует, что произошло? Что она дала? Каким будет мир после нее?

Мы стремились к тому, чтобы на встрече в Рейкьявике во главу угла поставить главные вопросы мировой политики — прекращение гонки вооружений, ядерное разоружение. Так, собственно, оно и произошло.

Каковы мотивы нашей настойчивости в этом деле? Часто можно услышать из-за рубежа, что причина тому — наши внутренние трудности. В расчетах Запада существует тезис о том, что Советский Союз в конечном счете не выдержит гонку вооружений экономически, сломается и придет к Западу на поклон. Только стоит еще поднажать на него, наращивать позицию силы. Кстати, это прозвучало и в выступлении президента США уже после нашей встречи.

Мне не раз приходилось говорить, что подобные планы не только построены на песке, но опасны, поскольку могут привести к роковым политическим

решениям. Свои проблемы мы знаем лучше других. Они у нас есть, мы их открыто обсуждаем, решаем. У нас есть на этот счет свои планы, свои подходы и общая воля партии и народа. Вообще я должен сказать, что Советский Союз сегодня силен своей сплоченностью, политической активностью народа, динамизмом. Думаю, что эти тенденции, а значит и сила нашего общества, будут нарастать. У Советского Союза есть чем ответить на любой вызов, если это потребуется. Это знают советские люди, это должны знать во всем мире. Но играть в силовые игры мы не хотим. Это крайне опасное занятие в ракетно-ядерный век.

Мы твердо убеждены: затянувшееся лихорадочное состояние международных отношений таит угрозу внезапного и губительного кризиса. Требуются практические шаги в сторону от ядерной бездны. Требуются совместные советско-американские усилия, усилия всего мирового сообщества, чтобы радикально оздоровить международные отношения.

Во имя этих целей накануне встречи, еще до того, как получили согласие президента Рейгана на встречу, мы, в советском руководстве, провели большую подготовительную работу. В ней, помимо Политбюро и Секретариата ЦК, приняли участие министерства иностранных дел и обороны, другие ведомства, представители науки, военные эксперты, специалисты различных отраслей промышленности. Позиции, которые мы выработали для встречи в Рейкьявике, были результатом широкого и неоднократного обсуждения с нашими друзьями, с руководством стран социалистического содружества. Мы стремились насытить встречу принципиальным содержанием, далеко идущими предложениями.

Теперь о самой встрече — как там развивались события. Рассказать об этом нужно не только для того, чтобы утвердить истину, которую уже искажают наши партнеры по переговорам в Рейкьявике, но главным образом для того, чтобы поделиться с вами, что мы собираемся делать дальше.

Первая беседа с президентом Р. Рейганом началась в субботу в 10 часов 30 минут. После непродолжительных в таких случаях приветствий и краткого общения с корреспондентами мы остались друг с другом наедине — только с переводчиками. Обменялись мнениями об общей обстановке, о том, как складывается диалог между нашими странами, обозначили вопросы, которые нам предстояло обсудить.

Потом я попросил президента выслушать наши конкретные предложения по главным вопросам, ради которых мы и приехали на эту встречу. Я уже довольно подробно говорил о них на пресс-конференции. Но все же вкратце напомню.

На стол переговоров был положен целый пакет крупных мер, которые, будь они приняты, положили бы начало новой эпохе в жизни человечества — эпохе безъядерной. В этом суть кардинального перелома в мировой обстановке, возможность которого была очевидной и реальной. Речь шла уже не об ограничении ядерных вооружений, как это было в договорах ОСВ-1, ОСВ-2 и других, а о ликвидации ядерного оружия в сравнительно короткие сроки.

Первое предложение касалось стратегического наступательного оружия. Я заявил о готовности сократить его на 50 процентов в течение первых пяти лет. Причем подлежало сокращению вдвое стратегическое оружие на земле, на воде и в воздухе. Чтобы облегчить договоренность, мы пошли на большую уступку, сняв прежние свои требования включать в стратегическое уравнивание американские средние ракеты, достигающие нашей территории, и американские средства передового базирования. Готовы были учесть и озабоченность США по поводу наших тяжелых ракет. Предложение о стратегическом оружии мы рассматривали в контексте его полной ликвидации, как это было предложено нами 15 января этого года.

Второе наше предложение касалось ракет средней дальности. Я предложил президенту полностью ликвидировать советские и американские ракеты этого класса в Европе. При этом и здесь мы шли на большую уступку, заявив, в отличие от прежней нашей позиции, что ракетно-ядерное оружие Великобритании и Франции не должно учитываться. Мы исходили из необходимости расчистить путь к разрядке в Европе, освободить европейские народы от страха перед ядерной катастрофой, затем двигаться дальше — к ликвидации всего ядерного оружия. Согласитесь, что это тоже смелый шаг с нашей стороны.

Зная наперед, какие могут быть возражения, мы заявили, что ракеты с дальностью менее 1.000 километров мы согласны заморозить и тут же приступить к переговорам об их дальнейшей судьбе. А в том, что касается ракет средней дальности в азиатской части нашей страны, — вопрос, который постоянно присутствовал в «глобальном варианте» президента Рейгана, — то мы и по этому вопросу предложили немедленно вступить в переговоры. Как видите, и здесь наши предложения носили крупный, серьезный характер, дающий возможность кардинально решить и эту проблему.

Третий вопрос, который я поставил перед президентом в первой же беседе и который органически входил в пакет наших предложений, — это существующий Договор по противоракетной обороне — ПРО и о запрещении ядерных испытаний. Подход наш такой: раз мы вступаем в совершенно новую ситуацию, когда начнется существенное сокращение ядерного оружия и его ликвидация в обозримо короткий срок, то необходимо обезопасить себя от всяких неожиданностей. Речь идет об оружии, которое составляет до сих пор ядро обороны нашей страны. Поэтому надо исключить все, что могло бы подорвать равенство в ходе разоружения, исключить любую возможность создать оружие нового типа, обеспечивающее военное превосходство. Мы считаем такую позицию совершенно закономерной и логичной.

А коль так, мы твердо заявили о необходимости строго соблюдать бессрочный договор по ПРО 1972 года. Больше того, чтобы укрепить режим этого договора, мы предложили президенту взять взаимное обязательство со стороны США и Советского Союза не использовать право выхода из договора по меньшей мере в течение десяти лет, а за это время покончить со стратегическим оружием.

Учитывая особые трудности, которые сама администрация создала для себя по этой проблеме, когда лично президент связал себя с космическим оружием, с так называемой СОИ, мы не потребовали прекращения работ в этой области. Но — при том понимании, что будут полностью соблюдаться все положения договора по ПРО, то есть исследования и испытания в этой области не выйдут за пределы лабораторий. Это — одинаковое ограничение и для США, и для СССР.

Слушая нас, президент делал замечания, просил кое-что пояснить подробнее. По ходу разговора мы решительно и определенно поставили вопрос о контроле, связав его с посягательной обстановкой, а эта обстановка требует особой ответственности. Я сказал президенту, что если обе страны встанут на путь ядерного разоружения, то Советский Союз ужесточит свою позицию по контролю. Он должен быть реальным, всеохватывающим, убедительным. Он должен создавать полную уверенность в надежности соблюдения соглашения, содержать право инспекции на местах.

Должен вам сказать, товарищи, что первая реакция со стороны президента не была целиком негативной. Он сказал даже: «То, что Вы сейчас изложили, нас обнадеживает». Однако от нас не ускользнуло, что наши собеседники (а к беседе по этим вопросам уже подключились и товарищ Шеварднадзе, и господин Дж. Шульц) в некоторой растерянности. Вместе с тем в их разрозненных замечаниях сразу же появились сомнения и возражения. Президент и госсекретарь стали с ходу говорить о расхождениях и несогласии. В этих их словах мы явственно слышали знакомые старые звуки, которые мы на протяжении многих месяцев слышали с женевских переговоров: нам напомнили о всякого рода подуровнях по стратегическим ядерным вооружениям, о «промежуточном варианте» по ракетам в Европе, о том, что нам следует присоединиться к СОИ, нам — Советскому Союзу, и заменить существующий договор по ПРО каким-то новым договором, о многом другом в этом духе было сказано с их стороны.

Я выразил удивление. Как же так? Мы предлагаем принять американский «ноль» в Европе и сесть за стол переговоров по средним ракетам в Азии, а Вы, господин президент, отступаете от своей прежней позиции. Это непонятно.

В отношении ПРО мы предлагаем сохранить и упорочить это фундаментальное, важное соглашение, а Вы хотите отказаться от него и даже предлагаете заменить его каким-то новым договором, тем самым — вслед за отходом от ОСВ-2 — разрушить и этот механизм, охраняющий стратегическую стабильность. Это тоже непонятно.

Разобрались мы и в планах по СОИ, сказал я. Если США создадут трехслойную систему ПРО в космосе, мы ответим на это. Но нас заботит другое: СОИ означает бы перенос оружия в новую среду, что дестабилизирует стратегическую ситуацию, делает ее еще хуже, чем сегодня. Если такова цель США, то тогда надо так и сказать. Но если вы действительно хотите иметь прочную безопасность для своего народа, для всего мира, то тогда американская позиция абсолютно несостоятельна.

Я прямо сказал президенту: мы внесли новые крупные предложения, а слышим от вас сейчас то, что уже порядком всем надоело и ни к чему привести не может. Я прошу Вас, господин президент, еще раз внимательно рассмотреть наши предложения и дать ответ пункт за пунктом. При этом вручил ему в переводе на английский язык подготовленный еще в Москве проект возможных директив, которые, если будет достигнуто согласие в принципе, мы могли бы дать министрам иностранных дел и другим ведомствам для подготовки трех проектов соглашений. Затем их можно было бы подписать во время моего визита в США.

Во второй половине дня мы встретились вновь. Президент огласил составленную за перерыв позицию. После первых же фраз стало ясно, что нам опять преподносят, как я выразился на пресс-конференции, нафталиновый хлам, от которого уже задыхаются женевские переговоры: всякие промежуточные варианты, цифры, уровни, подуровни и т. п. Ни одной новой мысли, ни одного свежего подхода, ни одной идеи, которая содержала бы в себе хотя бы намек на какую-то развязку, на какое-то движение вперед.

Становилось ясно, товарищи, что американцы приехали в Рейкьявик, ничего не имея за душой. Впечатление было такое, что они приехали сюда только для того, чтобы собрать плоды в свою корзину, с пустыми руками.

Ситуация складывалась драматическая.

Американский президент не готов был по-крупному решать принципиальные вопросы, пойти навстречу, чтобы действительно дать импульс переговорам — результативным и обнадеживающим. А именно к этому я призывал президента в своем письме, в котором выдвинул идею о проведении срочной и безотлагательной встречи с тем, чтобы дать мощный импульс на уровне высших руководителей двух стран — импульс переговорам о ядерном разоружении.

Убежденные в том, что наши предложения взвешенные, учитывающие интересы партнера, мы решили не отступать в своих усилиях добиться перелома на встрече. После многих уточняющих вопросов появился просвет по стратегическим вооружениям. Ухватившись за это, мы сделали еще один крупный шаг в поисках компромисса. Я сказал президенту: имеется признанная и у вас, и у нас триада стратегических наступательных вооружений. Это — ракеты наземного базирования, это — стратегические подводные лодки, это — стратегические бомбардировщики. Так вот, давайте каждую часть этой триады сокращать на 50 процентов. И тогда отпадает необходимость во всякого рода уровнях и подуровнях, во всякого рода подсчетах.

После долгих дебатов нам удалось достичь взаимопонимания по этому вопросу.

Затем дискуссия развернулась по проблеме ракет средней дальности. Американцы упорно отстаивали так называемый промежуточный вариант, который предусматривал сохранение части их ракет в Европе, в том числе «Першингов-2», и, естественно, сохранение соответствующих наших СС-20. Мы категорически выступили против. Я уже объяснял почему. Европа заслуживает того, чтобы освободиться от ядерного

оружия, перестать быть ядерным заложником. Со своей стороны, президенту трудно было сражаться против его же собственного «нулевого варианта», который он так долго рекламировал. И, тем не менее, мы ощущали намерение американцев сорвать договоренность под видом особой заботы о своих союзниках в Азии.

Много тут было сказано с американской стороны несостоятельного. Неловко просто все это воспроизводить. И дело пошло на лад только тогда, когда мы и в этом вопросе сделали еще один шаг навстречу — согласились на формулу: ноль ракет в Европе и по 100 боезарядов на средних ракетах у нас на востоке и соответственно — у американцев на территории США. Главное — удалось договориться об освобождении европейского континента от ядерных ракет.

Таким образом, достигнуто было согласие и по вопросу о ракетах средней дальности. Был сделан важный прорыв вперед и на этом направлении ядерного разоружения. Американской администрации не удалось уйти от нашего настойчивого стремления добиться позитивных результатов.

Но оставался еще вопрос о ПРО и запрещении ядерных взрывов.

Прежде чем мы встретились на другой день, в воскресенье, на третью нашу беседу, которая по программе должна была стать заключительной, всю ночь работали две группы экспертов с нашей и американской стороны. Они тщательно проанализировали то, о чем говорилось на двух предыдущих встречах с президентом, и доложили результаты своих ночных дебатов соответственно мне и президенту.

Итог был такой: по стратегическим наступательным вооружениям и по средним ракетам появилась возможность приступить к выработке соглашений.

Договор по ПРО в этой ситуации приобрел ключевое значение. Его роль становилась еще более важной. Разве можно разрушать то, говорил я, что до сих пор позволяло как-то сдерживать гонку вооружений? Если мы будем теперь сокращать стратегическое и среднее ядерное оружие, обе стороны должны быть уверены, что никто не создаст в это время новых средств, которые подрывали бы стабильность и паритет. Поэтому мне представляется совершенно логичным определить срок — американцы говорили о семи годах, мы предложили десять лет — те самые 10 лет, в течение которых должно быть уничтожено ядерное оружие. Мы предложили десять лет, в течение которых ни советская, ни американская сторона не будут пользоваться правом — а они имеют такое право — выхода из договора по ПРО. А исследования и испытания проводить только в лабораториях.

Итак, я думаю, вы поняли, почему именно 10 лет? Это не случайно. Логика тут простая и честная. За первые 5 лет сокращаются первые 50 процентов стратегических вооружений, за вторые 5 лет — вторая половина. Вот — десять лет.

В этой же связи я предложил поручить нашим ответственным представителям начать полномасштабные переговоры о прекращении ядерных взрывов с тем, чтобы в итоге выработать соглашение о полном, окончательном их запрещении. А в ходе подготовки такого соглашения — мы и здесь проявляли гибкость и зани-

мали конструктивную позицию — можно было бы попутно решить и частные вопросы, по ядерным взрывам.

В ответ мы вновь услышали от президента Рейгана рассуждения, хорошо знакомые еще по Женеве и из публичных его выступлений: о том, что СОИ — это оборонительная система; что если мы будем ликвидировать ядерное оружие, то как же мы сможем защититься от какого-нибудь безумца, в руки которого может оно попасть; о том, что он готов поделиться с нами результатами работ по СОИ. На это последнее замечание я сказал: не воспринимаю, господин президент, эту Вашу идею всерьез — идею о том, что Вы поделитесь с нами результатами работ по СОИ. Вы сейчас не хотите делиться с нами даже нефтяным оборудованием или оборудованием для молокозаводов и при этом рассчитываете, что мы поверим в обещание поделиться с нами разработками по СОИ. Это была бы своего рода «вторая американская революция», а революции бывают не так уж часто. Я сказал президенту Рейгану: давайте будем реалистами и прагматиками. Так надежнее. Слишком о серьезных вещах идет речь.

Кстати, вчера, пытаясь оправдать свою позицию по СОИ, президент заявил, что эта программа ему нужна для того, чтобы Америка и ее союзники остались неуязвимыми от советского ракетного удара. Как видите, упоминания о безумцах уже нет. На свет опять вытащена «советская угроза».

Но это — самый настоящий трюк. Мы ведь предложили уничтожить не только стратегические, но и все ядерные вооружения, которыми располагают США и СССР, причем — под жестким контролем.

Откуда же возникает вопрос о необходимости обезопасить «свободу Америки» и ее друзей от советских ядерных ракет, — ведь этих ракет уже не будет?

Если нет ядерного оружия, зачем нужна оборона от него? Значит, вся эта затея со «звездными войнами» носит сугубо милитаристский характер и нацелена на достижение военного преимущества над Советским Союзом.

Вернемся, однако, к переговорам. Хотя договоренность по стратегическим вооружениям и ракетам средней дальности была достигнута, было преждевременным считать, что в результате двух первых бесед уже все это было решено окончательно. Предстоял еще целый день, почти восемь часов непрерывных и напряженных дискуссий, в которых вновь и вновь приходилось возвращаться к этим, казалось бы, уже согласованным вопросам.

В этих дискуссиях президент попытался выйти и на идеологическую проблематику, демонстрируя, мягко выражаясь, полную неосведомленность и непонимание того, что такое социалистический мир и что в нем происходит. Я отверг попытки увязывать идеологические различия с вопросами прекращения гонки вооружений. Настойчиво возвращал президента и государственного секретаря к тому, ради чего мы собрались в Рейкьявике. Приходилось вновь и вновь напоминать собеседникам о третьем пункте пакета наших предложений, без которого невозможно было достичь согласия в целом. Я имею в виду необходимость строгого соблюдения договора по ПРО, упро-

чения режима этого важнейшего договора и запрещения ядерных испытаний.

Приходилось еще и еще раз обращать внимание на, казалось бы, совершенно ясные вещи: раз мы согласились заняться глубокими сокращениями ядерных вооружений, мы должны создать такое положение, при котором не то чтобы в действиях, но даже и в мыслях не было бы попыток поколебать стратегическую стабильность, обойти договоренности. Поэтому мы должны иметь уверенность в сохранении бессрочного договора по ПРО. Вы, г-н президент, говорил я, должны согласиться с тем, что, раз мы идем на сокращения ядерного оружия, должна быть полная уверенность в том, что США не сделают ничего за спиной СССР, а Советский Союз также не сделает за спиной США ничего такого, что поставило бы под угрозу вашу безопасность, что обесценило бы соглашение, создало бы трудности.

А отсюда ключевая задача — укрепить режим ПРО. С разработками по этой программе не выходить в космос, оставаться в рамках лабораторий. 10 лет неиспользования права выхода из договора по ПРО необходимы для создания уверенности в том, что, решая проблему сокращения вооружений, мы обеспечиваем безопасность каждой из сторон. Да и — безопасность во всем мире.

Но американцы явно были настроены на другое. Мы видели, что США фактически хотят ослабить договор по ПРО, пересмотреть его с тем, чтобы разработать широкомасштабную космическую систему ПРО в собственных эгоистических целях. Согласиться с этим — было бы просто безответственно с моей стороны.

Что касается ядерных испытаний, то и тут было яснее ясного, почему американская сторона не хочет всерьез вести переговоры на эту тему. Она предпочла бы их сделать бесконечными, отложить решение проблемы запрета ядерных испытаний на десятилетия. В который уж раз нам пришлось отвергнуть попытки использовать переговоры в качестве прикрытия для свободы рук в области ядерных взрывов. Я прямо заявил: у меня возникают сомнения в честности позиции США, — нет ли в ней чего-то такого, что может нанести ущерб Советской стране? Как можно договариваться о ликвидации ядерных вооружений, если Соединенные Штаты будут продолжать их совершенствовать? И все же у нас осталось впечатление, что главная загвоздка — в СОВСЕ. Устранив ее, можно было бы договориться и о запрещении ядерных взрывов.

На определенном этапе переговоров, когда стало совершенно ясно, что продолжение дискуссии — трата времени, я напомнил: нами предложен определенный пакет мер и прошу его рассматривать как таковой. Если мы с вами выработали общую позицию о возможности крупного сокращения ядерного оружия и не достигли согласия в вопросе о ПРО и ядерных испытаниях, то тогда все, что мы пытались здесь создать, рушится.

Президент и государственный секретарь реагировали на эту нашу твердость болезненно. Но я не мог ставить вопрос иначе. Речь шла о безопасности страны, о безопасности всего мира, всех народов и континентов.

Мы предложили крупные, действительно масштабные, явно компромиссные вещи. Мы пошли на уступки. Однако с американской стороны мы не увидели ни малейшего желания ответить нам тем же, пойти навстречу. Образовался тупик. И мы стали думать, чем же завершить встречу. И все-таки мы продолжали усилия вывести наших партнеров на конструктивный разговор.

Беседа, которая планировалась бы заключительной, оказалась в цейтноте. В этой ситуации вместо того чтобы разъехаться — мы в Москву, они в Вашингтон, — был объявлен еще один перерыв. Пусть стороны обдумают все и после обеда еще раз встретятся. Вернувшись в дом мэра города после перерыва, мы сделали еще одну попытку завершить встречу успехом. Предложили следующий текст в качестве основы для подведения позитивного итога.

Вот он, этот текст:

«СССР и США обязались бы в течение 10 лет не пользоваться имеющимся у них правом выхода из бессрочного договора по ПРО и в течение этого периода строго соблюдать все его положения. Запрещаются испытания всех космических элементов противоракетной обороны в космосе, кроме исследований и испытаний, проводимых в лабораториях.

В ходе первых пяти лет этого десятилетия (до 1991 года включительно) будут сокращены на 50 процентов стратегические наступательные вооружения сторон.

В течение следующих пяти лет этого периода будут сокращены оставшиеся 50 процентов стратегических наступательных вооружений сторон.

Таким образом, к исходу 1996 года у СССР и США стратегические наступательные вооружения будут ликвидированы полностью».

Комментируя этот текст, я сделал важное добавление, сославшись на документ, который был передан президенту в конце нашей первой беседы. Суть его в том, что по истечении 10 лет, когда уже не будет ядерного оружия, мы предлагаем выработать на специальных переговорах взаимоприемлемые решения о том, как быть дальше.

Однако и на этот раз наши попытки прийти к согласию не дали результатов. В течение четырех часов мы вновь убеждали собеседников в обоснованности нашего подхода, который не грозил им ничем, не задевал интересов подлинной безопасности США. Но чем дальше, тем становилось яснее, что американцы не пойдут на то, чтобы ограничить исследования, разработки и испытания по программе СОВСЕ рамками лабораторий. Они рвутся с оружием в космос.

Я заявил твердо, что мы никогда не согласимся на то, чтобы своими руками помогать подрывать договор по ПРО. Это для нас вопрос принципа, вопрос нашей национальной безопасности.

Итак, находясь буквально в одном или двух-трех шагах от принятия решений, которые могли стать историческими для всей ядерно-космической эпохи, мы этого шага или этих шагов не смогли сделать. Поворота в мировой истории не произошло. Хотя он — еще раз об этом говорю убежденно — был возможен.

Но совесть у нас чиста, упрекнуть нас не в чем. Мы сделали все, что могли.

У наших партнеров не хватило широты подхода, понимания уникальности момента и, в конечном счете, мужества, ответственности, политической решимости, так необходимых при решении крупнейших животрепещущих мировых проблем. Они остались на старых позициях, которые время уже подточило и которые не отвечают современным реалиям.

Меня спрашивали иностранцы там, в Исландии, спрашивают товарищи здесь: в чем Вы видите причины такого поведения американской делегации на встрече в Рейкьявике? Причин много — и субъективных, и объективных, — но главная состоит в том, что руководство этой великой страны слишком зависит от военно-промышленного комплекса, от монополистических групп, превративших гонку ядерных и других вооружений в бизнес, в средство получения прибылей, в цель своего существования и смысл своей деятельности.

Мне представляется, что в своей оценке обстановки американцы делают две серьезные ошибки.

Одна — тактическая. Они полагают, что Советский Союз рано или поздно смирится с попытками возрождения американского стратегического диктата, пойдет на ограничение только советских, на сокращение только советских вооружений. Сделает это потому, что, дескать, более чем США, заинтересован в договоренностях по проблеме разоружения. Но это — глубокое заблуждение. И чем быстрее от этого избавится американская администрация — это я говорю, может быть, в сотый раз, — тем лучше будет и для них, и для наших отношений, и для всей обстановки в мире.

Другая ошибка — стратегическая. Соединенные Штаты хотят экономически измотать Советский Союз через гонку новейших и самых дорогостоящих космических вооружений. Хотят создать разного рода трудности для советского руководства, сорвать его планы, в том числе и в сфере социальной, в сфере улучшения жизненных условий нашего народа, и тем самым вызвать недовольство народа своим руководством, руководством страны. Да и ограничить тем самым возможности Советского Союза в его экономических связях с развивающимися странами, и те в такой ситуации были бы вынуждены все идти на поклон к Соединенным Штатам Америки. Далеко идущие замыслы. Стратегическая линия нынешней администрации тоже строится на заблуждениях. В Вашингтоне, похоже, не желают отягощать себя внимательным анализом происходящих в нашей стране изменений, не хотят делать соответствующих практических выводов для себя, для своего курса и пытаются выдавать желаемое за действительное. И на основе этого заблуждения строить политику в отношении СССР. Все долговременные последствия такой политики предвидеть, конечно, не трудно. Одно нам ясно уже сейчас: она никому не принесет, не может она принести ничего позитивного. В том числе и самим Соединенным Штатам.

Перед тем как выступить перед вами, я прочитал заявление президента США о Рейкьявике. Обращает на себя внимание, что президент приписывает все об-

суждавшиеся предложения себе. Ну что ж, видимо, эти предложения настолько притягательны для американцев и народов мира, что можно пойти и на такую хитрость. Нас тщеславие не гложет. Но все же важно, чтобы люди получили правдивую картину хода дел в Рейкьявике.

Что же дальше? Я уже говорил на пресс-конференции, что работа, проделанная и до встречи, и там, в Рейкьявике, не пропадет даром. Мы сами многое обдумали в связи с этой встречей и многое пересмотрели. Мы теперь лучше расчистили дорогу к разрыванию дальнейшей борьбы за мир и разоружение. Освободились от образовавшихся завалов, от частных мелочей, от стереотипов, которые сковывали новые подходы в этой важнейшей сфере нашей политики.

Мы знаем, где находимся, отчетливее видим свои возможности. Подготовка к Рейкьявику помогла нам сформулировать платформу — новую, смелую платформу, которая увеличивает шансы на конечный успех. Она отвечает интересам нашего народа и общества на новом этапе его социалистического развития. И вместе с тем эта платформа отвечает интересам всех других стран и народов и тем заслуживает доверия. Мы убеждены, что она будет встречена с пониманием во многих странах мира и в самых различных политических и общественных кругах.

Думаю, что очень многие во всем мире, в том числе облеченные властью деятели, могут и обязаны будут извлечь из Рейкьявика серьезные выводы. Всем придется обдумать еще и еще раз, в чем дело, почему такие упорные усилия создать перелом и двинуться к безядерному миру, к всеобщей безопасности не дают пока нужного результата.

Хочу надеяться, что и президент точнее и полнее сегодня представляет себе ход нашего анализа, намерения Советского Союза, возможности и пределы подвижек в советской позиции. Точнее и полнее, в частности, потому что г-н Рейган получил из первых рук пояснения по нашим конструктивным шагам во имя стабилизации и оздоровления международной обстановки.

Очевидно, американскому руководству понадобится определенное время.

Мы реалисты и отчетливо сознаем: вопросы, которые на протяжении многих лет, даже десятилетий не находили решения, вряд ли могут быть разрешены в один присест. Есть у нас и немалый опыт ведения дел с Соединенными Штатами. Знаем, сколь переменчива там бывает внутриполитическая погода, сколь сильны и влиятельны за океаном противники мира. Все это для нас не новость и не неожиданность.

И если мы не опускаем рук, не хлопаем дверью, не даем волю нервам, хотя для всего этого оснований более чем достаточно, то лишь потому, что искренне убеждены в необходимости новых усилий к построению нормальных межгосударственных отношений в ядерную эпоху. Другого пути просто нет.

И еще одно: после Рейкьявика еще больше у всех на виду оказалась пресловутая СОИ как символ obstructing дел мира, как концентрированное выражение милитаристских замыслов, нежелания снять ядерную угрозу, нависшую над человечеством. Иначе

воспринимать ее невозможно. Это — важнейший урок встречи в Рейкьявике.

Подводя краткий итог этим очень насыщенным дням, я бы суммировал его так. Прошедшая встреча — большое событие. Произошла переоценка. Создалась качественно иная ситуация. Никто уже не может действовать так, как действовал до этого. Встреча была полезной. Она подготовила возможный шаг вперед, к реальному сдвигу к лучшему, если США перейдут, наконец, на реалистические позиции, откажутся от химер в оценках.

Она убеждает нас в правоте избранного курса, в необходимости и конструктивности нового политического мышления в ядерную эпоху.

Мы полны энергии и решимости. Взяв старт перестройки, страна уже прошла определенный путь. Мы еще только начали, а сдвиги имеются. Прирост про-

мышленного производства за девять месяцев составил 5,2 процента, производительность труда поднялась на 4,3 процента, национальный доход увеличился по сравнению с прошлым годом на 3,7 процента. Все эти показатели выше плановых на этот год. А это самая мощная поддержка со стороны нашего народа, ибо это все плоды труда нашего народа, самая мощная поддержка политики партии — поддержка делом.

Это говорит о том, что труд народа в новых условиях позволяет быстрее наращивать экономический потенциал страны, а тем самым укрепляет ее оборонные возможности.

Советский народ, советское руководство едины в том, что политика социализма может быть и должна быть только политикой мира и разоружения. С курса XXVII съезда КПСС мы не свернем.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ М. С. ГОРБАЧЕВА от 12 октября 1986 г.

12 октября в Рейкьявике Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев провел пресс-конференцию для журналистов, освещающих советско-американскую встречу.

Обращаясь к представителям средств массовой информации, М.С. Горбачев заявил:

Добрый вечер, дамы и господа, товарищи! Приветствую всех вас.

Прошло около часа, как завершилась наша встреча с президентом США г-ном Рейганом. Она продолжалась немножко больше, чем мы намечали. Дело этого потребовало. И я хочу извиниться перед вами, что не прибыл на пресс-конференцию в назначенное время.

Вы уже знаете, что встреча состоялась по инициативе советского руководства. Но, естественно, ее не было бы, если бы не было согласия со стороны г-на Рейгана. Поэтому, я бы сказал, это было наше совместное решение провести встречу в Рейкьявике.

Теперь она закончилась. Иногда говорят, что лицом к лицу лица не увидать. Я только что со встречи, которая особенно на последнем ее этапе проходила в горячих дискуссиях. И нахожусь еще во власти впечатлений от этих дискуссий. Тем не менее я постараюсь уже сейчас не только поделиться своими впечатлениями, но и разобраться, что же произошло. И все же, это будут первые впечатления, первые оценки, первый анализ. Еще предстоит основательнее оценить всю встречу.

Встреча произошла крупная, и вы это почувствуете, когда я расскажу о ее содержании, о проблемах, которые были на ней предметом очень широкого, очень интенсивного, очень заинтересованного обсуждения.

Атмосфера на встрече была дружественной. Мы имели возможность свободно и без ограничений излагать свои взгляды. Это позволило нам углубить понимание по многим крупным проблемам мировой политики, двусторонних отношений и прежде всего по тем вопросам, которые стоят в центре внимания всей мировой общественности, — по вопросам войны и мира, прекращения гонки ядерных вооружений, словом, по всему комплексу вопросов, охватываемых этой темой.

Перед тем, как я перейду непосредственно к характеристике самой встречи, содержания дискуссий, предложений сторон и ее итогов, хочу пояснить вам — почему мы выступили с инициативой о проведении встречи в Рейкьявике.

Я регулярно читаю мировую прессу, и в эти дни видел, насколько широкий резонанс вызвало сообщение о ее проведении. Много было сказано в связи с этим и в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС, и

президента США, задавали вопрос, а не поторопились ли они, есть ли необходимость в такой встрече, кто кому уступил, кто кого переиграл и т. д. и т. п. Но, знаете, повод, который послужил исходным моментом нашего предложения президенту США безотлагательно встретиться, и его решение позитивно откликнуться на это приглашение, очень значительны.

Теперь я хочу вернуться к Женеве, когда мы встретились впервые. Это был крупный диалог, и сейчас, по истечении немалого времени, мы так же оцениваем женевскую встречу.

Тогда, если вы помните, мы признали особую ответственность СССР и Соединенных Штатов Америки за сохранение мира и вместе заявили, что ядерная война никогда не должна быть развязана и что в ней не может быть победителей. Это признание огромной важности. Мы заявили также, что ни одна из сторон не будет стремиться к военному превосходству. Это тоже очень важная констатация.

После Женевы прошел почти год. Советское руководство осталось верным обязательствам, которые оно приняло на себя там. Вернувшись из Женевы, мы продолжили свой мораторий: он у нас был до 1 января нынешнего года. 14 месяцев на наших полигонах царит тишина — это ли не свидетельство нашей приверженности договоренностям в Женеве, нашей ответственности за судьбы мира. Это все нелегкие решения, если учесть, что взрывы в Неваде продолжались, происходят и сейчас. 15 января мы выступили с крупным Заявлением, в котором была обоснована программа ликвидации ядерного оружия к концу нынешнего века.

В июне нынешнего года государства Варшавского Договора внесли крупную комплексную программу о масштабном сокращении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе. Это тоже крупный шаг с учетом тех озабоченностей, которые высказывались западноевропейцами и Соединенными Штатами.

Извлекая уроки из чернобыльской трагедии, мы выступили с инициативой о проведении специальной сессии Генеральной конференции МАГАТЭ в Вене. Она состоялась, и вы знаете ее итоги — они многообещающи. Теперь мы имеем международный механизм, позволяющий решать многие важнейшие вопросы безопасности ядерной энергетики.

Иначе говоря, в истекший период — и думаю, что не впадая в преувеличения, так оценивая нашу политику, ибо я говорю о фактах, а не просто о намерениях, — мы все делали, чтобы помочь формированию нового мышления в ядерный век. С удовлетворением мы отмечаем, что ростки этого нового мышления прорастают,

особенно на европейской ниве. В частности, это проявилось в успехе стокгольмской конференции.

Может быть, я и закончу на этом перечень тех конкретных акций, которые мы предприняли, руководствуясь духом и буквой договоренностей с президентом Рейганом в Женеве. Сами факты, думаю, позволяют вам оценить серьезность нашего к ним отношения.

Почему же все-таки потребовалась встреча в Рейкьявике, каковы были мотивы этой нашей инициативы?

Дело в том, что надежды на крупные перемены в мировой обстановке, которые у всех у нас возникли, вскоре после встречи в Женеве начали угасать. И я думаю — не без оснований. На советско-американских переговорах очень много было всего сказано, может, даже слишком много, гуляло, как я вчера говорил президенту, 50–100 вариантов всяких предложений. Одно это уже вызывает сомнения в плодотворности дискуссий, которые там ведутся. Если бы был один-два, ну пусть три варианта, что позволяло бы как-то сузить дискуссию, сосредоточить поиски на каких-то важных направлениях, то можно рассчитывать, что поиски завершатся выходом на какие-то конкретные соглашения и предложения правительствам. Но ничего этого не происходит в Женеве, хотя там обсуждаются главные вопросы мировой политики.

В последнее время эти переговоры, попросту говоря, идут на холостом ходу, практически зашли в тупик. Гонка вооружений не остановилась, и все очевиднее дело подходит к такой черте, за которой неизбежен новый виток этой гонки с непредсказуемыми последствиями — политическими и военными.

Наши крупные инициативы, о которых я говорил выше, вызвали широкий отклик у мировой общественности. Но они не нашли должного понимания у американской администрации.

Обстановка ухудшалась, тревога в мире вновь стала нарастать. Думаю, не преувеличу, — да вы сами свидетели этого — мир бурлит. Мир бурлит и требует от руководителей всех стран, и, прежде всего, крупных держав, в первую очередь от Советского Союза и Соединенных Штатов Америки политической воли, решимости, способной остановить опасные тенденции.

Итак, надо было сделать что-то такое, чтобы переломить такой ход событий. И мы пришли к выводу: нужен новый импульс, мощный импульс, чтобы повернуть процесс в нужном направлении. Такие импульсы могли последовать только от руководителей СССР и Соединенных Штатов Америки. Именно поэтому, отвечая президенту Рейгану на его письмо от 25 июля, я решил пригласить его незамедлительно встретиться. Я писал: ситуация такова, что нам надо отложить все дела на день-два и безотлагательно провести встречу.

Это письмо было передано президенту товарищем Шеварднадзе.

И вот теперь эта чрезвычайно важная встреча состоялась. Мы полагали, что от ее итогов многое будет зависеть. И, конечно, приехали на встречу не с пустыми руками.

С чем мы приехали в Рейкьявик? Мы привезли целый пакет крупных предложений, которые, если бы они были приняты, могли действительно в короткий срок внести, я бы сказал, перелом на всех направлениях борьбы за ограничение ядерного оружия и реаль-

но отвести угрозу ядерной войны, позволили бы начать движение в сторону к безъядерному миру.

Я предложил президенту, чтобы мы тут же в Рейкьявике давали обязывающие поручения своим министрам иностранных дел и другим соответствующим ведомствам подготовить три проекта соглашений, которые мы с президентом могли бы потом подписать во время моего визита в Соединенные Штаты Америки.

Первое — по стратегическому оружию — сократить его на 50 процентов и не меньше. Причем с таким расчетом, чтобы уже к концу века полностью ликвидировать это самое смертоносное оружие. Мы исходили из того, что мир ждет действительно крупных шагов, глубоких сокращений, а не каких-то косметических шагов — только бы успокоить на какой-то период общественное мнение. Пришло время, когда действительно нужны смелые, ответственные действия в интересах всего мира, в том числе народов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Конечно, советская и американская делегации, которым было бы поручено готовить проект соглашения по стратегическому оружию, должны были бы хорошо и честно сбалансировать сокращение исторически сложившейся его структуры. Речь идет о той самой триаде, которая была признана еще при разработке ОСВ-2. Но когда начали обсуждать этот вопрос с президентом, в ответ нам вновь было вытащено все то, что фигурирует на женевских переговорах — все эти уровни, подуровни, словом, много арифметики, и все для того, чтобы запутать существо вопроса. Тогда мы внесли такое уточнение — сократить наполовину каждую часть стратегических наступательных вооружений: стратегические ракеты наземного базирования, стратегические ракеты на подводных лодках и стратегические бомбардировщики.

Американская делегация с этим согласилась. Таким образом, мы договорились по очень крупному вопросу.

Причем обращаю ваше внимание, что здесь мы пошли на серьезные уступки. Вы помните, по-видимому, что, когда мы выдвигали в Женеве предложение о 50-процентных сокращениях, мы зачисляли и средние ракеты в число стратегического оружия, поскольку они достигали нашей территории. Сейчас мы отказались от этого требования, сняли мы и вопрос о средствах передового базирования.

Итак, благодаря этим крупным уступкам состоялась договоренность в Рейкьявике по сокращению стратегического оружия.

Второе наше предложение относилось к ракетам средней дальности. Мы предложили поручить подготовить соглашение и по этому типу оружия, имея в виду отказаться от всех до сих пор обсуждавшихся вариантов — промежуточных, временных и так далее — и вернуться к прежнему американскому, то есть — полностью уничтожить американские и советские средние ракеты в Европе. При этом, в отличие от наших женевских предложений, мы оставляли теперь совсем в стороне ядерный потенциал Франции и Англии. Хотя, вы понимаете, это была с нашей стороны очень большая уступка. Ведь эти две страны — союзники США и обладают ядерным потенциалом, который продолжает наращиваться и совершенствоваться. А вся их военная

деятельность плотно координируется в рамках НАТО. Это нам доподлинно известно. Тем не менее мы сняли это препятствие к соглашению.

Далее. Была озабоченность по Азии. Мы и здесь предложили компромисс: садимся сразу за переговоры, выясняем претензии и находим решение. Понимали мы, что неизбежно встанет вопрос о ракетах дальностью менее тысячи километров. И по этому вопросу мы внесли предложение: замораживаем эти ракеты и вступаем в переговоры об их судьбе.

Вот на какие крупные меры мы хотели пойти. Мне кажется, что американцы не ожидали от нас такого, но дискуссию развернули, откровенно заявили, что их не устраивает — убрать свои ракеты из Европы. Начали вновь приглашать нас на промежуточный вариант. Мы же настаивали на полном освобождении Европы от советских и американских ракет средней дальности.

В ходе дискуссии по этому вопросу мы обратили внимание президента США на то, что он, выходит, отрекается от своего детища — от «нулевого варианта», который в свое время настойчиво предлагал, хотя теперь пошел ему навстречу.

Дискуссия продолжалась до сегодняшнего дня, острая дискуссия, и мы решили сделать еще один конструктивный шаг — заявили, что при ликвидации американских и советских ракет в Европе соглашаемся оставить по 100 боеголовок на своих средних ракетах в Азии, а американцы — столько же на своих таких же ракетах на территории США.

В конце концов договорились и по этому типу ядерного оружия, хотя, как я уже сказал, и здесь помогла наша крупная уступка.

Надо же начинать движение. Я уже не раз об этом говорил. Нужны смелые, нестандартные решения! Если мы будем все время искать советы в прошлом, пользоваться тем, что относится совсем к другому времени, не обращать внимания на то, где мы находимся сегодня и где мы будем завтра, и что этого завтра вообще может не настать, если мы так будем поступать, то никакого диалога не получится. Надо же начинать с чего-то? И мы пошли на такой шаг, хотя, повторяю, это нелегко для нас.

В связи с готовностью пойти на глубокие сокращения ядерных вооружений мы поставили вопрос так: коль мы вступаем в конкретный этап ликвидации ядерного оружия, то должна быть полная ясность в отношении контроля. Теперь контроль должен быть ужесточен. И Советский Союз выступает за тройной контроль, который бы обеспечил полную уверенность каждой стороны, чтобы она не оказалась в западне, в ловушке. Мы подтвердили свою готовность к любым формам контроля. Ввиду нашей такой позиции и этот вопрос был снят.

Другая проблема в связи с тем, что мы приступаем к практической ликвидации ядерного оружия, такова: у каждой стороны должна быть гарантия, что за этот период ни одна из них не станет добиваться военного преимущества. По-моему, это совершенно справедливая, законная постановка вопроса — и с политической, и с военной точек зрения.

С политической: если мы начинаем сокращение, то должны позаботиться о том, чтобы все тормоза, которые сегодня действуют и стоят на пути создания новых

видов оружия, были бы не только сохранены, но и укреплены.

С военной точки зрения: действительно надо позаботиться, чтобы, пока шел бы процесс сокращения, одна из сторон тайком не подготовила и не перехватила бы инициативу и не добилась военного превосходства. Это недопустимо. Это я отношу к Советскому Союзу. Но мы вправе предъявить такое же требование и к американской стороне.

Вот почему мы поставили вопрос так: в обстановке, когда выходим на этап реального, глубокого сокращения, в течение десяти лет — именно так выглядела у нас вся эта ситуация на встрече — ликвидировался бы ядерный потенциал Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, надо не только не раскачивать механизмы, сдерживающие гонку вооружений, но упрочить их, и прежде всего такой, как ПРО. И наше предложение сводилось к следующему. Мы укрепляем бессрочный договор ПРО одинаковым обязательством обеих сторон, что они в течение этих десяти лет не будут пользоваться правом выхода из договора. Это как раз те десять лет, когда будет происходить сокращение ядерного потенциала.

Правильная, логичная постановка? Логичная. Серьезная? Серьезная. Отвечающая интересам обеих сторон? Да, отвечающая. В нашем предложении мы подчеркивали, что в течение десяти лет все требования ПРО строго соблюдаются, остаются разрешенными только исследования и испытания в рамках лабораторий.

Что мы этим самым хотели сказать? Мы знаем приверженность американской администрации, президента к СОИ. Наше согласие на продолжение лабораторных испытаний давало бы президенту возможность до конца довести свою идею и выяснить, что же это такое СОИ. Хотя, должен сказать, для многих и для нас уже ясно, что это на самом деле.

И вот тут-то и началась настоящая схватка двух подходов в мировой политике к таким вопросам, как прекращение гонки вооружений, запрещение ядерного оружия. Президент настаивал до конца на том, чтобы Америка имела право исследовать и испытывать все, что относится к СОИ не только в лабораториях, но и за пределами, в том числе в космосе. Но кто же на это может согласиться?

И вот оказалось: мы были на грани принятия крупнейших исторических решений, ибо до сих пор в прежних договорах — ПРО, ОСВ-1, ОСВ-2 речь шла только об ограничении вооружений, а теперь — значительном сокращении. И поскольку американская администрация, как мы теперь еще раз убедились, стремится, уверовав в свое технологическое преимущество, вырваться через СОИ к военному превосходству, она пошла на то, чтобы похоронить эти почти достигнутые договоренности, которые мы уже согласовали. Осталось только дать поручение вырабатывать договоры и процедуры — как их практически реализовать. А в Вашингтоне во время моего визита можно было все это подписать. Американская сторона сорвала это решение.

Я сказал президенту: мы упускаем исторический шанс. Еще никогда не были так близки наши позиции. Президент, прощаясь, сказал мне, что он разоча-

рован и что я, мол, приехал с нежеланием подписывать соглашение, договоренность. Почему, говорил он, Вы из-за одного слова проявляете такую твердость в подходе к СОИ и к проблеме испытаний? Я ему ответил: дело не в слове, а в существе.

В подходе американской администрации к СОИ — ключ к пониманию того, что у нее на уме. А у нее на уме то, что на уме у американского военно-промышленного комплекса. Она в его власти, и президент не свободен принять такое решение.

Мы делали перерывы, возобновляли дискуссии, и я видел, что президент не получил поддержки. Вот почему сорвалась встреча, провалилась договоренность, когда уже мы были близки к тому, чтобы выйти на исторический итог. Такова драматическая ситуация, которая сложилась на встрече в Рейкьявике, когда, несмотря на весьма значительные уступки с нашей стороны, мы не смогли договориться.

В свое время хоть и трудный был у нас диалог с США, но он продолжался после Женевы. Я высказывал президенту свою точку зрения относительно того, какой должна быть наша встреча в Соединенных Штатах Америки во время моего визита. Она — не условие, а понимание нашей ответственности: и моей, и президента. Ответственность диктует именно так подходить к будущей встрече в Вашингтоне.

Встреча нужна результативная. Она должна действительно привести к осязаемым результатам и кардинальным изменениям, особенно в таком жгучем вопросе, каким является контроль над ядерным вооружением, прекращение гонки вооружений, ликвидация ядерного оружия. Я писал президенту в письмах и сказал на нашей встрече: нельзя нам с Вами, господин президент, допустить, чтобы наша встреча в Вашингтоне провалилась. Поэтому же я высказался за то, чтобы встретиться безотлагательно, что и произошло теперь здесь, в Рейкьявике. У нас есть, что конструктивно внести и договориться на встрече в Вашингтоне, серьезные предложения, серьезные проекты решений.

Я не могу себе допустить и мысли — ни на минуту, чтобы встреча в Вашингтоне провалилась. Что тогда, вообще говоря, должны думать люди — и в Советском Союзе, и в США, и во всем мире. Что же это за политики стоят во главе двух таких огромных государств, с которыми в значительной мере связана судьба всего мира? Они встречаются, переписываются, уже третья встреча у них, и ни о чем не могут договориться! Такой исход, я считаю, был бы просто скандальным, с непредсказуемыми последствиями.

Этого мы допустить не можем. Это вызвало бы разочарование во всем мире, не только в наших странах. Вот, собственно, замысел встречи в Вашингтоне, какой она должна быть, с какими результатами. Такое понимание и подтолкнуло нас, повторяю, к инициативе о проведении рабочей встречи здесь, в Исландии, в Рейкьявике, чтобы по-деловому разобраться во всем, внимательно послушать друг друга, попытаться найти точки соприкосновения, общие подходы, которые бы отвечали интересам и наших двух стран, интересам наших союзников и народов всех стран.

А американцы все-таки приехали сюда с пустыми руками, с нафталинным набором, от которого уже задыхаются женевские переговоры. Мы, чтобы сломать

сложившуюся ситуацию, открыть дорогу, вывести процесс переговоров на новый этап и действительно решать вопросы, внесли предложения, о которых я вам рассказал. А что произошло, вы тоже теперь знаете.

Что же делать дальше? Остаются Соединенные Штаты как реальность, да еще какая реальность, остается Советский Союз — как тоже внушительная реальность. Герой одного нашего русского писателя собирался, вы знаете, Америку «закрыть». Мы свободны от такого комплекса. Америка — это реальность. Но не только СССР и США — весь современный мир — реальность. И сейчас нельзя не только заработать авторитета, а главное — решить проблемы, если не учитывать этой реальности нынешнего мира.

А вот что мы очень почувствовали на этой встрече, так это дефицит нового мышления. Опять возник перед нами этот призрак погони за военным превосходством. Летом я встречался с господином Никсоном, и он мне тогда сказал: опираясь на свой огромный жизненный и политический опыт, имею право сделать вывод, что погоня за этим призраком завела нас далеко. И теперь мы не знаем, как выбраться из этих завалов, какими являются накопленные горы ядерного оружия. Все это осложняет, отравляет обстановку в мире.

Думаю, тем не менее, что все то, что состоялось здесь — а ведь были уже почти готовые договоренности, их только не удалось оформить, — имеет большое значение. Мы вносили свои предложения в пакете. Думаю, вы понимаете, почему это делалось. И сам путь, который мы прошли здесь, в Исландии, к таким крупным договоренностям о столь значительных сокращениях ядерного оружия, — это уже огромный опыт, который мы получили здесь, это огромные приобретения.

Думаю, что нужно еще обдумать и президенту США, и нам всю ситуацию, которая в конечном итоге сложилась здесь на встрече, еще раз вернуться к обсуждавшимся вопросам и попытаться перешагнуть через то, что нас разделяет. Мы ведь о многом уже договорились, через многое прошли. Возможно, президенту надо посоветоваться и с конгрессом, и с политическими кругами, и с американской общественностью.

Пусть обдумает Америка. Мы подождем, не снимая наши предложения, которые мы обнародовали, и по сути дела подошли к тому, чтобы договориться по ним. Это во-первых.

Во-вторых, я думаю, что все реалистические силы в мире должны сейчас действовать. Все живущие на Земле — в социалистическом мире, в капиталистическом мире, в развивающемся мире — имеют сейчас уникальный шанс — наконец реально взяться за прекращение гонки вооружений, запретить ядерное оружие, уничтожить его и отвести от человечества ядерную угрозу. Этой задаче было подчинено и наше предложение президенту — давайте договоримся о том, чтобы наши представители сразу по завершении встречи в Рейкьявике сели за переговоры по запрещению ядерных взрывов. Причем мы подошли гибко, заявили, что рассматриваем это как процесс, в ходе которого можно было бы рассмотреть на каком-то этапе, может быть, даже в первоочередном порядке, и вопрос о «порагах» мощности ядерных взрывов, и вопрос о коли-

честве ядерных взрывов в год, и о судьбе договоров 1974—1976 годов и, таким образом, шли бы к разработке полномасштабного договора о полном и окончательном запрещении ядерных взрывов.

Мы были близки к нахождению формулы и по этому вопросу. Кстати, мы сказали на встрече: не требуем от вас моратория. Дело ваше. Вы отчитываетесь перед своим конгрессом, перед народом, будете ли вы после того, как начнутся переговоры, продолжать взрывать, или вы присоединитесь к нашему мораторию. Это дело ваше. Но давайте сядем за полномасштабные переговоры для выработки соглашения о полном и окончательном запрещении ядерных взрывов.

Таким образом, и здесь проходило сближение. Но когда произошел разрыв по ПРО, тогда оборвалась и вся дискуссия, приостановились все поиски. Мы прекратили нашу встречу.

Я думаю, сейчас мы с американцами должны все обдумать, да и мировое общественное мнение должно обдумать сложившуюся ситуацию по главному вопросу, который беспокоит народы всех стран — по вопросу войны и мира, ядерной угрозы. Мне думается, я не преувеличиваю, когда считаю, что все, что мы предлагали президенту, отвечает интересам и американского народа, и народов всех стран. Если кому-то так не кажется, то пусть как следует прислушается к тому, что требует американский народ, советский народ, все народы.

Приехав сюда на встречу, я сказал, что пришло время действий. Действительно, время действий настало, и нам нельзя его терять. Мы будем действовать. Мы от своей линии на мир, на борьбу против гонки вооружений, за запрещение и ликвидацию ядерного оружия, за то, чтобы отвести угрозу от всего земного шара, не отступим. И я уверен, мы в этой борьбе не одиноки.

Вот что я хотел вам сказать сейчас, сразу после завершения встречи. Видимо, я мог бы и больше сказать, если бы у меня было больше времени обдумать все, что произошло. Но мне кажется, я выразался вполне ясно и определенно по всем вопросам.

В ходе бесед с президентом мы касались и многих других вопросов. Мы говорили по гуманитарным вопросам, и тут выходили на конкретные проблемы. Работали две группы экспертов. Вы об этом, наверное, знаете. Во главе одной — от нас был Маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба Ахромеев, от американской стороны — Пол Нитце. Они работали практически всю ночь.

Группу по гуманитарным вопросам с нашей стороны возглавлял заместитель министра иностранных дел Бессмертных, со стороны американцев — заместитель госсекретаря господа Риджуэй.

Там тоже был интересный обмен мнениями. И определенное взаимопонимание, которое там имело место, могло бы стать составной частью итогового документа. Но поскольку разрушилось главное, остановился весь процесс.

Как видите, в общем была интересная встреча, важная, многообещающая. Но пока она завершилась вот таким образом.

Не будем впадать в отчаяние. Я думаю, встреча вывела нас на очень важный этап — этап понимания, где мы находимся. И она показала, что договоренности возможны. В этом я убежден.

Благодарю вас за внимание.

Неужели у вас даже после такой моей подробной речи еще будут вопросы? Ну давайте. До зари будем сидеть.

Вопрос (чехословацкое телевидение). Михаил Сергеевич, Вы сказали, здесь, в Рейкьявике, был упущен исторический шанс. Когда, по Вашему мнению, может появиться новый шанс?

Ответ. Я бы, знаете, дал на это оптимистический ответ. Потому что уже многое проделано и накануне встречи, и на самой встрече. И если с реалистических позиций и в Соединенных Штатах, в Белом доме, и у нас в советском руководстве еще раз все обдумаем и проявим ответственность, то еще не потеряна возможность решить уже поставленные вопросы.

Вопрос (японская телекомпания Эн-эйч-кей). Значит ли, что диалог с США, с администрацией Рейгана еще продолжается? Или Вы думаете, что для продуктивного диалога с Рейганом возможностей остается очень мало?

Ответ. Я думаю, что сейчас еще больше возросла необходимость в диалоге, каким бы он ни был трудным.

Вопрос (газета «Правда»). Михаил Сергеевич, как Вы считаете, все-таки почему американская администрация пошла на срыв переговоров, приняв такое безответственное решение, игнорируя мировое общественное мнение?

Ответ. По-моему, Америка должна еще определиться. Она, кажется, еще не определилась. И это, как мы чувствовали, сказывалось на позиции президента.

Вопрос (австралийская радиовещательная корпорация). Вы сказали, что президент Рейган находится в плену военно-промышленного комплекса. Значит ли это, что следующие два года будут безрезультатными? Есть ли у Вас надежда, что следующий президент США не будет в плену этого комплекса?

Ответ. При всем том, что ныне представляет собой военно-промышленный комплекс, и при всем том, какой вес он занимает в сегодняшней Америке, не будем переоценивать его возможности. Решающее слово за народом в любой стране, в том числе и за американским народом.

Вопрос (исландское радио и телевидение). После негативного результата встречи попытается ли Советский Союз противопоставить что-либо американской программе СОИ и не запустит ли он на полную мощь свою программу космических вооружений?

Ответ. Я думаю, вы поняли смысл советской позиции. Если сейчас мы подошли к этапу, на котором начинаем глубокое сокращение ядерного оружия — и стратегического, и средних ракет — а мы с американцами уже выходили на договоренность сделать это в течение десяти лет, то мы вправе требовать, чтобы в этот период мы были гарантированы, что ничего неожиданного, непредвиденного не произойдет. Это включает и такую сферу, как ПРО, и особенно ее космический эшелон.

Я сказал президенту, что нас СОИ в военном отношении не беспокоит. По-моему, и в Америке уже мало кто верит, что можно создать такую систему. Более того, если в конце концов Америка решится на это, наш ответ не будет симметричным. Правда, сказал я

президенту, Вы знаете, что меня уже сделали Вашим соратником по СОИ. Он удивился. Оказывается, говорю, в связи с тем, что я так остро критикую СОИ, это дает Вам самый убедительный аргумент, что СОИ нужна. Вы просто говорите: раз Горбачев против, значит это хорошее дело. И Вы собираете аплодисменты и финансирование. Правда, появились циники и скептики, они говорят: а вдруг это коварный замысел Горбачева — самому не втягиваться в СОИ, а Америку разорить. Так что пусть разбираются сами. Во всяком случае нас СОИ не пугает. Это я уверенно заявляю, потому что в таких вопросах заниматься блефом — дело безответственное. Ответ на СОИ будет. Асимметричный, но будет. При этом нам не придется жертвовать многим.

Но в чем ее опасность? Первое — опасность политическая. Сразу создается ситуация, которая вносит неопределенность, подогревает недоверие друг к другу, подозрение. И тогда уж тут не до сокращения ядерного оружия. Короче говоря, для того, чтобы основательно заняться сокращением ядерного оружия, нужна совсем другая ситуация. Во-вторых, есть все-таки и военная сторона. Через СОИ можно выйти на новые виды оружия. Это мы тоже компетентно можем сказать. И выйти на совершенно новый этап гонки вооружений с очень серьезными последствиями.

Получается, что, с одной стороны, мы договариваемся начинать сокращать ядерное оружие, сегодня оно самое опасное и страшное. А с другой стороны — мы должны благословлять исследования, и даже в космосе проводить их, чтобы создать новейшее оружие. Это же противоречит нормальной логике.

Вопрос (газета «Вашингтон пост»). Вы только что провели еще одну двухдневную встречу с президентом Рейганом. Какое у Вас сложилось впечатление от президента как от политического деятеля? Считаете ли Вы, что он разделяет Ваше чувство ответственности за судьбы мира?

Ответ. У меня такое впечатление, что мы с г-ном Рейганом можем продолжать диалог и заниматься поисками развязок крупных, животрепещущих проблем, в том числе и тех, о которых я говорил.

Вопрос (датское телевидение). С учетом неудовлетворительных итогов данной встречи, означает ли это, что не будет прогресса по вопросу о запрещении ядерных испытаний и по другим вопросам, которые обсуждались вчера и сегодня? Увязывается ли запрещение ядерных испытаний с другими вопросами, которые рассматривались в ваших беседах?

Ответ. Я уже ответил на этот вопрос. Мы считаем, что на этом не обрываются ни наши контакты с американцами и с президентом, ни тем более — международные отношения. Поиски продолжаются и будут продолжаться. И то, что произошло здесь, в Исландии, тем более должно заставить всех почувствовать, что надо включаться в общую борьбу за нормализацию международной обстановки, за поиск выходов из тупиковых ситуаций, в том числе и тех, о которых речь шла здесь, в Рейкьявике. Собственно, один из тупиков здесь и возник. Но я оптимист.

Вопрос (телевидение ГДР). Вы сказали, что встреча не дала результатов. Означает ли это, что она была

бесполезной? Как Вы считаете, стал ли мир после встречи в Рейкьявике надежнее?

Ответ. Я думаю, вы хорошо продумали свой вопрос. У наших немецких друзей мне всегда нравится точность выражений, в том числе и мыслей. То, что мы завершили встречу, не договорившись по вопросам, к которым мы, кажется, нашли подходы, — это, конечно, печально, это разочаровывает. Несмотря на это, я бы не назвал встречу бесполезной. Наоборот, она — ступень в сложном и трудном диалоге в поисках решений. Ведь мы в общем-то ищем нелегкие решения по нелегким вопросам. Поэтому давайте не будем сеять по миру панику. В то же время надо, чтобы мир знал все, что происходит, и не чувствовал себя сторонним наблюдателем. Сейчас подошло время активных действий всех сил.

Вопрос (американская телекомпания Эй-би-си). Господин Генеральный секретарь, я не понимаю, почему когда Вы с президентом Рейганом имели возможность добиться соглашения по сокращению ядерных вооружений, советская сторона не согласилась с исследованиями по СОИ. Ведь Вы сами в свое время говорили в Женеве, что готовы заплатить большую цену за сокращение ядерных вооружений. И сейчас, когда были такие возможности, Вы их упустили.

Ответ. В вашем вопросе уже содержится элемент критики, поэтому я отвечу на него подробно.

Во-первых, президент США приехал в Рейкьявик с пустыми руками. Американская делегация, я бы сказал, нам привезла хлам с женевских переговоров. И только благодаря далеко идущим предложениям советской стороны мы смогли близко подойти к очень крупным договоренностям (оговариваясь: они не были оформлены) по сокращению стратегических наступательных вооружений, по средним ракетам. Естественно, мы надеялись, что в этих условиях — и я думаю, это вполне понятно и политику, и военному, и просто нормальному человеку, — раз мы подписываем подобные крупные договоренности, надо позаботиться, чтобы не произошло ничего, что сорвало бы этот трудный процесс, к которому мы шли десятилетия. Я уже говорил, что имеется в виду. Добавлю: американская сторона давно уже подкапывается под ПРО. Она уже поставила под сомнение ОСВ-2 и теперь ей хотелось бы в Рейкьявике организовать похороны ПРО, причем с участием Советского Союза и Горбачева. Это не пройдет. Весь мир бы нас не понял. И я в этом убежден.

Если мы начнем еще атаковать и ПРО — последний механизм, столько сделавший для того, чтобы все-таки сдержать процесс гонки вооружений, — тогда мы ничего не стоим как политики. Но мало сохранить его, когда начинаются глубокие сокращения ядерных вооружений, его надо упрочить. И мы предложили механизм упрочения — не пользоваться в течение 10 лет, за которые мы и сократим полностью, уничтожим ядерный потенциал в наших странах, — не пользоваться правом выхода из ПРО.

В то же время, чтобы никто не стремился — ни Советский Союз обойти Америку в исследованиях по космосу и вырваться вперед, добиться военного превосходства, ни Америка в отношении Советского Союза, — мы сказали: мы — за лабораторные исследования и испытания, но против выхода с этими исследованиями

и испытаниями частей космического ПРО в космос. Вот наше требование. Таким образом, наше требование в этом случае тоже было конструктивным, учитывающим позиции партнера. Если бы на это согласились, администрация получала бы возможность в рамках лабораторных исследований решать свои вопросы, но без попыток создать космическую ПРО. Я думаю, тут логика, как говорят дети, железная. У детей тоже надо иногда учиться.

Теперь дадим слово женщинам.

Вопрос (газета «Гардиан»). Планирует ли Советский Союз какие-то новые инициативы в отношении Западной Европы после того, что произошло в Рейкьявике?

Ответ. Я думаю, Западная Европа слышит, что я говорю, и если она подумает и внимательно изучит наши предложения, то увидит, что они отвечают интересам Западной Европы. Мы далеко не безразличны к интересам Западной Европы, в которой пускают корни ростки нового мышления и в которой нарастает ответственность за сохранение и упрочение нашего общего «европейского дома».

Вопрос (журнал «Ньюсуик»). Каковы Ваши намерения относительно поездки в Вашингтон. Вы говорили о том, что до этого необходимо добиться одного-двух соглашений. Возможно ли достижение таких соглашений прежде, чем Вы прибудете в Вашингтон с визитом?

Ответ. Думаю, что, несмотря на весь драматизм сегодняшнего дня, мы не удалились от Вашингтона, а приблизились к нему. И если президент и американская администрация прислушаются к моему предложению продолжить изучение всего того, о чем шла речь здесь, в Рейкьявике, и посоветуются в тех кругах, в которых сочтут необходимым, я думаю, не все потеряно. Есть возможности, опираясь на то, что мы здесь имели в Рейкьявике, выйти на такие соглашения, которые бы сделали реальной и возможной встречу в Вашингтоне. И она могла бы быть результативной.

Вопрос (американская телекомпания Си-эн-эн). Г-н Горбачев, Вы говорили в своем выступлении, что президент Рейган должен подумать над ситуацией и посоветоваться с конгрессом, посоветоваться с американским народом. Считаете ли Вы, что американское общественное мнение поддержит советский подход в этом плане?

Ответ. Подождем, увидим.

Вопрос (газета «Руде право»). У меня вопрос к Вам как к политическому деятелю и юристу. Как, по Вашему мнению, выглядят приоритеты в вопросах прав человека в ракетно-ядерный век и какую роль может сыграть человеческий фактор в решении вопроса войны и мира?

Ответ. Вы, смотрите, — философ. Я тоже раньше занимался философией и теперь опять стал ею интересоваться. Думаю, когда мы говорим о правах человека, то должны помнить, что сегодня вопрос о сохранении мира, о том, чтобы отвести ядерную угрозу от человека, — это самый главный приоритет. Будет мир, будет жизнь. А с проблемами как-нибудь разберемся. Все больше становится в мире образованных людей, образованных народов. Народы во всем разберутся. Поэтому, когда мы говорим о правах человека, я бы на пер-

вое место поставил право человека на жизнь. Это первое.

И второе — о человеческом факторе. В ядерный век (и в этом я вижу как раз проявление нового мышления) угроза войны по-новому ставит и вопрос о роли человеческого фактора в деле ее предотвращения. Ядерная война коснется всех, независимо от того, где она начнется. Только недоброжелатели считают, что все антивоенные движения, все, кто выступает в защиту мира, это — результат происков Москвы. Сегодня женщины, дети, мужчины всех возрастов поднимаются, берутся за руки и требуют остановить опасную тенденцию сползания к ядерной войне. Роль человеческого фактора в этих условиях значительно возрастает.

Вопрос (газета «Известия»). В Белом доме много и часто говорили о том, что главная опасность для Америки — это советские межконтинентальные ракеты. Мы же предложили в Рейкьявике в течение десяти лет эту главную опасность для Америки ликвидировать. Каково Ваше впечатление, почему другая сторона оказалась не готовой к тому, чтобы снять, отвести от своей страны эту главную опасность?

Ответ. Вы очень правильно подняли этот вопрос. Много лет использовался этот аргумент: Советский Союз, дескать, не настроен серьезно на разоружение, на прекращение гонки вооружений, поскольку он не учитывает озабоченности Америки в этом плане.

Как видите, мы предложили пойти на радикальные сокращения. Причем поставили вопрос очень резко. Есть триада стратегических вооружений, признанная и нами, и американцами. Мы предложили всю эту триаду стратегических вооруженных сил сократить в первые пять лет на 50 процентов. Это крупный шаг.

Но вместе с тем мы американцам сказали, что и у нас есть озабоченность. Ведь в США большая часть стратегических сил развернута на подлодках. Это около 700 ракет, на которых находится почти 6.000 РГЧ индивидуального наведения. А подлодки, как известно, курсируют в морях и океанах вокруг Советского Союза. Откуда они нанесут удар? Это не менее опасно, чем тяжелые ракеты наземного базирования.

Одним словом, когда не хотят решать вопросы, тогда ищут проблемы, создают искусственные препятствия. Однако здесь, в Рейкьявике, мы лишили почвы подобные выдуманные препятствия. Вот что важно. Ведь мы пошли на очень крупный шаг, сняв, как я уже говорил, оговорки относительно средних ракет, которые для нас представляют собой стратегическое оружие. Да и средства передового базирования мы сбросили с зачета. Вот наша добрая воля. Но американцы, тем не менее, не пошли навстречу.

Они думают, что через космос добьются военного превосходства над нами и реализуют идею одного президента, который сказал: кто будет господствовать в космосе, тот будет господствовать на Земле. Это показывает, что нам приходится иметь дело с имперскими амбициями.

Но мир сегодня не тот, что прежде. Он не хочет быть и не будет вотчиной ни Соединенных Штатов Америки, ни Советского Союза. Каждая страна имеет право на свой выбор, на свою идеологию, на свои ценности. Если мы не признаем этого, тогда нет международных

отношений. Тогда есть хаос и кулачное право. Мы с этим никогда не согласимся.

Америка, наверное, очень тоскует по старым временам, когда в военном отношении она нас превосходила — ведь мы вышли из войны ослабленными экономически.

Ностальгия по прошлому в Америке, видимо, есть. Тем не менее мы пожелаем нашим американским партнерам осознать сегодняшние реальности. Это им тоже необходимо сделать. Иначе, т. е. если американцы не начнут мыслить сегодняшними категориями, исходить из нынешних реальностей, мы не продвинемся в поисках правильных решений.

Вопрос (болгарское телевидение). Насколько я понял, переговоры в Женеве не прекращаются, и советское руководство намерено дать советской делегации поручение искать решение вопросов, которые до сих пор не разрешены?

Ответ. Вы правы.

Вопрос. Думаете ли Вы, что те же самые инструкции будут даны и американской делегации после Рейкьявика?

Ответ. Я надеюсь, что это будет именно так.

Вопрос (телеграфное агентство ЧТК). Какое, по Вашему мнению, влияние окажет исход встречи в Рейкьявике на общеевропейский процесс?

Ответ. Я думаю, что и политики, и народы Европы в этот очень ответственный момент окажутся на высоте. Время требует действий, а не просто велеречивых заявлений, за которыми не следует ничего конкретного. Мир устал, миру надоела болтовня, мир нуждается в реальном прогрессе: в разоружении, в ликвидации ядерного оружия. И я думаю, что эта тенденция будет нарастать. Особенно я надеюсь на мудрость и ответственность политиков и народов Европы.

Вопрос (американская телекомпания Эн-би-си). Как я понимаю, Вы напрямую обращаетесь с призывом к другим членам международного сообщества выступить в качестве своего рода лобби с тем, чтобы повлиять на Соединенные Штаты и заставить их изменить свое мнение?

Ответ. Нам известно, насколько у вас развит лоббизм, как идет политический процесс в Америке. Мо-

жет быть, поэтому и президенту трудно было принять решение на этой встрече. Но когда речь идет о том, чтобы упрочить мир, предпринять реальные шаги с этой целью, когда нужны совместные усилия — это касается всех, а не только Соединенных Штатов и Советского Союза, — поэтому надо говорить не о лоббизме, а о чувстве ответственности, о здравом смысле народов, о понимании той ценности, какой является мир, и необходимости его уберечь. Поэтому обвинять народы или движения, выступающие за мир, лоббистами в пользу Советского Союза — оскорбительно. Речь идет о том, что люди отстаивают свою политическую и гражданскую позицию.

Вопрос (исландская газета «Моргунбладид»). Я работаю в Исландии издателем газеты. Не вызвало ли у Вас трудности решение о прибытии в Рейкьявик? Ведь Исландия — член НАТО? В то же время, как известно, наше правительство выступило за объявление Севера безъядерной зоной, и мне хотелось бы узнать Ваше отношение к этому.

Ответ. Я хотел закончить этой темой и с удовольствием воспользуюсь вопросом представителя прессы Исландии. Хочу напомнить, что именно мы предложили Исландию как возможное место встречи. Поэтому никаких трудностей у нас на этот счет не было.

Я хочу поблагодарить правительство Исландии, народ Исландии за то, что они свой потенциал — и человеческий, и организационный, и материальный, использовали для того, чтобы помочь в организации этой важной встречи. Мы благодарны за это, и чувствовали себя здесь хорошо. Много интересного я получил из информации Раисы Максимовны, у которой было много встреч с исландцами. Все эти контакты были очень интересны. Радует дружелюбная атмосфера, большой интерес к нашей стране. Мы благодарны Исландии, исландскому правительству за то, что они сделали. Желаем процветания вашему народу.

Что касается последней части вашего вопроса относительно того, что правительство Исландии хочет объявить Север безъядерной зоной, то мы это приветствуем.

Дорогие друзья, благодарю вас за внимание. Думаю, мы с вами провели время полезно. Желаю вам всего доброго.

ВЫСТУПЛЕНИЕ

Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА

по советскому телевидению от 22 октября 1986 г.

Добрый вечер, дорогие товарищи!

Мы опять встречаемся с вами и опять по тому же вопросу — о Рейкьявике. Вопрос слишком серьезный. Итоги встречи с президентом США взбудоражили весь мир. За истекшие дни появилось много новых данных, требующих оценки, которыми я и хотел бы сегодня с вами поделиться.

На пресс-конференции в Рейкьявике я, помните, говорил, что мы еще не раз будем возвращаться к встрече между руководителями СССР и США.

Убежден: мы еще не осознали всей важности того, что произошло. Но обязательно поймем — не сейчас, так завтра, — поймем все значение Рейкьявика и воздадим должное как достижениям, приобретениям, так и упущенным возможностям, потерям.

При всем драматизме — и хода переговоров, и их итогов — встреча в Рейкьявике, может быть впервые за многие десятилетия, так далеко продвинула нас в поисках путей к ядерному разоружению.

Я и сейчас считаю: в итоге встречи мы поднялись на более высокую ступень не только в анализе ситуации, но и в определении целей и рамок возможных договоренностей по ядерному разоружению.

Оказавшись в нескольких шагах от практической договоренности по столь трудной и жизненно важной проблеме, все мы неизмеримо больше стали понимать опасность, в которой находится мир, сильнее чувствуем необходимость безотлагательных решений и, что самое главное, — сейчас мы знаем: устранение ядерной угрозы — реально и возможно.

Здесь я хотел бы заметить, что еще совсем недавно советская программа ликвидации ядерных вооружений к 2000 году многими «столпами» мировой политики объявлялась иллюзией, несбыточной мечтой.

Вот уж воистину — тот самый случай, когда прошлый опыт является не богатством и не советчиком, а грузом, отягощающим поиск решений.

Но Рейкьявик породил не только надежды, Рейкьявик высветил и трудности на пути к безъядерному миру.

Без понимания этого факта нельзя правильно оценить итоги исландской встречи.

Силы, противостоящие тенденции к разоружению, велики. Это мы почувствовали как на самой встрече, так и сейчас. О Рейкьявике сейчас говорится много.

Встреча в Исландии реалистически мыслящими людьми расценивается как крупное политическое событие.

Приветствуется тот факт, что в результате ее удалось выйти на новые качественные рубежи в борьбе

против ядерного оружия. Итоги Рейкьявика, как они видятся советскому руководству, ободряют всех, кто хочет перелома к лучшему.

Интересные оценки высказываются в государственных, общественных и научных кругах большинства стран. Намечившиеся возможности характеризуются как отвечающие общечеловеческим устремлениям.

По общему мнению, встреча подняла на новый уровень советско-американский диалог, равно как и в целом диалог Восток — Запад.

Он выведен из плоскости технических выкладок, цифровых сопоставлений на новые параметры и измерения.

С этой высоты видны новые перспективы в решении тех проблем, которые так остро сегодня стоят, — я имею в виду безопасность, ядерное разоружение, недопущение новых витков гонки вооружений, новое понимание возможностей, открывшихся перед человечеством.

Дискуссия в мире по итогам встречи, можно сказать, еще только разворачивается. Думаю, больше того, убежден, она будет нарастать. Будут нарастать, как мы думаем, и общие усилия народов, политических и общественных кругов, направленные на реализацию возможностей, открывшихся на встрече в Рейкьявике.

Там был обозначен маршрут движения к решению важнейших проблем, от которых зависит сама судьба человечества.

Но время после Рейкьявика показало и другое.

Круги, связанные с милитаризмом, с прибылями от гонки вооружений, явно напуганы. Они изо всех сил стараются справиться с новой ситуацией и, координируя свои действия, всячески стремятся сбить с толку людей. Взять под контроль настроения широких кругов мировой общественности, погасить их порыв к миру, помешать правительствам занять четкую позицию в этот решающий исторический момент.

В распоряжении этих кругов — власть политическая, экономические рычаги, мощные средства информации. Не следует переоценивать их силу, но и недооценивать тоже не следует. По всему, конечно, видно — борьба будет трудной.

В стане противников разрядки и разоружения началась новая перегруппировка сил, предпринимаются лихорадочные усилия выстроить такие препятствия, чтобы процесс, начатый в Рейкьявике, захлебнулся.

В этих условиях считаю необходимым вернуться к вопросам, остро вставшим в повестку дня в связи со встречами в Исландии.

Наша точка зрения, которую я высказал спустя час по ее окончании, не изменилась. Считаю необходимым сказать об этом не только для того, чтобы подтвердить ранее сделанные оценки.

Делаю это, чтобы обратить ваше внимание на чехарду и разногласия, которые мы наблюдаем. То ли это от растерянности, замешательства, то ли заранее продуманная акция по надувательству простых людей.

Идут разные объяснения целей, которые ставились перед встречами. От первых проклятий в адрес Рейкьявика быстро и дружно перешли к восторгам.

Началась суетливая кампания по присвоению себе не своих предложений.

Главные силы брошены на защиту посрамленной в Рейкьявике СОИ. В общем суматошные дни переживает сегодня Вашингтон.

Что это — предвыборная игра, которая нуждается в успехе Рейкьявика? Или имеем дело с непредсказуемой политикой на предстоящие годы?

Этот феномен нуждается в серьезном изучении.

Мимо нашего внимания не прошло, как и куда некоторые политические круги пытаются направить обсуждение итогов встречи.

О главных моментах такой кампании стоит сказать. Хотят обелить деструктивную позицию администрации США, которая пришла на встречу неподготовленной, я бы сказал еще раз, со старым багажом, а когда деваться было некуда и обстановка потребовала ясных ответов, сорвала возможность завершить встречу договоренностями.

Хотя в новой ситуации, создавшейся после Рейкьявика, понудить СССР вернуться к старым подходам, тянут назад к бесплодным цифровым дискуссиям, к блужданию по кругу в условиях тупика.

Очевидно, немало таких политиков на Западе, которых переговоры в Женеве устраивают как ширма, а не как форум для поиска договоренностей.

Теперь становится яснее то, что раньше тщательно маскировалось: в американских и западноевропейских правящих кругах есть мощные силы, которые стремятся сорвать процесс ядерного разоружения, кое-кто опять стал утверждать, что ядерное оружие — чуть ли не благо.

Говорят, что половина правды — самая опасная ложь. И очень тревожно, что на такую позицию — а подчас и позицию прямого обмана — встали не только средства массовой информации правого толка, но и высокопоставленные деятели американской администрации.

Я уже имел возможность рассказать, как было дело в Рейкьявике. Мы приехали на встречу с конструктивными и самыми радикальными за всю историю советско-американских переговоров предложениями по сокращению вооружений. В них учитываются интересы обеих сторон.

Прибыв в Исландию, я сказал об этом накануне встречи в беседе с руководителями этой страны. И уже в середине первой беседы с президентом США эти предложения ему были вручены.

Далеко идущие и взаимосвязанные, они составляют целостный пакет и основаны на объявленной 15 января нашей программе ликвидации ядерного оружия к 2000 году.

Первое. Вдвое сократить все без исключения стратегические вооружения.

Второе. Полностью ликвидировать советские и американские ракеты средней дальности в Европе и незамедлительно приступить к переговорам по ракетам этого типа в Азии, а также и по ракетам с дальностью меньшей 1.000 км, число которых мы предложили сразу же заморозить.

Третье. Упрочить режим ПРО и начать полномасштабные переговоры о полном запрещении ядерных испытаний.

На базе советских предложений и развернулись дискуссии в Рейкьявике, о чем я подробно говорил в прежних своих выступлениях.

В результате трудной борьбы и острых споров произошло обнадеживающее сближение позиций по двум из трех направлений.

Логика переговоров вывела стороны на определение конкретных сроков ликвидации стратегических наступательных вооружений. И мы с президентом Р. Рейганом пришли к согласию, что такие вооружения СССР и США могут и должны быть полностью ликвидированы к 1996 году.

Была достигнута договоренность и о полной ликвидации американских и советских ракет средней дальности в Европе, и о радикальном сокращении ракет этого класса в Азии.

Мы придаем этим договоренностям между СССР и США принципиальное значение: они показали, что ядерное разоружение возможно.

Такова первая половина правды о Рейкьявике. Но есть и другая половина. Состоит она, как я уже сказал, в том, что американская сторона сорвала соглашение, до которого, казалось, рукой подать.

Сейчас администрация США изо всех сил старается убедить, что возможный крупный успех с выходом на конкретные соглашения не был достигнут ввиду неуступчивости советской стороны по программе так называемой «стратегической оборонной инициативы».

Говорят даже, будто мы заманили в ловушку президента, выдвинув «захватывающие дух» предложения по сокращению стратегических наступательных вооружений и ракет средней дальности, а потом, дескать, в ультимативной форме потребовали отказа от СОИ.

Но суть нашей позиции, наших предложений вот в чем: мы за сокращение, а затем и полную ликвидацию ядерного оружия и решительно против нового этапа гонки вооружений, переноса ее в космос.

Отсюда — мы против СОИ и за укрепление Договора по ПРО.

Всякому здравомыслящему человеку понятно, что если мы вступаем на дорогу глубоких сокращений, а потом и полного уничтожения ядерного оружия, то надо исключить любую возможность, которую могла бы использовать то ли советская, то ли американская сторона для получения одностороннего военного превосходства.

Как раз главную опасность СОИ мы и видим в переносе гонки вооружений в новую сферу, в стремлении вырваться с наступательным оружием в космос и таким способом добиться военного превосходства.

СОИ встала на пути прекращения гонки вооружений, избавления от ядерного оружия, главным препятствием на пути к безъядерному миру.

И когда господин Шульц, государственный секретарь США, говорит американскому народу, что СОИ — это своего рода «страховой полис» для Америки, то это, по меньшей мере, попытка ввести в заблуждение американский народ.

СОИ на самом деле не укрепляет безопасность Америки, не укрепляет, а, открывая новый этап гонки вооружений, дестабилизирует военно-политическую ситуацию и тем самым ослабляет и безопасность Соединенных Штатов, и всеобщую безопасность.

Это американцы должны знать.

Должны они знать и то, что позиция США по СОИ, объявленная в Рейкьявике, в корне противоречит Договору по ПРО. Статья XV этого договора действительно позволяет выйти из договора, но только при определенных обстоятельствах, а именно — если «исключительные обстоятельства поставили под угрозу ее (участницы договора) высшие интересы». Никаких таких обстоятельств не было и нет сейчас. И понятно, что ликвидация ядерного оружия, если бы она началась, делала бы возникновение таких чрезвычайных обстоятельств еще менее вероятным. Это логично.

Статья XIII Договора по ПРО предусматривает и другое, а именно — что стороны должны «рассматривать по мере необходимости возможные предложения по дальнейшему повышению жизнеспособности настоящего договора». США же стремятся, наоборот, обесценить договор, лишить его смысла.

Это все — цитаты из документа, подписанного высшим представителем Соединенных Штатов.

Много сочинили побасенок, чтобы поднять авторитет СОИ. Одна из них — что русские страшно ее боятся. Другая — что именно СОИ привела русских на переговоры в Женеву, а потом и в Рейкьявик. Третья — что СОИ — это единственное спасение Америки от «советской угрозы». Четвертая — что СОИ обеспечит Соединенным Штатам большой технологический отрыв от Советского Союза и других стран и т. д. и т. п.

Сейчас со знанием проблемы я могу сказать только одно: продолжение программы СОИ втянет мир в новый этап гонки вооружений и дестабилизирует стратегическую обстановку.

Все остальное, что приписывается СОИ, — во многом весьма сомнительно и делается для того, чтобы в привлекательной упаковке сбывать этот подозрительный и опасный товар.

Президент, отстаивая свою позицию, приведшую к срыву договоренности в Рейкьявике, задает риторические вопросы: «Почему русские столь упорно требуют, чтобы Америка навечно осталась уязвимой для советского ракетного удара? Почему Советский Союз настаивает на том, чтобы мы оставались беззащитными навечно?»

Меня, признаться, такие вопросы удивляют. Из них вроде бы вытекает, что у американского президента есть возможность сделать свою страну неуязвимой, надежно ее защитить от ядерного удара.

Но пока существует ядерное оружие и продолжается гонка вооружений, у него нет такой возможности. Так же, разумеется, как и у нас.

Если президент надеется здесь на СОИ, то зря. Эффективной эта система будет разве что в случае, если ликвидировать все ракеты. Но зачем тогда, спра-

шивается, вообще нужна противоракетная оборона? К чему ее строить? Я не говорю уже о выброшенных на ветер средствах, о стоимости этой системы — по некоторым оценкам она достигнет нескольких триллионов долларов.

Пока же мы стараемся убедить Америку отказаться от опасной затеи. Убеждаем американскую администрацию искать неуязвимость, защиту на другом пути — на пути полной ликвидации ядерного оружия, создания всеобъемлющей системы международной безопасности, исключающей любые войны — и ядерные, и обычные.

Однако на сегодняшний день программа СОИ остается составной частью военной доктрины США.

Поныне действующее «Руководство по обороне на 1984–1988 годы», вышедшее из недр Пентагона в начале президентства Рейгана, прямо предусматривает «разработку систем космического базирования», включая средства уничтожения советских спутников, форсирования систем противоракетной обороны территории Соединенных Штатов с возможным выходом США из Договора по ПРО.

Как подчеркивается в этом документе, «надо направить военное соперничество с СССР в новые области и тем самым сделать бессмысленными все предыдущие советские расходы на оборону и сделать все советское оружие устаревшим». Опять, как видите, погоня за призраком, выражаясь словами бывшего президента Никсона, опять расчеты измотать Советский Союз.

Трудно даются уроки нынешней администрации.

Не здесь ли ответ на вопрос, почему так упорно держатся за СОИ? Планы «звездных войн» стали главным препятствием к договоренности о ликвидации ядерной угрозы. И зря сейчас в Вашингтоне стремятся изобразить дело так, будто мы движемся к соглашению.

Ликвидировать ядерное оружие как средство сдерживания американской агрессии, получив взамен угрозу из космоса, — на это могут пойти лишь политические простаки. Таких в советском руководстве нет!

Трудно примириться, что из-за всего этого упущен уникальный шанс — избавить человечество от ядерной угрозы. Имея именно это в виду, я говорил на пресс-конференции в Рейкьявике о том, что мы не считаем диалог законченным и надеемся, что, вернувшись домой, президент Р. Рейган посоветуется с конгрессом США, с американским народом и примет решения, необходимость которых логически вытекает из достигнутого в Рейкьявике.

Произошло же совсем другое. Помимо того, что исказили всю картину переговоров в Рейкьявике — об этом я еще скажу, — предприняли в последние дни акции, которые на нормальный человеческий взгляд выглядят просто дикими после столь важной встречи на уровне высшего руководства двух стран.

Я имею в виду высылку из США еще 55 работников советского посольства и консульства. Мы, конечно, примем ответные меры, очень жесткие меры, так сказать, на равных. Спускать такое безобразие не намерены. Но сейчас я — о другом.

Что же это за правительство, что же можно ожидать от него в других делах на международной арене? До каких пределов распространяется непредсказуемость его действий?

Оказывается, что не только нет у него конструктивных предложений по ключевым вопросам разоружения, но нет даже желания сохранить атмосферу, необходимую для нормального продолжения диалога. Получается, что Вашингтон не готов ни к тому, ни к другому.

Напрашивается вывод. Он подтверждается уже немалым опытом. Каждый раз, когда обнаруживается просвет в подходах к крупным вопросам советско-американских отношений, к урегулированию вопросов, затрагивающих интересы всего человечества, тут же следует провокация, рассчитанная на то, чтобы сорвать возможность позитивного решения, отравить обстановку.

Так где же истинное лицо американской администрации? За поиск ли она развязок и решений или окончательно хочет разрушать все, что может служить основой для продвижения вперед, заведомо исключив всякую нормализацию?

Складывается весьма неприглядный портрет администрации великой страны, быстрой на деструктивные, разрушительные действия. То ли президент не может справиться с окружением, которое буквально дышит ненавистью к Советскому Союзу и ко всему, что может ввести международные дела в спокойное русло, то ли он сам этого хочет. Во всяком случае, управы на «ястребов» в Белом доме нет. И это очень опасно.

Что же касается информирования американцев о Рейкьявике, то произошло следующее — вполне в духе вышесказанного. От них утаили факты. Им сказали ту самую полуправду, о которой я говорил выше. Дело изобразили так, будто США, действуя с позиции силы, почти вырвали у Советского Союза согласие договориться на американских условиях.

И недалек день, когда США, дескать, добьются своего: надо, мол, только не сбавлять темпа военных приготовлений, форсировать программу «звездных войн», усиливать нажим по всем направлениям.

Эти дни стали свидетелями того, что великое дело топится в мелком политиканстве. В жертву фабрикантам оружия приносят жизненные интересы своего народа, союзников, международную безопасность в целом.

Сколько сказано об открытости американского общества, о свободе информации, о плюрализме мнений, о том, что каждый может и видеть, и слышать то, что хочет.

В Рейкьявике, указывая на различия между нашими системами, президент сказал мне: «Мы признаем свободу печати, право выслушать любую точку зрения». Это я процитировал его слова. А как выглядит это на деле?

Вот самый свежий факт.

Мне рассказали, что наша общественная организация АПН издала на английском языке тексты моей пресс-конференции в Рейкьявике и выступления по советскому телевидению, направила это во множество стран, в том числе и в Соединенные Штаты.

Так вот: брошюра с этими текстами уже несколько дней задерживается на американской таможне. Ее не пускают к американскому читателю. Вот вам и «право выслушать любую точку зрения»!

Или: касаясь гуманитарных дел, я говорил президенту, — возьмите, например, кино. На советском экране идет огромное количество американских фильмов. Советские люди имеют возможность через них представить себе и образ жизни, и образ мыслей американцев.

В «свободной же Америке» советских фильмов практически не показывают. Президент ушел от ответа и, как обычно в таких случаях, спрятался за частное предпринимательство, которое, мол, что хочет, то и делает.

Говорил я ему и об издании американских книг у нас и наших книг — в США: соотношение, примерно, 20 к одному.

Поставил я перед президентом и вопрос о радиоинформации. Сказал, что и здесь мы находимся в неравном положении. Вы окружили Советский Союз сетью радиопередатчиков и с территории других стран транслируете на многих языках Советского Союза круглые сутки все, что вам вздумается. Сама же Америка, пользуясь тем, что мы не близкие соседи, отгородила себя от нашей радиоинформации средними волнами — у них приемники там только такие. Президент и на это ничего не мог возразить.

Тогда я ему предложил: давайте так поступим — мы прекращаем глушение «Голоса Америки», а вы предоставляете нам возможность на своей территории или где-то рядом наладить радиопередачи на Соединенные Штаты — так, чтобы это доходило до населения вашей страны. Президент обещал подумать.

Похоже на то, что Соединенные Штаты становятся все более закрытым обществом; хитро и эффективно изолируют там людей от объективной информации. Это — опасный процесс.

Американский народ должен знать правду о том, что происходит в Советском Союзе, о подлинном содержании советской внешней политики, о наших действительных намерениях, да и правду о положении в мире в целом.

На нынешнем этапе, я бы сказал, это приобретает исключительное значение.

Теперь — о том, как преподносятся в Соединенных Штатах итоги Рейкьявика. Понадобилось всего несколько часов, от силы дней, чтобы все, о чем говорилось в Рейкьявике, стало погружаться в туман вымыслов и фантазий. Зерна доверия стараются погубить прежде, чем они дадут всходы.

Президент заявил на днях, что предметом согласия были лишь баллистические ракеты, а его помощники прямо сказали, что бомбардировщики и все крылатые ракеты остаются в неприкосновенности.

Государственный секретарь дал другую версию — что договоренность касалась всех стратегических вооружений. Кстати, он присутствовал на моих беседах с президентом, как и наш министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе.

Г-н Спикс, выступающий от имени Белого дома, заявил, что Р. Рейган, возможно, был неправильно понят и что президент никогда не давал согласия на ликвидацию всего ядерного оружия.

Дело дошло до прямых передержек.

Утверждается, например, будто на прошедшей встрече президент США не давал согласия на советское

предложение о полном уничтожении всех стратегических наступательных вооружений СССР и США к 1996 году. Будто единой точки зрения на это наше предложение достичь не удалось.

Со всей ответственностью как участник переговоров заявляю: президент дал — хотя и без особого энтузиазма — согласие на то, чтобы были ликвидированы все — подчеркиваю — все, а не только какие-то отдельные стратегические наступательные вооружения. И уничтожены именно за десять лет, в два этапа.

Далеки от истины и интерпретации обсуждения проблемы ядерных испытаний. Односторонний подход к этому вопросу со стороны США изображается так, будто Советский Союз выразил с ним полное согласие. Не было такого и не могло быть.

Неправильно подается и вопрос о ликвидации ракет средней дальности в Европе. Мало того, что он изымается из предложенного советской стороной пакета.

Но и наше согласие заморозить количество ракет с дальностью менее 1.000 км начинают изображать как «признание» Советским Союзом «права» США разместить в Западной Европе американские ракеты того же класса.

При таких толкованиях скоро и сам засомневаешься, о чем же мы говорили в Рейкьявике — об устранении ядерной угрозы, сокращении и уничтожении ядерных вооружений? Или же о том, как повышать такую угрозу дальше, разнообразить ядерные арсеналы, делать ареной военной конфронтации не только всю планету, но и космос, Вселенную? Вот ведь как получается, товарищи.

Перспектива возможного советско-американского взаимопонимания так напугала кого-то, что загодя принялись сооружать совершенно немыслимые преграды, изобретать «предварительные условия».

Помощник президента договорился до того, что США, прежде чем идти на ядерное разоружение, «должны увидеть изменения политического климата в Советском Союзе».

Несерьезно все это, крайне несерьезно.

Когда подобные претензии выдвигались семьдесят или сорок лет назад, их еще можно было принять за недомыслие, историческую слепоту, сейчас — это демонстрация полного непонимания реальностей.

В качестве «предварительного условия» называется также и вопрос об обычных вооружениях. Сам по себе он достаточно серьезен.

До сих пор расхожим тезисом на Западе было утверждение о «превосходстве» Советского Союза, государств Варшавского Договора в обычных вооружениях. Оно якобы и понуждает НАТО непрерывно наращивать ядерный потенциал.

Конечно, никакого дисбаланса нет. После Рейкьявика этот факт впервые публично признали г-н Шульц и г-н Риган. Но суть проблемы не сводится к поддержанию паритета. Мы не хотим, чтобы гонка вооружений переместилась из области ядерных в сферу обычных вооружений.

Напомню, что наше январское предложение о ликвидации ядерного оружия до конца века включало также положения об уничтожении химического оружия и глубоких сокращениях обычных вооружений.

Мы неоднократно возвращались к этому вопросу и после января. В наиболее развернутом виде предложения стран Варшавского Договора были сформулированы летом этого года в Будапеште. Мы их направили другой стороне — я имею в виду членам НАТО.

Ответа на них до сих пор не последовало.

Каждый день после Рейкьявика проясняет, что встреча в Исландии оказалась тем пробным камнем, на котором выверяется истинная цена слов и деклараций политических деятелей.

Сколько было наговорено о том, что надо освободиться от ядерного кошмара, как легко будет дышаться в безъядерном мире, пусть только СССР и США сдвинут проблему с мертвой точки!

Но стоило забрезжить лучу надежды, как многие из тех, кто еще вчера клял ядерное оружие, заверял в приверженности идее безъядерного мира, разбежались по кустам.

Даже раздаются голоса в Западной Европе, что трудно расстаться с американским ядерным оружием, с американскими ракетами.

Дело, видимо, в том, что те, кто делает политику на Западе, думают о ядерном оружии вовсе не в оборонительном плане. Иначе трудно объяснить, почему выискиваются сейчас предлоги для сохранения ракет или высказывается поддержка программы СОИ на правительственном уровне.

Есть над чем подумать и нам, и западноевропейской общественности.

Наряду с лобовыми атаками, предпринимаются и более изощренные маневры. Нельзя ли взять со стола переговоров то, что повыгоднее, проигнорировав то, что, по разным причинам, не по вкусу?

Говорят, что трудности в Рейкьявике возникли из-за того, что мы, советская сторона, выдвинули наши кардинальные предложения в пакете. Но пакет — это баланс интересов, уступок, баланс снятия озабоченностей, взаимозависимость интересов безопасности. Здесь все как бы на одних весах, надо уравновесить обе чаши.

Вероятно, поэтому на Западе хотят этот логически обоснованный, справедливый вариант суммарной договоренности рассыпать на части, ничего не сделав для восстановления баланса компромиссов.

Все наши предложения, выдвинутые в Рейкьявике, объективно связаны с центральными стратегическими системами оружия. Наши уступки — тоже часть пакета. Не будет пакета — не будет и уступок.

Это — реальность нашей национальной безопасности. Но такой подход обеспечивает безопасность и США, и всех других стран.

Вот почему мы придаем такое значение и укреплению Договора по ПРО. Нет с нашей стороны никакого покушения на него. Наоборот, мы против его ревизии, дополнений и т.п., тем более замены его чем-то другим, как сказал или, может, оговорился президент в Рейкьявике.

Меня, признаться, очень удивило, когда он во время встречи принялся убеждать советскую сторону, меня лично, не относиться к Договору по ПРО как к «священному писанию». А как же прикажете относиться к договорам? Как к клочку бумаги, что ли?

Без строгого соблюдения договоров, тем более такого фундаментального, не обеспечить международного порядка и элементарной стабильности, иначе в мире будут царить произвол и хаос.

Скажу еще раз: когда СОВЕТСКИЙ СОЮЗ предпочитает ядерному разоружению, возможен лишь один вывод — с помощью этой военной программы пытаются опровергнуть аксиому международных отношений нашей эпохи, заключенную в простых и ясных словах, под

которыми мы с президентом США в прошлом году поставили свои подписи. Вот эти слова: ядерную войну нельзя вести, в ней нельзя одержать победу.

В заключение скажу: Советский Союз в свои предложения вложил максимум доброй воли. Эти предложения мы не снимаем, не снимаем! Все сказанное в их обоснование и развитие остается в силе.

До свидания, товарищи, всего доброго.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА

от 15 января 1986 г.

Начал отсчитывать свои дни новый, 1986 год. Это будет важный, можно сказать, поворотный год в истории Советского государства, год XXVII съезда КПСС. Съезд определит главные рубежи политического, социально-экономического и духовного развития советского общества вплоть до следующего тысячелетия. Он примет программу ускорения нашего мирного строительства.

Все усилия КПСС направляются на то, чтобы обеспечить дальнейшее улучшение жизни советского народа.

Нужен перелом к лучшему и на международной арене. Его ждут, его требуют народы Советского Союза, народы всего мира.

Исходя из этого, в самом начале нового года Политбюро ЦК КПСС и Советское правительство приняли решение о ряде крупных, принципиального характера внешнеполитических акций. Их смысл — в максимальной степени содействовать улучшению международной обстановки. Они продиктованы необходимостью преодолеть негативные, конфронтационные тенденции, нараставшие в последние годы, расчистить пути к свертыванию гонки ядерных вооружений на Земле и ее предотвращению в космосе, общему уменьшению военной опасности, становлению доверия в качестве неотъемлемого компонента отношений между государствами.

I.

Главная из этих акций — конкретная, рассчитанная на точно определенный период времени программа полной ликвидации ядерного оружия во всем мире.

Советский Союз предлагает, действуя поэтапно и последовательно, осуществить и завершить процесс освобождения Земли от ядерного оружия в течение ближайших 15 лет, до конца нынешнего столетия.

XX век подарил человечеству энергию атома. Но это великое завоевание разума может стать для людей орудием самоуничтожения.

Можно ли разрешить это противоречие? Мы убеждены, что да. Найти эффективные пути ликвидации ядерного оружия — посильная задача, если взяться за ее решение безотлагательно.

Советский Союз предлагает начать с 1986 года осуществление программы освобождения человечества от страха перед ядерной катастрофой. И то, что этот год объявлен ООН Международным годом мира, служит дополнительным политическим и нравственным сти-

мулом. Здесь требуется стать выше национального эгоизма, тактических расчетов, споров и раздоров, значение которых ничтожно по сравнению с сохранением главной ценности — мира, надежного будущего. Энергия атома должна служить только миру — за это неизменно выступало и выступает наше социалистическое государство.

Именно нашей стране принадлежит приоритет и в постановке еще в 1946 году вопроса о запрещении производства и применения атомного оружия, и в использовании ядерной энергии в мирных целях на благо человечества.

Как практически представляет себе сегодня Советский Союз порядок сокращения ядерных вооружений — как носителей, так и боезарядов — вплоть до их полной ликвидации? В суммарном виде наши предложения сводятся к следующему.

Первый этап. В течение 5—8 лет СССР и США вдвое сокращают ядерные вооружения, достигающие территории друг друга. На остающихся у них таких носителях сохраняется не более чем по 6.000 зарядов.

Само собой разумеется, что такое сокращение возможно только при взаимном отказе СССР и США от создания, испытаний и развертывания ударных космических вооружений. Как не раз предупреждал Советский Союз, создание ударного космического оружия перечеркнет надежды на сокращение ядерных вооружений на Земле.

На первом этапе достигается и реализуется решение о полной ликвидации ракет средней дальности СССР и США в европейской зоне — как баллистических, так и крылатых — в качестве первого шага на пути освобождения европейского континента от ядерного оружия.

При этом США должны взять обязательство не поставлять свои стратегические ракеты и ракеты средней дальности другим странам, а Англия и Франция — не наращивать свои соответствующие ядерные вооружения.

С самого начала необходимо, чтобы СССР и США условились о прекращении любых ядерных взрывов и обратились к другим государствам с призывом возможно скорее присоединиться к такому мораторию.

И если первый этап ядерного разоружения касается СССР и США, то это потому, что именно они должны показать пример другим ядерным державам. Об этом нами со всей откровенностью было заявлено президенту США Р. Рейгану во время встречи в Женеве.

Второй этап. На этом этапе, который должен начаться не позднее 1990 года и длиться 5–7 лет, к ядерному разоружению начинают подключаться остальные ядерные державы. Поначалу они взяли бы обязательство заморозить все свои ядерные вооружения, а также не иметь их на территориях других стран.

СССР и США в этот период продолжают сокращения, о которых они договорились на первом этапе, а также осуществляют дальнейшие меры по ликвидации своих ядерных вооружений средней дальности и замораживают свои тактические ядерные средства.

После того, как СССР и США заканчивают сокращения на 50 процентов своих соответствующих вооружений на втором этапе, предпринимается еще один радикальный шаг — всеми ядерными державами ликвидируется тактическое ядерное оружие, то есть средства с дальностью (радиусом действия) до 1.000 км.

На этом же этапе советско-американская договоренность о запрете на ударные космические вооружения должна была бы стать многосторонней, с обязательным участием в ней ведущих промышленных держав.

Все ядерные державы прекратили бы испытания ядерного оружия.

Был бы установлен запрет на создание неядерных вооружений, основанных на новых физических принципах, которые по своим поражающим способностям приближаются к ядерным или другим средствам массового уничтожения.

Третий этап начинается не позднее 1995 года, в ходе которого завершается ликвидация всех еще оставшихся ядерных вооружений. К концу 1999 года на Земле больше не остается ядерного оружия. Вырабатывается универсальная договоренность о том, чтобы это оружие больше никогда не возродилось.

Имеется в виду, что будут разработаны специальные процедуры уничтожения ядерного оружия, а также демонтажа, переоборудования или уничтожения носителей. При этом будут согласовываться количества оружия, которое подлежит ликвидации на каждом этапе, места, где оно будет уничтожаться, и т.п.

Контроль за уничтожаемыми и ограничиваемыми вооружениями осуществлялся бы как национальными техническими средствами, так и путем инспекций на местах. СССР готов договариваться о любых других дополнительных мерах контроля.

Принятие предлагаемой нами программы ядерного разоружения, бесспорно, оказало бы благоприятное влияние на переговоры, ведущиеся на двусторонних и многосторонних форумах. Она определяла бы четко очерченные маршруты и ориентиры, устанавливала бы конкретные сроки для достижения договоренностей и их реализации, придавала бы переговорам целенаправленность и целеустремленность. Тем самым была бы переломлена опасная тенденция, когда темпы гонки вооружений опережают результативность переговоров.

Итак, мы предлагаем вступить в третье тысячелетие без ядерного оружия на основе взаимоприемлемых и строго контролируемых договоренностей. Если администрация Соединенных Штатов, как она не раз заявляла, привержена цели ликвидации ядерного оружия полностью и повсюду, ей предоставляется практиче-

ская возможность заняться этим на деле. Вместо того, чтобы тратить ближайшие 10–15 лет на создание нового крайне опасного для человечества оружия в космосе, которое якобы предназначено для того, чтобы сделать ядерные вооружения ненужными, не разумнее ли взяться за уничтожение самих этих вооружений — и в конечном итоге свести их к нулю? Советский Союз, повторяю, предлагает именно такой путь.

Советский Союз обращается с призывом ко всем народам и государствам, в первую очередь, разумеется, ядерным, поддержать программу ликвидации до 2000 года ядерного оружия. Для любого непредубежденного человека совершенно очевидно, что в результате осуществления такой программы никто не проиграет, а в выигрыше останутся все. Речь идет о проблеме общечеловеческого значения, и решать ее можно и нужно только сообща. И чем скорее эта программа будет переводиться на язык практических дел, тем безопаснее станет жизнь на нашей планете.

II.

Руководствуясь этим же подходом и стремлением предпринять еще один практический шаг в контексте программы ядерного разоружения, Советский Союз принял важное решение.

Мы продлеваем на три месяца свой односторонний мораторий на любые ядерные взрывы, срок которого истек 31 декабря 1985 г. Такой мораторий будет действовать и дальше, если США, в свою очередь, также прекратят ядерные испытания. Мы еще раз предлагаем Соединенным Штатам присоединиться к этому началу, значение которого очевидно буквально для всех в мире.

Ясно, что принять нам такое решение было далеко не просто. Советский Союз не может до бесконечности проявлять одностороннюю сдержанность в отношении ядерных испытаний. Но слишком велики ставки, высока мера ответственности, чтобы мы не испробовали все возможности для воздействия силой примера на позиции других.

Все специалисты, ученые, политики, военные сходятся на том, что прекращение испытаний действительно надежно перекрывает каналы совершенствования ядерного оружия. А эта задача — первоочередная. Одно лишь сокращение ядерных арсеналов без запрета на испытания ядерного оружия не дает выход из дилеммы ядерной угрозы, ибо модернизируется остающаяся часть, сохраняется возможность создавать все более изощренное и смертоносное ядерное оружие, опробовать его новые разновидности на испытательных полигонах.

Следовательно, прекращение испытаний — это практический шаг к ликвидации ядерных вооружений.

Хочу заранее сказать следующее. Возможные ссылки на контроль, как на препятствие для установления моратория на ядерные взрывы, не имеют никаких оснований. Мы заявляем со всей определенностью — контроль для нас не проблема. Если США пойдут на прекращение на взаимной основе всех ядерных взрывов, должный контроль за соблюдением моратория будет полностью обеспечен национальными техническими средствами, а также с помощью между-

народных процедур — в необходимых случаях и с инспекцией на местах. Мы приглашаем США договориться об этом.

СССР решительно за то, чтобы мораторий стал двусторонней, а потом и многосторонней акцией. Мы также за то, чтобы возобновить трехсторонние (с участием СССР, США и Англии) переговоры о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия. Это можно было бы сделать незамедлительно, уже в этом месяце. Готовы мы и к тому, чтобы без промедления начать многосторонние переговоры о запрещении испытаний в рамках Женевской конференции по разоружению, в которых приняли бы участие все ядерные державы.

Неприсоединившиеся страны предлагают провести консультации с целью распространить действие Московского договора 1963 года о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой теперь и на не охваченные этим договором подземные испытания. Советский Союз согласен и с этим.

С лета прошлого года мы призываем Соединенные Штаты последовать нашему примеру — прекратить ядерные взрывы. Вашингтон до сих пор еще не сделал этого вопреки протестам и требованиям общественности, воле большинства государств мира. Взрывая все новые ядерные устройства, американская сторона продолжает погоню за несбыточной мечтой о военном превосходстве. Это — бесплодная и опасная политика. Политика, недостойная того уровня цивилизации, которого достигло современное общество.

Ввиду отсутствия положительной реакции от США советская сторона имела полное право начиная уже с 1 января 1986 г. возобновить ядерные испытания. Если следовать привычной «логике» гонки вооружений, так, по-видимому, и следовало бы поступить.

Но все дело в том, что именно такую, с позволения сказать, логику нужно решительно ломать. Мы предпринимаем еще одну попытку в этом направлении. Иначе процесс военного соперничества превратится в лавину, когда всякий контроль над развитием событий стал бы невозможным. Подчинять себя стихии ядерной гонки недопустимо. Это значило бы действовать вопреки голосу разума, человеческому чувству самосохранения. Требуются новые, смелые подходы, новое политическое мышление, обостренное сознание ответственности за судьбы народов.

У американской администрации вновь есть дополнительное время, чтобы взвесить наши предложения о прекращении ядерных взрывов и дать на них позитивный ответ. Именно такой реакции будут ждать от Вашингтона повсюду в мире.

Советский Союз обращается с призывом к президенту и конгрессу США, к американскому народу. Возможность остановить процесс совершенствования ядерных вооружений и отработки новых таких вооружений имеется. Она не должна быть упущена. Советские предложения ставят СССР и США в равное положение. В них нет попыток перехитрить или обыграть другую сторону. Мы предлагаем вступить на путь разумных ответственных решений.

III.

Для реализации программы сокращения и ликвидации ядерных арсеналов требуется привести в движение всю существующую систему переговоров, обеспечить максимально высокий коэффициент полезного действия механизмов разоружения.

На днях в Женеве возобновляются советско-американские переговоры по ядерным и космическим вооружениям. Во время встречи с президентом Р. Рейганом в Женеве в ноябре прошлого года у нас был открытый разговор по всему кругу проблем, которые являются предметом этих переговоров, то есть по космосу, по стратегическим наступательным вооружениям, по ядерным средствам средней дальности. Было решено ускорить переговоры, и эта договоренность не может остаться декларацией.

Советская делегация в Женеве будет иметь задание вести дело в строгом соответствии с этой договоренностью. Мы ожидаем столь же конструктивного подхода от американской стороны, прежде всего в вопросе космоса. Космос должен быть сохранен мирным, там не должны размещаться ударные вооружения. Они не должны и создаваться. И пусть будет при этом установлен самый строгий контроль, включая открытие для инспекций соответствующих лабораторий.

Человечество находится на ответственном этапе новой космической эры. И пора отказаться от мышления каменного века, когда главной заботой было обзавестись дубинкой побольше или камнем поувесистей. Мы против оружия в космосе. Наш материальный и интеллектуальный потенциал обеспечивает Советскому Союзу возможности создания любого оружия, если нас к этому вынудят. Но мы понимаем всю меру ответственности перед нынешним и грядущим поколениями. По нашему глубокому убеждению, не с программой "звездных войн" надо идти в третье тысячелетие, а с масштабными проектами мирного освоения космоса силами всего человечества. Мы предлагаем практически заняться разработкой и осуществлением таких проектов. Это один из важнейших путей обеспечения прогресса на всей нашей планете и формирования надежной системы безопасности для всех.

Не допустить того, чтобы гонка вооружений распространилась в космос, — значит снять преграду к глубоким сокращениям ядерных вооружений. На столе переговоров в Женеве лежит советское предложение вдвое сократить соответствующие ядерные вооружения СССР и США, что является важным шагом на пути к полной ликвидации ядерного оружия. Навешивать же замок на решение проблемы космоса — значит не хотеть прекращения гонки вооружений на Земле. Об этом надо сказать прямо и во всеуслышание. Не случайно, что сторонники гонки ядерных вооружений являются ревностными сторонниками и программы «звездных войн». Это две стороны одной и той же враждебной интересам людей политики.

О европейском аспекте ядерной проблемы. Чрезвычайную озабоченность вызывает то положение, когда вопреки доводам здравого смысла, вопреки нацио-

нальным интересам европейских народов в некоторых странах Западной Европы продолжается развертывание американских ракет первого удара. Проблема эта обсуждается уже много лет. А условия безопасности в Европе становятся тем временем все хуже и хуже.

Пора покончить с таким развитием событий, разрубить этот gordiev узел. Советский Союз давно предлагает освободить Европу от ядерного оружия как средней дальности, так и тактического. Это предложение остается в силе. В качестве первого, радикального шага в этом направлении мы сейчас и предлагаем, как я сказал выше, ликвидировать уже на первом этапе выдвигаемой нами программы все баллистические и крылатые ракеты средней дальности СССР и США в европейской зоне.

Достижение практически осязаемых результатов на Женевских переговорах означало бы наполнение весомым материальным содержанием выдвигаемой нами программы полной ликвидации ядерного оружия к 2000 году.

IV.

Советский Союз считает вполне реальной задачей полностью ликвидировать еще в этом столетии и такое варварское оружие массового уничтожения, как химическое.

На переговорах по химическому оружию, ведущихся в рамках Женевской конференции по разоружению, в последнее время наметилось определенное движение вперед. Однако затянулись эти переговоры недопустимо. Мы за то, чтобы интенсифицировать переговоры по заключению эффективной и поддающейся контролю международной конвенции о запрещении химического оружия и уничтожении существующих запасов такого оружия, как об этом было условлено с президентом США Р. Рейганом в Женеве.

В деле запрещения химического оружия, как и в других вопросах разоружения, от всех участников переговоров требуется свежий взгляд на вещи. Хочу со всей определенностью подчеркнуть, что Советский Союз стоит за быстрейшую полную ликвидацию этого оружия и самой промышленной базы для его изготовления. Мы готовы обеспечить своевременное объявление местоположений предприятий по производству химического оружия и прекращение его производства, начать выработку процедур по уничтожению соответствующей производственной базы, а также приступить, в скором времени после вступления конвенции в силу, к ликвидации запасов химического оружия. Причем все это осуществлялось бы под строгим контролем, включая международные проверки на местах.

Радикальному решению проблемы способствовали бы и некоторые промежуточные шаги. Например, можно было бы условиться на многосторонней основе о передаче химического оружия кому бы то ни было и о его размещении на территории других государств. Что касается Советского Союза, то он всегда строго придерживался этих принципов в своей практической политике. Мы призываем другие государства следовать этому примеру и проявлять такую же сдержанность.

V.

Наряду с изъятием из арсеналов государств оружия массового уничтожения Советский Союз предлагает, чтобы предметом согласованных сокращений стали обычные вооружения и вооруженные силы.

Сигналом начала движения в этом направлении могла бы стать договоренность на венских переговорах. Сейчас вроде бы вырисовываются контуры возможного решения о сокращении советских и американских войск и последующем замораживании уровня вооруженных сил противостоящих друг другу группировок в центре Европы. Советский Союз, наши союзники по Варшавскому Договору исполнены воли прийти к успеху на венских переговорах. Если и другая сторона действительно стремится к этому, то 1986 год мог бы стать вехой и для переговоров в Вене. Мы исходим из того, что возможная договоренность о сокращении войск потребует, естественно, разумного контроля. И мы к этому готовы. Что касается соблюдения обязательства о замораживании численности войск, то в дополнение к национальным техническим средствам можно было бы установить постоянно действующие пункты контроля за входом в зону сокращения каких бы то ни было воинских контингентов.

Теперь о таком важном форуме, как Стокгольмская конференция по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе. Она призвана обеспечить создание барьеров на пути применения силы и скрытой подготовки к войне — будь то на суше, на море или в воздухе. Возможности для этого обозначились.

По нашему мнению, особенно в нынешней обстановке нужно снизить уровень численности войск, участвующих в крупных военных учениях, о которых необходимо уведомлять в соответствии с хельсинкским Заключительным актом.

Настала пора эффективно взяться и за развязку нерешенных проблем на конференции. Наиболее узкое место там, как известно, — вопрос об уведомлениях, касающихся крупных учений сухопутных войск, флота и авиации. Разумеется, это — серьезные проблемы, и решать их надо основательно, в интересах повышения доверия в Европе. Но если не удастся пока разрешить их в комплексе, то почему бы не поискать их решения по частям. Скажем, договориться сейчас об уведомлениях о крупных учениях сухопутных войск и военно-воздушных сил, а вопрос о военно-морской деятельности перенести на следующий этап конференции.

Отнюдь не случайно, что значительная часть новых советских инициатив непосредственно обращена к Европе. На ее долю при осуществлении крутого поворота в пользу политики мира могла бы выпасть особая миссия. Эта миссия — новостройка разрядки.

Европа обладает для этого необходимым, нередко уникальным историческим опытом. Достаточно вспомнить, что общими усилиями европейцев, США и Канады был выработан хельсинкский Заключительный акт. Если нужен конкретный и осязаемый пример нового мышления и политической психологии в подходе к проблемам мира, сотрудничества и международного доверия, то им и может во многом служить этот исторический документ.

VI.

Для Советского Союза как одной из крупнейших азиатских держав обеспечение безопасности в Азии имеет жизненно важное значение. Советская программа ликвидации к концу нынешнего столетия ядерного и химического оружия созвучна настроениям народов азиатского континента, для которых проблемы мира и безопасности стоят не менее остро, чем для народов Европы. Как не вспомнить здесь о том, что Япония, ее города Хиросима и Нагасаки стали жертвами ядерных бомбардировок, а Вьетнам — объектом применения химического оружия.

Мы высоко ценим те конструктивные инициативы, с которыми выступают социалистические страны Азии, Индия, другие участники движения неприсоединения. Большое значение мы придаем тому, что обе расположенные на азиатском континенте ядерные державы — СССР и КНР — взяли на себя обязательства не применять ядерного оружия первыми.

Реализация нашей программы коренным образом изменила бы обстановку в Азии, избавила бы народы и этой части земного шара от страха перед ядерной и химической угрозой, подняла бы безопасность в этом регионе на качественно новую ступень.

Нашу программу мы рассматриваем как вклад в совместный со всеми странами Азии поиск общего комплексного подхода к формированию системы безопасного и прочного мира на этом континенте.

VII.

Наши новые предложения адресуются всему миру. Переход к активным шагам по прекращению гонки вооружений и их сокращению является необходимой предпосылкой и для решения все более обостряющихся глобальных проблем — разрушения среды обитания человека, необходимости изыскания новых источников энергии, борьбы с экономической отсталостью, голодом и болезнями. На смену навязанному милитаризмом принципу — вооружение вместо развития должен прийти обратный порядок вещей — разоружение для развития. Петля триллионного долга, которая душит сейчас десятки стран и целые континенты, — это прямое следствие гонки вооружений. Более двухсот пятидесяти миллиардов долларов, ежегодно выкачиваемых из развивающихся государств, — это сумма, практически совпадающая с размерами гигантского военного бюджета США. И по сути своей совпадение это далеко не случайное.

Советский Союз за то, чтобы каждая мера ограничения и сокращения вооружений, каждый шаг на пути освобождения от ядерного оружия не только несли народам больше безопасности, но и позволяли выделить больше средств для улучшения условий жизни людей. Не случайно, что народы, стремящиеся выйти из отсталости и достичь уровня высокоразвитых промышленных стран, связывают перспективы освобождения от изматывающей их экономику долговой зависимости от империализма с ограничением и ликвидацией вооружений, сокращением военных расходов, переключением ресурсов на цели социального и эконо-

мического развития. Эта тема, несомненно, займет важнейшее место в ходе предстоящей этим летом Международной конференции по разоружению и развitiю в Париже.

Советский Союз против того, чтобы осуществление мер в области разоружения ставилось в зависимость от так называемых региональных конфликтов. За этим скрывается как нежелание идти по пути разоружения, так и стремление навязывать суверенным народам чуждую им волю, такие порядки, которые позволяли бы поддерживать глубоко несправедливые условия существования одних стран за счет других, использования их природных, людских и духовных ресурсов в эгоистических, имперских целях отдельных государств или агрессивных группировок. Советский Союз выступал и будет выступать против этого. Он был и будет последовательным сторонником свободы народов, мира, безопасности, укрепления международного правопорядка. Его цель — не раздувание региональных конфликтов, а их ликвидация коллективными усилиями на справедливых началах, и чем скорее, тем лучше.

В наши дни нет недостатка в заявлениях о приверженности делу мира. В чем ощущается недостаток, так это в конкретных делах, направленных на упрочение его устоев. Слишком часто за миролюбивыми словами скрывается политика подготовки войны, ставка на силу. Более того, с высоких трибун делаются и выступления, направленные по существу на то, чтобы улетучилось то новое, что благотворно окрашивает сегодня международные отношения, — «дух Женевы». Дело не ограничивается заявлениями. Осуществляются действия, явно рассчитанные на подогревание враждебности и недоверия, на возрождение антипода разрядки — обстановки конфронтации.

Мы отвергаем такой образ действий и мышления. Мы хотим, чтобы 1986 год стал не просто мирным годом, а позволил бы завершить XX столетие под знаком мира и ядерного разоружения. Предлагаемый нами комплекс новых внешнеполитических инициатив рассчитан на то, чтобы человечество встретило 2000 год под мирным небом и космосом, чтобы оно не знало страха перед ядерной, химической или любой другой угрозой уничтожения и было твердо уверено в собственном выживании и продолжении рода человеческого.

Предпринимаемые сейчас Советским Союзом новые, решительные акции в защиту мира и оздоровления всей международной обстановки есть выражение плоти и духа нашей внутренней и внешней политики, их органической слитности. Той основополагающей исторической закономерности, которую подчеркивал Владимир Ильич Ленин. Весь мир видит, что наша страна еще выше поднимает знамя мира, свободы, гуманизма, которое вознес над планетой Великий Октябрь.

Когда речь идет о сохранении мира, об избавлении человечества от угрозы ядерной войны, не может быть посторонних и безучастных. Это дело всех и каждого. Здесь важен вклад каждого государства, большого или малого, социалистического или капиталистического. Здесь важен вклад каждой ответствен-

ной политической партии, каждой общественной организации, каждого человека.

Слить воедино все усилия для достижения этой высокой цели — нет задачи более настоящей, более благородной и гуманной. Эту задачу предстоит выполнить людям нашего поколения, не перекладывая ее на плечи потомков. Таково веление времени, если хотите, бремя исторической ответственности за наши решения и действия в

период, остающийся до начала третьего тысячелетия.

Курс мира и разоружения был и будет стержнем внешней политики КПСС и Советского государства. Активно проводя его, Советский Союз готов к широкому взаимодействию со всеми, кто выступает с позиций разума, доброй воли, сознания ответственности за обеспечение будущего человечества — без войн, без оружия.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА

по советскому телевидению

от 18 августа 1986 г.

Добрый вечер, дорогие товарищи!

На сегодняшней встрече с вами я хотел бы сделать заявление по одной из ключевых проблем международной политики.

Несколько дней назад — 6 августа — истек срок советского одностороннего моратория на ядерные испытания, которого, как известно, Советский Союз строго придерживался в течение года.

На чем основывалось, чем диктовалось это непростое, чрезвычайно ответственное и, я бы сказал, трудное для нас решение?

Коротко говоря — на реальностях ядерно-космической эры.

В чем они состоят? Как мы их видим?

Первое. Нагромождены горы ядерного и всякого другого оружия, и тем не менее гонка вооружений не ослабевает, а убыстряет свой бег; появилась опасность переноса ее в космос; идет форсированная милитаризация США и всего натовского блока. Важно подчеркнуть, что темпы развития военной технологии настолько высоки, что они все меньше оставляют народам, государствам и политикам времени для осознания реальной опасности, сокращают возможности человечества остановить сползание к ядерной бездне. Медлить нельзя, иначе появятся настолько изощренные системы вооружений, что договориться о контроле над ними будет вообще невозможно.

Положение становится все более нетерпимым. Сегодня мало сохранить существующие договоры, необходимы крупные практические шаги, способные осадить милитаризм и повернуть развитие событий к лучшему. «Равновесие страха» перестает быть фактором сдерживания. И не только по той причине, что страх вообще — не советчик разуму и может толкнуть на непредсказуемые по своим последствиям действия. Он, этот страх, — прямой участник гонки вооружений: усиливая недоверие и подозрения, он образует порочный круг нагнетания напряженности. Примеров тому немало.

Теперь всем стало яснее ясного, что старые представления о войне как средстве достижения политических целей отжили свой век. В ядерную эпоху эти изжившие себя догматы питают политику, которая может привести к вселенскому пожару.

Второе. Наше решение о моратории основывалось на приверженности социализма как общественного строя делу мира, глубоком понимании его ответственности за судьбы цивилизации. Советский Союз как социалистическое государство, как ядерная держава считает своим высоким долгом сделать все от него зависящее, чтобы уберечь мирное будущее для планеты.

Наше стремление перевести ход международного развития на рельсы разрядки отвечает нашей философии, нашей социалистической нравственности. А в ядерный век спасение Земли от атомной гибели — задача общечеловеческая, дело всех народов.

Третье. Современный мир сложен, многообразен и противоречив. И в то же время он объективно становится все более взаимозависимым и целостным. Эту особенность человеческого сообщества конца XX столетия нельзя не учитывать во внешней политике, если строить ее реалистически. Иначе не будет нормальных международных отношений, иначе они обречены на лихорадку, а в конечном счете — на катастрофическую конфронтацию.

Доядерное мышление в сущности потеряло свое значение 6 августа 1945 года. Сегодня нельзя обеспечить собственную безопасность без учета безопасности других государств и народов. Не может быть подлинной безопасности, если она неодинаково равная и всеобъемлющая. Думать иначе — значит пребывать в мире иллюзий, в мире самообмана.

Новое мышление, в котором нуждается современный мир, несовместимо с представлением о нем и как о чьей бы то ни было вотчине, попытками «облаготворить» других своей опекой и поучениями, как кому себя вести и какой путь выбрать — социалистический, капиталистический или иной.

Советский Союз считает, что каждый народ, каждая страна имеют право распоряжаться своей судьбой, своими ресурсами, суверенно определять свое социальное развитие, отстаивать собственную безопасность и участвовать в организации всеобъемлющей системы международной безопасности.

Для сегодняшнего мира характерно обострение и глобальных проблем. Их не решить, не объединив усилий всех государств и народов. Освоение космоса и океанских глубин, экология и эпидемии, нищета и отсталость — все это реальности века, требующие международного внимания, международной ответственности и международного сотрудничества. Таким образом, многие новые мировые процессы связаны в тугой узел. И здесь разоружение могло бы сыграть огромную роль, высвободив значительную часть средств, интеллектуальный, технический потенциал для нужд созидания.

Нашу внешнюю политику вдохновляет то, что повсюду в мире в сознании народов, политических, общественных сил самой разной ориентации и мировоззрений все прочнее утверждается убеждение: на карту поставлено само существование человеческого рода,

настало время решительных и ответственных действий. Оно требует предельной мобилизации разума и здравого смысла.

Две трагедии, связанные с техникой ядерно-космического века, случились в последнее время: гибель экипажа «Челленджера» и авария на Чернобыльской атомной станции. Они усилили тревогу, жестоко напомнили, что люди еще только осваиваются с теми фантастически могучими силами, которые сами же вызвали к жизни, еще только учатся ставить их на службу прогрессу. Эти события преподнесли предметный урок того, что произойдет, если будет пущено в ход ядерное оружие.

Всем, но прежде всего государственным деятелям, необходимо извлечь из этого конкретные и очевидные уроки. Главный, пожалуй, самый главный урок состоит в том, что созданное человеком оружие никогда не должно быть применено и что сегодня попросту самоубийственно строить межгосударственные отношения на иллюзии достижения превосходства в страшных орудиях истребления.

Полностью ликвидировать их — вот единственный путь к подлинному миру. Встать на такой путь — значит сдать исторический экзамен на зрелость. Это касается всех политических лидеров, на долю которых выпала столь высокая общечеловеческая миссия.

Надо научиться мужественно смотреть фактам в глаза: специалисты подсчитали, что взрыв самого маленького ядерного заряда по силе радиации равен трем Чернобылям. Скорее всего, это так и есть. И раз так, то значит, взрыв даже малой части накопленного ядерного арсенала уже станет катастрофой, и катастрофой непоправимой. И если кто-то все же решится нанести первый ядерный удар, то сам обречет себя на мучительную смерть — и даже не от ответного удара, а от последствий взрыва собственных боеголовок.

Это — не пропаганда, не политическая импровизация, не нагнетание «страхов», это реальность, опровергать которую просто безответственно, а не учить — преступно.

Объективный и честный анализ всех этих реалий диктует другие подходы к мировой политике. На них основаны принципиальные выводы, которые сделаны нами в последнее время, особенно — на XXVII съезде КПСС.

На понимании глубоких изменений в мире и строится советская внешняя политика, включая вопросы разоружения.

Мы считаем, что советские предложения от 15 января нынешнего года о ликвидации ядерного оружия во всем мире к 2000 году полностью отвечают требованиям эпохи.

Мы проявили готовность к поиску компромиссных развязок тех проблем, которые вызывают споры и подозрения.

Советский Союз положил пакет конструктивных предложений на стол советско-американских переговоров по ядерным и космическим вооружениям.

Вместе с нашими союзниками по Варшавскому Договору внесен комплекс мер по сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Европе от Атлантики до Урала. И в этой области мы хотим продви-

жения — совместного и последовательного — к более низким и менее опасным уровням военного противостояния.

Новые предложения внесены по химическому оружию, что, по нашему мнению, позволяет еще до конца года или в будущем году подписать конвенцию о запрещении химического оружия и ликвидации его запасов, а также промышленной базы его производства.

На стокгольмской конференции социалистические страны, конструктивно сотрудничая с другими ее участниками, много сделали для нахождения развязок по таким ключевым вопросам, как неприменение силы, уведомление о военных учениях и передвижении войск, обмен ежегодными планами военной деятельности, приглашение наблюдателей, проверка.

Мы выступили с широкой платформой обеспечения безопасности и сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе и приглашаем всех участвовать в этом процессе.

Проявили инициативу по сотрудничеству со всеми заинтересованными государствами в том, что касается создания международного режима безопасного развития ядерной энергетики.

Недавно в качестве альтернативы программе «звездных войн» нами представлена в Организацию Объединенных Наций программа строительства «звездного мира», создания всемирной космической организации.

На XXVII съезде сформулированы основы всеобъемлющей системы международной безопасности, которая является наиболее обобщенным выражением наших новых подходов во внешней политике. И на днях группа социалистических стран официально внесла вопрос о создании такой системы на рассмотрение очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Вместе с тем хочу подчеркнуть, что, какими бы важными и значимыми ни были наши предложения, как бы ни были мы им привержены, мы понимаем, что одни всего не сможем сделать. Проблема международной безопасности — проблема общая, а значит, и забота общая, и ответственность общая.

Мы разрабатываем свои предложения, изучая и учитывая точки зрения и инициативы других правительств, общественных и политических движений. Тщательно следим за тем, чтобы на каждом этапе реализации этих предложений предусматривалась равная безопасность для всех. Тем не менее мы вовсе не считаем их окончательными, не подлежащими обсуждению. Через диалоги и контакты, дискуссии и переговоры пролегает путь к преодолению тупиков конфронтации. Только так можно растопить льды взаимного недоверия, достичь практических результатов.

Этим определяется и наше отношение к проблеме контроля при решении всех вопросов разоружения. Выбывнув, например, свое предложение о прекращении любых ядерных взрывов, мы заявили, что не возражаем и против международного контроля. Согласие на установку американских контрольных аппаратов в районе Семипалатинска — ясное тому доказательство. Казалось бы, что проблема контроля перестала быть препятствием для достижения соглашений. Однако ее упорно продолжают эксплуатировать,

пытаясь скрыть действительные позиции — нежелание разоружаться.

Люди доброй воли приветствовали наше решение о моратории на ядерные взрывы. Мы услышали слова одобрения и поддержки со всех концов Земли. Политики и парламентарии, общественные деятели и массовые организации увидели в этой акции пример правильного подхода к современным проблемам, надежду на избавление от страха перед ядерной катастрофой. Советский мораторий был одобрен Генеральной Ассамблеей ООН — самым представительным в мире собранием государств.

Нас поддержали выдающиеся ученые — физики и врачи, которые, пожалуй, как никто, представляют себе опасности, таящиеся в атоме. Наш мораторий — и я убедился в этом во время недавней встречи с учеными в Москве — воодушевил представителей науки разных стран на активные действия.

Однако всем этим очевидным и обнадеживающим проявлениям нового мышления противостоит — прежде всего в Соединенных Штатах — милитаризация политического мышления, которое и так опасно отстало у правящих кругов Запада от процесса глубоких перемен в международной жизни, а прогресс науки и техники стремительно опережает прогресс социальный и нравственный.

Правая, милитаристская группировка в США, представляющая мощный военно-промышленный комплекс, просто помешалась на гонке вооружений. Интерес тут, пожалуй, тройкий: не допустить, чтобы оскудел поток наживы на производстве оружия; обеспечить США военное превосходство; попытаться измотать Советский Союз экономически, ослабить политически; и, в конечном счете, — обеспечить командные позиции в мире, осуществить давние имперские амбиции, проводить и впредь политику грабежа в отношении развивающихся стран.

Отсюда и внешняя политика, которая при всех ее извивах и словесных облачениях по-прежнему строится на опасных заблуждениях: на недооценке Советского Союза, других социалистических стран, освободившихся государств и на переоценке своих возможностей, которая питает технологическую самоуверенность и политическую вседозволенность.

То обстоятельство, что мы участвуем в переговорах, некоторые американские политики истолковывают как результат роста военной мощи США, разработки программы СОИ. Строя политику на таких ложных посылах, американская администрация никак не может выйти на дорогу честных соглашений, оздоровления международного климата. И все-таки с реальностями жизни считаться придется. От них никуда не уйдешь.

Что касается наших предложений, то они, повторяю, вытекают из реальностей современного мира, продиктованы не слабостью, а сознанием высокой ответственности за судьбы человечества.

Такова ситуация на данный момент.

С одной стороны, действует наш мораторий, объявлены, положены на стол переговоров на различных форумах наши компромиссные, масштабные предложения. Значительно возрос напор миролюбивых сил, повысилось внимание к проблемам международной

безопасности со стороны политических, в том числе официальных, кругов, озабоченных серьезностью обстановки.

С другой стороны, налицо отказ от прекращения ядерных испытаний, упорное сопротивление миролюбивым инициативам, демонстративное пренебрежение требованиями общественности, мнением многих авторитетных партий и организаций, игнорирование озабоченности даже собственных союзников и собственного народа.

Вот с каким положением мы, советское руководство, имеем дело в момент истечения нашего моратория.

Как быть? Каков выбор? Какое решение будет самым правильным, наиболее адекватным обстановке? Какое больше будет способствовать позитивным процессам, снижению угрозы военной конфронтации?

Наши люди решительно поддерживают внешнюю политику КПСС, Советского государства, требуют настойчиво продолжать внешнеполитический курс XXVII съезда партии. Вместе с тем в письмах и высказываниях советских людей обоснованно звучит тревожная нота: целесообразно ли сохранять мораторий, когда в Неваде один за другим продолжают греметь ядерные взрывы? Не слишком ли велик риск, не работает ли время против безопасности страны?

В самом деле, Соединенные Штаты, оставаясь на протяжении 40 лет чемпионами по числу взрывов, взорвали за год советского моратория еще 18 ядерных устройств. Повторяю — 18, из которых о трех не было объявлено. Притом, как правило, делали это демонстративно, приурочивая испытания то к очередному нашему заявлению о продлении моратория, то к той или иной новой советской инициативе. Да еще и нас приглашали в Неваду посмотреть, как это все происходит. К этому стоит добавить, что нынешняя администрация США осуществляет самые широкие военные программы.

Словом, оснований у Советского Союза вполне достаточно для возобновления своих ядерных испытаний. И все же мы и сейчас убеждены, что прекращение ядерных испытаний не только Советским Союзом, но и Соединенными Штатами было бы реальным прорывом к приостановке гонки ядерных вооружений, ускорителем их ликвидации. Логика здесь простая: не будет испытаний — не будет и совершенствования ядерных вооружений, которых и без того у обеих сторон накоплено в избытке.

Об этом же свидетельствуют обращения к США и Советскому Союзу призывы значительной и авторитетной части мирового сообщества государств. Среди них «делийская шестерка» — постоянно действующий форум руководителей стран четырех континентов — Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании, Швеции. На днях на встрече в городе Истапе они приняли «Мексиканскую декларацию», в которой вновь содержится призыв к прекращению всех ядерных взрывов. Таково же требование большинства государств — участников движения неприсоединения.

В наш адрес поступили послания от политических и общественных деятелей, от частных лиц и организаций многих стран, в том числе из США и других государств

НАТО. Они тоже обращаются с просьбой не возобновлять ядерных испытаний, дать еще один шанс образумиться тем, кто настаивает на ядерных взрывах.

Конечно, мы знаем, и я об этом уже говорил, что в США активно действуют силы, которые вообще не хотят разоружаться. Более того, они все делают для того, чтобы втягивать нас в новые и новые витки гонки вооружений, спровоцировать на то, чтобы мы хлопнули дверью на переговорах.

Но мы хотели бы надеяться, что в американских оценках и действиях возьмут верх реализм, понимание необходимости совместных поисков путей к оздоровлению международной обстановки, прекращению бессмысленной гонки вооружений, к ликвидации ядерного оружия.

В то же время мы знаем, с кем имеем дело. Поэтому безопасность страны — дело для нас святое. Это должно быть ясно всем. Это вопрос принципа.

Из этого мы исходим, отвечая на любые вызовы США, включая пресловутую СОИ. Пусть и здесь не рассчитывают запугать нас или подтолкнуть к ненужным расходам. Если потребуется, мы быстро найдем ответ, причем будет он не таким, каким его ожидают в США. Но это будет ответ, который обесценит программу «звездных войн». Я говорю об этом с одной целью: пусть в американской администрации еще и еще раз взвешают реальную ценность новых военных программ и гонки вооружений в целом с точки зрения интересов США и их безопасности. Ведь в сущности главный вред СОИ в том, что она подрывает перспективы переговоров, расширяет зону недоверия. В этом вся проблема. Она не менее политическая, чем военная. Вот почему мы вновь призываем двигаться от предельно вооруженного мира к миру без оружия.

Итак, товарищи, всесторонне и скрупулезно взвесив все «за» и «против», руководствуясь ответственностью за судьбы мира, Политбюро Центрального Комитета КПСС и правительство Советского Союза приняли решение продлить односторонний мораторий на ядерные взрывы до 1 января 1987 года.

Предпринимая этот шаг, мы верим, что люди во всех странах света, политические круги, международная общественность правильно оценят длительную тишину на советских ядерных полигонах.

От имени советского народа я обращаюсь к разуму и достоинству американцев — не упустить еще раз исторический шанс на пути к прекращению гонки вооружений.

Я обращаюсь к президенту США Рональду Рейгану — еще раз беспристрастно оценить сложившуюся обстановку, отбросить все наносное, преодолеть заблуждения в отношении Советского Союза и его внешней политики.

Советский Союз уверен, что соглашения о прекращении ядерных испытаний можно достичь быстро и подписать его уже в этом году на советско-американской встрече в верхах. Это событие стало бы, вне всякого сомнения, главным реальным итогом встречи, значительным шагом на пути прекращения гонки вооружений. Оно явилось бы своего рода прологом к дальнейшему прогрессу на переговорах по ядерным вооружениям и их ликвидации, к радикальному оздоровлению всей обстановки в мире.

Мораторий Советского Союза на ядерные взрывы, будучи действием, а не только предложением, на деле доказывает серьезность и искренность нашей программы ядерного разоружения, наших призывов к новой политике — политике реализма, мира и сотрудничества.

Более половины 1986 года, объявленного Организацией Объединенных Наций Годом мира, позади. Продлевая свой односторонний мораторий, Советский Союз вносит еще один весомый вклад в общее стремление добиться того, чтобы этот год остался в истории достойным своего названия.

Таков смысл новой политической инициативы Советского Союза.

Таково послание, которое наша страна направляет правительствам и народам всех стран, и прежде всего правительству Соединенных Штатов Америки и американскому народу.

Благодарю вас. До свидания.

Заявление М. С. ГОРБАЧЕВА

по итогам

стокгольмской конференции

от 24 сентября 1986 г.

Советское руководство положительно оценивает итоги Конференции в Стокгольме по мерам укрепления доверия и безопасности в Европе. Сделан крупный шаг к смягчению напряженности и оздоровлению международного политического климата, столь необходимому для решения жизненных проблем нашего ядерного века.

Это победа здравого смысла, выигрыш всех тридцати пяти стран, участвовавших в конференции. Они сумели подняться над разногласиями и достичь договоренностей, которые важны не только сами по себе, но и улучшают перспективы создания стабильной обстановки в Европе. Успех в Стокгольме может послужить расширению атмосферы доверия и в международном масштабе.

Советский Союз видит в этом соглашении ростки нового мышления в мировой политике, которые пробиваются на европейской почве. Стокгольм доказал, что даже в сложной обстановке можно договариваться по вопросам безопасности, если к тому есть политическая воля и желание. Это — пример того, как можно и нужно вести новостройку разрядки, налаживать новые отношения между государствами.

РЕЧЬ ТОВАРИЩА ГОРБАЧЕВА М. С. на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостоку ордена Ленина, 28 июля 1986 г.

Дорогие товарищи!

У меня давно было намерение побывать на Дальнем Востоке. И дело не только в том, что человека влечет в края, где он не был, интерес к тому, что еще не видел. Без знакомства с вашим огромным и прекрасным краем не может быть полным само представление о Родине, ее истории, сегодняшнем дне и будущем.

Дальний Восток всегда связывается в нашем сознании с необъятными просторами Страны Советов — от Балтики и Черного моря до Тихого океана, с мужеством, трудолюбием и стойкостью людей, обживавших и защищавших эту землю, с новизной и масштабностью сегодняшних дел. С особой теплотой Владимир Ильич Ленин назвал город Владивосток городом «нашенским».

В народной памяти навсегда останется подвиг наших соотечественников — первых землепроходцев, проложивших дорогу к Тихому океану. Никогда не забудутся штурмовые ночи Спасска и волочаевские дни, энергичное освоение края в годы первых пятилеток, ратный труд пограничников на этих священных для нас рубежах. Вечно будут жить в памяти народной храбрость и отвага дальневосточных дивизий и тихоокеанских моряков, сражавшихся под Москвой и Сталинградом в завершающих битвах второй мировой войны на Востоке.

История не бывает безымянной. Дальний Восток — это мужественные образы Дежнева, Хабарова, Невельского. Дальний Восток — это славные имена Лазо и Постышева, Суханова и братьев Сибирцевых, Бонивура и Часовитина, Блюхера и Уборевича. Среди тех, кто сегодня увлекает своим примером других, хотел бы назвать ветерана партии, участника гражданской войны Ивана Андреевича Чупрынина, капитана рыбодобывающих судов, Героя Социалистического Труда Юрия Петровича Волкова, бригадира судокорпусников, Героя Социалистического Труда Анатолия Андреевича Белова, бригадира отделочников, кандидата в члены ЦК КПСС Галину Владимировну Меркулову, народно-учителя СССР Николая Николаевича Дубинина.

Дальневосточный край, воспетый Арсеньевым и Фадеевым, всегда был и останется краем, близким сердцу советского человека. И я рад возможности побывать в Приморье, познакомиться с вашей жизнью и трудом, с тем, что делается на этой земле сегодня и будет делаться завтра. Тем более, что Дальнему Востоку, как и Сибири, в планах, определенных XXVII съездом КПСС, отводится особое место.

В эти дни у меня состоялось немало деловых и интересных встреч, как запланированных, так и незаплани-

рованных, на предприятиях, судах, в институтах, наконец, на улицах и площадях. Должен сказать, что это были встречи нужные, откровенные, дружеские. Разговор обо всем шел, как говорится, начистоту. Так и должно быть, когда речь идет о делах. Тем более о делах нынешних, связанных с перестройкой.

Что касается нашей сегодняшней встречи, то она происходит по очень торжественному случаю — вручению городу Владивостоку ордена Ленина. Этой высшей награды Владивосток удостоен за успехи трудящихся города в хозяйственном и культурном строительстве, за большой вклад в развитие экономики Дальнего Востока. С большим удовлетворением выполняю поручение Центрального Комитета нашей партии и Президиума Верховного Совета СССР. (Под аплодисменты собравшихся М.С. Горбачев прикрепляет орден к знамени города.)

От души поздравляю вас, всех жителей теперь дважды орденоносного Владивостока! Орден Ленина на вашем знамени — награда заслуженная, в ней — самоотверженность и напряженный труд замечательных людей прекрасного города — моряков, судостроителей и рыбаков, машиностроителей и энергетиков, строителей и транспортников, ученых, врачей и педагогов, ветеранов и молодежи. Эту честь по праву разделяют пограничники, воины Дальневосточного военного округа и Краснознаменного Тихоокеанского флота. Она венчает славные свершения многих поколений, немало сделавших для того, чтобы освоить, защитить и преобразить своим трудом Тихоокеанское побережье страны.

Нынешний Владивосток — это современный индустриальный, культурный и научный центр, крупный порт, душа и сердце Советского Приморья, один из примечательнейших городов страны. Пусть награда Родины станет для вас источником нового вдохновения.

Примите поздравления Центрального Комитета партии, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства, пожелания успехов в труде, новых замечательных свершений в жизни города, трудовых коллективов, каждой семьи.

Товарищи!

Прошло немногим более года после апрельского Пленума ЦК, почти пять месяцев после завершения работы XXVII съезда партии. Все это время насыщено активными поисками новых подходов к решению назревших в советском обществе проблем. Оно отмечено принципиальными оценками как сделанного, так и упущенного.

Сейчас мы располагаем развернутой программой действий по ускорению социально-экономического развития страны на длительную перспективу. Такой, которая учитывает и наши собственные устремления, и важнейшие тенденции мирового развития. Есть и необходимая детализация этой программы — государственный план на двенадцатую пятилетку, разработанный в ходе глубокого анализа состояния дел, поиска резервов, путей и методов динамичного развития советского общества.

Настала пора спрашивать с самих себя за осуществление намеченного. Спрашивать по самому большому счету, без поблажек. Сейчас уже подведены итоги работы народного хозяйства в первой половине этого года. Они свидетельствуют, что начавшиеся позитивные сдвиги в экономике, хотя и не везде в одинаковой мере, набирают силу. Нам удалось придать больший динамизм хозяйственным процессам, повысить темпы роста производства, производительность труда. Начали сказываться меры по улучшению положения в машиностроении, топливно-энергетическом и агропромышленном комплексах, черной металлургии, химии и нефтехимии и в некоторых других отраслях.

Лучше решались и социальные задачи. Сдано в эксплуатацию больше жилья, увеличился ввод объектов социально-культурного назначения. Там, где развротливо и энергично работают местные органы, улучшилось снабжение населения продуктами питания, промышленными товарами, бытовое обслуживание. Такие сдвиги можно только приветствовать.

Но будем говорить, товарищи, прямо: радующие и обнадеживающие нас сдвиги получены прежде всего в результате мер по укреплению трудовой, государственной и плановой дисциплины. Более требовательно подошли к составлению и выполнению планов, наведению порядка в делах, лучше стали трудиться, потеснили пьянство — и положительные итоги уже налицо.

Но при общих благополучных показателях полугодия в некоторых отраслях темпы роста в мае — июне снизились, ряд министерств не справился с планом. Продолжают сильно мешать неритмичность производства, недостаточно эффективное использование того, чем мы располагаем, не произошло заметных изменений к лучшему в качестве продукции. А это, вы знаете, наша с вами общая беда.

Все это позволяет сделать вполне определенный вывод: качественных перемен, которые действительно закрепили бы тенденцию ускоренного роста, еще в стране не произошло. Думаю, вы понимаете и согласитесь, что этого не могло произойти, учитывая, что важнейшие мероприятия экономического, социального, организационного и идеологического, да и иного характера только начинают осуществляться и дать немедленного эффекта, разумеется, они не в состоянии. Следовательно, и повышение темпов роста народного хозяйства не носит да, пожалуй, и не может пока, как я уже сказал, носить устойчивого характера.

Значит, недопустимо сейчас впадать в любую из двух крайностей. Наивно и — вредно — полагать, будто, коль скоро в экономике показатели повысились, перестройка нашей деятельности уже развернулась вовсю и идет повсеместно вперед полным ходом. По-

ложение обстоит еще далеко не так, в целом ряде регионов страны и отраслей пока только говорят о перестройке, но с места ее не двигают.

Но в равной мере недопустимо и пасовать перед трудностями перестройки, перед сопротивлением или равнодушием тех, кто привык жить по инерции, работать по-старому. На XXVII съезде справедливо подчеркивалось: мы начинаем непростое дело, ставим себе реалистические, но трудные цели, достижение которых возможно при условии непрерывной учебы у жизни, постоянного осмысления ее опыта, уроков, новых моментов.

По существу мы еще только разворачиваем эту работу: в чем-то успешно, а в чем-то не очень. Чем дальше, тем яснее становится, насколько это сложная задача, насколько велик объем предстоящих нам дел. Но отступать мы не можем и не будем, альтернатив стратегии ускорения просто нет. Говорить об этом приходилось уже неоднократно, хочу подтвердить это снова у вас во Владивостоке.

Речь идет, конечно, не о том, чтобы, понукая или уговаривая людей, побудить их действовать вопреки законам общественного развития, либо пытаться как-то обойти, «обхитрить» эти законы, реально существующие условия. Партия, Центральный Комитет, проводя курс на перестройку, исходят из другого: из необходимости глубже и оперативнее познавать эти законы, умело учитывать их в нашей деятельности, из насущной потребности убрать все искусственно созданные на этих путях преграды и завалы.

Осязаемые, объективные результаты первого полугодия пятилетки свидетельствуют о поддержке советским народом курса на ускорение, поддержке самой ценной — поддержке делом.

Здесь во Владивостоке, как и везде, мне придется бывать при исполнении, скажем так, новых своих обязанностей, и я задаю один и тот же вопрос: все ли ясно относительно политики, которую выработала партия и предложила народу, есть ли у кого какие сомнения? Я с удовольствием услышал также и здесь, на дальневосточной земле, горячую поддержку и одобрение политики партии, проводимой в интересах народа, в интересах всех советских людей, каждой семьи, в интересах будущего страны. Эту поддержку, этот настрой нашего народа на борьбу, на преодоление трудностей важно с максимальной отдачей, с наибольшим эффектом направить на решение задач, поставленных XXVII съездом КПСС. С этой позиции хотел бы, товарищи, затронуть некоторые вопросы развития Дальнего Востока, посоветоваться, а может быть, я бы сказал, продолжить совет, который я держу третий день с вами, дальневосточниками, как нам быстрее преобразовать этот край, обратить на службу советскому народу его богатства, лучше и полнее удовлетворять потребности живущих здесь людей.

Дальний Восток по традиции называют форпостом страны на Тихом океане. Это, безусловно, верно. Но сегодня такой взгляд уже нельзя признать достаточным. Приморье, Дальний Восток надо превратить в высокоразвитый народнохозяйственный комплекс.

Вижу, что вы созрели для того, чтобы взяться за решение этой задачи. И думаю, может быть, вы, кто

здесь прожил годы и десятилетия, даже лучше знаете, что это нелегкий труд — масштабное освоение Дальнего Востока. Но, раз вы так горячо приветствуете сказанное, значит, уверены, что сейчас нам эта задача по плечу. Реальные предпосылки для этого — все то, что сделано в предшествующие годы. Тут сформирован крупный научно-производственный потенциал. Построены крупнейшие предприятия, представляющие все отрасли индустрии, введены в строй горнодобывающие объекты, электростанции, новые железные дороги, паромные переправы и порты. Мелиорированы сотни тысяч гектаров земель. Создан Дальневосточный научный центр Академии наук СССР с сетью институтов. Выросли квалифицированные, современные кадры рабочих и специалистов.

В результате объем промышленного производства за два десятилетия почти утроился, более чем в полтора раза увеличена продукция сельского хозяйства. Сегодня Дальний Восток дает 40 процентов всей добычи рыбы в стране. За последние четыре пятилетки построено 62 миллиона квадратных метров жилья, что равнозначно возведению примерно семи таких городов, как Владивосток. Хотя прирост трудовых ресурсов все еще недостаточен, тем не менее численность населения увеличилась за прошедшие 20 лет в 1,4 раза. В общем, экономика страны широко вышла к Тихому океану.

Однако в свете политики ускорения, с позиций XXVII съезда мы должны поставить вопрос прямо и остро: соответствует ли экономическое и социальное развитие, уровень работы научных учреждений и масштабы исследований на Дальнем Востоке его возрастающей роли, новым задачам, выдвинутым партией? Достаточно ли эффективно используется созданный тут потенциал?

Стратегический курс на ускорение социально-экономического развития требует осуществления и новой региональной политики. Видное место в ней партия уделяет приоритетному развитию восточных районов. В этой связи мы обязаны внимательно посмотреть и на перспективы экономики Дальнего Востока. Причем сделать это предстоит быстро, учитывая особую значимость региона.

Осуществить это незамедлительно важно и потому, что экономика Дальнего Востока стала развиваться медленнее, чем все народное хозяйство страны. А казалось бы, должно было быть наоборот. Как следствие, доля региона в общесоюзном производстве не только не увеличивается, а даже сокращается. Усилилось отставание в решении социальных проблем, особенно в строительстве жилья. На улицах я много услышал по этому вопросу высказываний и пожеланий в адрес Центрального Комитета партии, Советского правительства, и эти высказывания — справедливые.

Нельзя сказать, что развитию Дальнего Востока не уделялось внимания. За последние годы ЦК и Совет Министров СССР принимали меры, которыми определены задачи по подъему энергетики, цветной и черной металлургии, угольной промышленности, дальнейшему развитию рыбного и лесного хозяйства, деревопереработки, транспорта и других отраслей хозяйства, по увеличению производства риса и сои, по переустройству

села и улучшению дел в сфере культуры. Однако многое из намеченного, к сожалению, выполняется плохо.

В этом нашло свое отражение непонимание роли и значения экономики Дальнего Востока, а в конечном итоге — политическая недальновидность некоторых ответственных работников Госплана и Госснаба СССР, министерств цветной металлургии, угольной промышленности, энергетики и электрификации, ряда других ведомств. Значительную и немалую долю вины несут республиканские и местные органы.

Предстоит коренным образом поправить положение, перейти от замедления темпов роста к их ускорению, от преобладания экстенсивных факторов к всемерной интенсификации на базе научно-технического прогресса. Важно сжать время решения проблем, резко увеличив вклад Дальнего Востока в экономический потенциал страны. А это, прежде всего, требует опережающего роста уровня жизни дальневосточников, существенного улучшения условий труда, обеспечения жильем, снабжения продовольственными и промышленными товарами, развития всей социальной сферы. Явно она отстала. Именно она сказывается на закреплении людей и, в конечном счете, на темпах развития Дальнего Востока.

Сейчас стоит вопрос о выработке концепции долгосрочного развития Дальнего Востока в рамках единой государственной региональной политики. Конкретно такая концепция, наверное, должна быть воплощена в комплексной программе. Цель ее: создание на Дальнем Востоке органически включенного в систему общесоюзного и международного разделения труда высокоэффективного народнохозяйственного комплекса с собственной крупной ресурсной и научно-производственной базой, оптимальной структурой экономики, развитой социальной сферы. Немалая работа в этом отношении проделана в процессе подготовки пятилетнего плана. Он является напряженным, и его выполнение потребует больших усилий.

Однако это только начало работы по ускорению развития всего региона. Отнюдь не предвзятого того, что должно быть детально проработано специалистами с участием широкой общественности, скажу лишь о некоторых важнейших направлениях этой работы.

Первое. Само географическое положение Дальнего Востока определяет курс на формирование здесь высококоразвитого комплекса отраслей, связанных с использованием ресурсов океана. В силу многих причин рыбное хозяйство страны будет все больше перемещаться на Дальний Восток. В создание здесь мощного рыболовного флота вложены крупные средства. И в то же время серьезно отстало обустройство береговых служб. На низком уровне находится механизация тяжелых работ. В результате значительная часть дорогостоящих судов простаивает, используется неэффективно, хронически недостает мощностей ремонтной базы, хранилищ, рыбных портов, перерабатывающих предприятий. Одним словом, требуются серьезные комплексные меры по развитию дальневосточной рыбной промышленности. Особое внимание надо уделить производству из морепродуктов биологически активных веществ. Это направление развивается в других странах и доказало свою высокую эффективность.

Второе. Это — вопрос о комплексном использовании богатейших природных ресурсов региона. Предстоит повернуть внимание Минцветмета к возможностям Дальнего Востока. Как установили геологи, регион изобилует многочисленными богатыми месторождениями цветных металлов, золота, серебра, многих других ценных элементов и минералов. Можно существенно расширить их добычу и переработку, если подойти к делу по-хозяйски. За развитие крупной цветной металлургии на Дальнем Востоке мы должны взяться всерьез: создавать здесь законченные циклы производства с получением разнообразной готовой продукции. Нельзя больше Дальний Восток рассматривать лишь как сырьевую базу. Я думаю, вы не должны мириться с этим, в центре это должны хорошо понимать: имею в виду и союзные, и республиканские органы. Надо использовать огромные сырьевые возможности края для строительства здесь предприятий законченного цикла и получать как минимум полупродукты, а лучше всего — конечные продукты. То, что я сказал о цветной металлургии, еще в большей мере относится к Минлесбумпрому, который обязан решительно переходить к глубокой переработке древесины. В этой связи стоят и задачи широкомасштабного хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской магистрали. Сейчас готовится специальное решение ЦК и правительства по этому вопросу. И тут вам предстоит крупные дела.

Третье. В кратчайшие сроки должно быть преодолено хроническое отставание топливно-энергетического комплекса Дальнего Востока, которое сдерживает развитие других отраслей. Нельзя жить, не заглядывая в будущее, с настроениями, что из центра все равно помогут топливом и энергией. Ресурсы топлива и углеводородного сырья у вас колоссальные. Однако уже не одно десятилетие ведутся разговоры, например, об использовании северосахалинского газа, а практические работы только-только начались. Затянулось и решение проблем эксплуатации нефтегазовых месторождений шельфа Сахалина. А в это время из Западной Сибири идут на Дальний Восток сотни эшелонов с нефтью. Миллионы тонн нефти для Дальнего Востока мы вынуждены сегодня завозить из других районов страны.

Намеченные в свое время мероприятия по развитию топливно-энергетической базы в районах Забайкалья и Дальнего Востока выполняются с большим отставанием от установленных сроков. Дальний Восток может и должен полностью удовлетворять свои энергетические потребности за счет собственных ресурсов. Дальневосточникам предстоит много потрудиться над созданием надежной базы энергетического строительства, ускорить сооружение комплекса тепловых и гидравлических станций, формирование единой и мощной системы электроснабжения. Исходить надо из того, что Дальний Восток в перспективе должен не только снабжать топливом и энергией близлежащие районы страны, но также стать солидным их экспортером.

Четвертое. Линия на опережающее развитие производственной инфраструктуры. Это, конечно, проблема не только дальневосточная. Но здесь она, пожалуй, особенно остра. В вашем регионе необходимо ускорить развитие современной строительной индустрии.

Я бы сказал, что это основа основ тех планов, которые мы намечаем здесь, на Дальнем Востоке. Сейчас к вам пришли мощные подразделения железнодорожных строителей, которые в короткий срок проложили Байкало-Амурскую магистраль. Их можно и должно использовать, например, для реконструкции старых железнодорожных линий, имеющих сегодня низкую пропускную способность, или переключить на сооружение автомобильных дорог и портов, других необходимых объектов.

Эффективнее следует использовать и морской транспорт, укрепить его инфраструктуру, развивать прогрессивные формы перевозок. Опыт у вас в этом отношении есть. Только сегодня я ознакомился с деятельностью Восточного порта в Находке. Это прекрасный современный порт. Его можно в пример ставить многим. Хорошо действует, к примеру, паромная переправа на Сахалин. Нужно быстрее принимать меры и к повышению экономического эффекта от сквозной навигации по Северному морскому пути.

Пятое. Имеет свою немалую специфику и решение вопросов региональной научно-технической политики, в том числе оснащения предприятий самой современной техникой с учетом условий эксплуатации в этом районе. Казалось бы, здесь немало машиностроительных предприятий, и многие из них имеют хороших мастеров, добрую славу. Однако в силу ведомственной разобщенности значительная часть машиностроительной продукции Дальнего Востока идет в европейскую часть страны, а оттуда поступает встречный поток техники для здешних нужд. Надо быстро рассмотреть эти вопросы, уточнить специализацию машиностроительных заводов, сделать упор на создание здесь мощных, хорошо технически оснащенных производств как для нужд самого региона, так и для экспорта.

Шестое. Предстоит в полной мере использовать возможности экспортной направленности развития дальневосточного хозяйства. В настоящее время доля региона в экспорте страны крайне низка и очень далека от его потенциальных возможностей. И здесь необходимы кардинальные изменения, новые подходы, с тем чтобы оживить и прибрежную, и приграничную торговлю, осваивать прогрессивные формы экономических связей с зарубежными странами, в том числе производственную кооперацию, совместные предприятия, создавать специализированную экспортную базу.

Седьмое. На съезде партии остро критиковался остаточный принцип выделения средств на развитие социальной сферы. Это застарелая болезнь. В ряде восточных районов страны, в том числе и в Приморье, подобная практика также получила большое распространение. В регионе на обширнейшей территории проживает около 7,7 миллиона человек. Почти половина всего продовольствия сюда завозится. За последние 20 лет на Дальнем Востоке снизилось в расчете на душу населения производство молока, картофеля и овощей. Многие руководители краев, областей, округов, районов и хозяйств свыклись с низкой урожайностью, малыми удоями и привесом скота, массовым завозом кормов. Даже в предложениях к планам на 15—20 лет вперед ставятся вопросы расширения продо-

вольственного снабжения Дальнего Востока за счет поставок из других регионов страны.

Думаю, что это недалёковидная линия. А выход тут один: создавать собственную высокоразвитую сельскохозяйственную базу, пищевую промышленность. В этих целях необходимо активно развивать на основе интенсивных технологий все отрасли агропромышленного комплекса, в частности промышленность удобрений, кооперироваться в решении сельскохозяйственных задач с соседними странами.

Напряжённое положение сложилось в регионе с жилищным и социально-культурным строительством, что сказывается на закреплении прибывших сюда на постоянное жительство. Думаю, что ответственность за такое положение наряду с местными органами должны разделить соответствующие хозяйственные министерства и ведомства — как союзные, так и республиканские.

Я высказал руководителям края главные замечания относительно того, что того, что они сегодня делают для развития социальной сферы, недостаточно. Во всяком случае — не соответствует той нужде, которая реально существует. Но мне думается, что значительную часть этого упрека надо адресовать и центральным ведомствам. Многие из них очень щедро идут на развитие производств в самых различных направлениях и очень скупно выделяют средства на развитие социальной сферы. В результате производственные мощности создаются, а использовать созданный производственный потенциал по-настоящему некому. Это как раз та «хитрость», которая дорого обходится государству. Такова политическая оценка этому явлению.

У вас такой чудесный край, прекрасное море, уникальная природа, богатые минеральные источники. Я летел сегодня к Находке, и когда туман рассеялся, ушли тучи и засияло солнце, увидел всю эту красоту сверху. Сопки, золотая долина и океан — все рядом. Это производит колоссальное впечатление. Действительно прекрасный край.

Дальний Восток должен стать одной из ведущих всесоюзных здравниц, крупным центром внутреннего и международного туризма, включая океанический и высокоширотный. Это, кстати, пополнило бы и ресурсы для ускорения благоустройства городов и сел.

Вчера по дороге в пионерский лагерь я встретился с группой отдыхающих. Оказалось, что вся страна представлена здесь. Причем многие уже в который раз приезжают, полюбили этот край, его природу. И все в один голос советовали широко двинуть здесь базы отдыха.

Причина нынешнего положения ясна. Неудовлетворительное строительство жилья и социально-культурных объектов находит свое объяснение в отсутствии необходимых заделов, в отставании стройбазы, слабости строительных коллективов. Мириться с этим далее нельзя. Если поворот к социальным вопросам жизненно необходим для всей страны, то для Дальнего Востока он важен вдвойне и втройне.

Как преодолеть трудности, сложившиеся годами? Я уже сказал, вина здесь и центра, и местных органов. Так что поправлять и действовать придется одно вре-

менно и снизу, и сверху. Могу заверить, что ЦК КПСС и правительство будут решительно поворачивать союзные и республиканские министерства и ведомства лицом к проблемам восточных районов страны, в том числе и к вашему краю.

У Советского Дальнего Востока — незабываемое прошлое и, я уверен, славное будущее. Это край колоссальных природных богатств, огромных социальных и экономических возможностей, большой международной перспективы. От вас и, конечно, от внимания центра зависит, как мы будем в этом, очень важном регионе страны вести дело, каких результатов добьемся.

Понимаю, что замечания и такая, может быть, острая постановка проблем прозвучали сегодня не очень по-праздничному. Но такова деловая ленинская традиция: оценивая сделанное, обращать взгляд в будущее. Самое важное — не потерять перспективу, закладывать основы для движения к новым рубежам. Главное теперь — сосредоточиться на перспективных задачах, вытекающих для вас из решений XXVII съезда. И для такого подхода, включая критический анализ, уместен, я думаю, даже торжественный повод — получение высокой награды.

Таковы наши общие планы и заботы, товарищи. Они лучше всяких словесных ухищрений говорят о действительных намерениях Советского Союза. И как бы ни пытались правящие силы империализма извратить их, мы открыто и честно говорили и будем говорить всем народам и правительствам: да, нам нужен мир, мы еще и еще раз обращаемся с призывом остановить гонку вооружений, прекратить ядерное безумие и ликвидировать ядерное оружие, настойчиво искать политические решения региональных конфликтов.

На наших глазах происходят явления огромной значимости. Понимание необходимости мира для всех мощно прорывается в сознание народов даже там, где правительства продолжают считать оружие и войну средством политики. Именно для всех, поскольку ядерная война не была бы столкновением лишь двух блоков, двух противостоящих сил; она приведет к всемирной катастрофе, когда под угрозой гибели окажется человеческая цивилизация.

Наши инициативы по ядерному разоружению, значительному сокращению обычных вооружений и вооруженных сил, контролю, оздоровлению международной обстановки встречены по-разному.

Дружественные страны выразили им поддержку. Страны социалистического содружества с полным правом рассматривают их как составную часть общей линии социализма на мировой арене. И не только потому, что они, эти инициативы, согласованы с ними, не только по принципиальным интернационалистским соображениям, а и потому, что и мы, и они заняты одним и тем же сугубо мирным делом — совершенствованием своего общества. На этой основе активизируется благотворный процесс сближения, наполняется новым содержанием экономическая интеграция, делаются конкретные шаги по созданию совместных предприятий, объединений, расширяется живое общение людей. Словом, идет прогрессивный взаимовыгодный процесс, углубляющий сотрудничество и братство между народами содружества.

С большим интересом к нашим планам и намерениям — как внутренним, так и международным — относится развивающийся мир. Мы отмечаем, что многие страны этого мира хотят и дальше расширять и углублять экономическое, научное, культурное сотрудничество с Советским Союзом. Мы готовы к этому.

Будет справедливо сказать, что серьезно, с интересом относятся к нашим планам широкие общественные круги и те представители делового мира Запада, которые реалистически смотрят на вещи, не болеют паранойей антикоммунизма и не связывают себя с прибылями от гонки вооружений. Они тоже выступают за мир и сотрудничество, за развитие с Советским Союзом здоровых экономических, научных, культурных связей. Мы приветствуем такой подход.

Но во многих капиталистических странах продолжают задавать тон силы, прошлое и будущее которых ослеплено враждебностью к социализму, имперскими амбициями или намертво прикреплено к военному бизнесу. А последний, как известно, очень прожорлив и беспощаден. Вчера ему нужны были миллионы, сегодня — миллиарды, завтра — триллионы. По своей воле он никогда не начнет производить детские игрушки вместо ракет. Такова его природа.

Наши мирные инициативы правящие круги США, некоторых союзных им стран пытаются изобразить как чистую пропаганду либо в том плане, что они выгодны только Советскому Союзу. Да, разоружение нам выгодно, если даже оперировать этой категорией, как выгодно оно для всех народов, правительства которых тратят миллиарды на гонку вооружений. Но это только часть правды. Скажу даже — ее меньшая часть. Главная же правда состоит в том, что наши инициативы проистекают из глубокой озабоченности за судьбу человечества.

Абсурдно и преступно перед лицом ядерной угрозы действовать по старой, уже мертвой схеме: то, что хорошо для социалистических стран, должно быть отвергнуто. В этом особенно видны классовая узость, примитивный идеологический автоматизм, растущее политическое влияние милитаризма. И все же я не склонен считать, что военно-промышленный комплекс всесилен. Мы видим: мировая общественность все отчетливее осознает опасность милитаризма. Мы видим, что и в Соединенных Штатах, несмотря на постоянные шовинистические прививки, растут реалистические настроения, углубляется понимание того, что военную угрозу США несут не советские люди, не социалистические страны, не крестьяне Никарагуа, не далекие вьетнамцы или ливийцы, а собственные фабриканты оружия и служащие им безответственные политики, авантюристическая военщина.

Конечно, мы понимаем, что набирающая обороты гонка вооружений служит не только сверхприбылям и подготовке войны, а и — далеко не в последнюю очередь — другим безнравственным целям, суть которых — измотать Советский Союз экономически, сорвать курс партии на дальнейшее повышение жизненного уровня народа, затормозить выполнение социальной программы. Нам известно, кто именно

продолжает лелеять надежды на планомерное, методическое разрушение СССР и стран социализма, применяя для этого экономические, морально-психологические, пропагандистские, политические и военные средства.

Но можно сказать, что дело это было и раньше обречено, безнадежно оно и сегодня. Пришло время считаться с реальностями, а не творить политику на основе иллюзий и заблуждений. Не будет договоренностей, миру не станет легче, не наступит покойствия. Страх не исчезнет, пока некоторые правители на Западе не избавятся от, возможно, утешительных для них, но бесплодных, а главное — опасных попыток поставить Советский Союз на колени, расколоть социалистическое общество, задержать наше движение вперед.

Время настоятельно требует нового понимания нынешней ступени развития цивилизации, международных отношений, мира. Мира противоречивого, сложного, но объективно объединенного узлами взаимозависимости. Международных отношений, в которых при всех различиях и столкновениях интересов уже нельзя жить по тысячелетним традициям «кулачного права». Цивилизации, демонстрирующей невиданную силу ума и труда людей и одновременно — свою хрупкость, уязвимость со стороны сил, высвобожденных человеческим гением, но поставленных на службу разрушению.

Все это диктует необходимость и делает неотложной коренную ломку многих привычных подходов к внешней политике, ломку традиций политического мышления, взглядов на проблемы войны и мира, на оборону, безопасность отдельных государств и безопасность международную. Понятно в этой связи, что наши радикальные, в полном смысле глобальные предложения — такие, как программа ликвидации уже в этом столетии ядерного и другого оружия массового уничтожения, о полном запрещении испытаний ядерного оружия, о запрещении химического оружия, о сотрудничестве в мирном использовании космоса и целый ряд других — касаются всего мира, всех стран.

Главная проблема, вставшая сегодня перед родом человеческим, — проблема выживания одинаково остра, неотложна и для Европы, и для Африки, и для Америки, и для Азии. Однако в каждой части света она выглядит по-иному. Поэтому, находясь здесь, во Владивостоке, естественно посмотреть на вопросы мировой политики под азиатско-тихоокеанским углом зрения.

Такой подход оправдан по многим причинам. Потому, прежде всего, что к востоку от Урала, в Азии — в Сибири, на Дальнем Востоке — расположена большая часть территории нашей страны. Здесь будут решаться многие общесоюзные задачи, выдвинутые съездом. Стало быть, положение на Дальнем Востоке в целом, в Азии и на прилегающих к ней океанских просторах, где мы — постоянные, давние жители и мореплаватели, представляет для нас национальный государственный интерес.

На огромном пространстве этой едва ли не половины земного шара расположены многие крупнейшие государства, в том числе СССР, Соединенные Штаты Америки, Индия, Китай, Япония, Вьетнам, Мексика,

Индонезия. Здесь находятся государства, считающиеся средними, но по европейским меркам довольно крупные — Канада, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия и наряду с ними — десятки сравнительно меньших и совсем крохотных. Одни из них имеют тысячелетнюю и многовековую историю, другие сложились в новое время, а многие образовались совсем недавно.

Пробудившаяся в XX веке к новой жизни Азия обогатила мировой прогресс многообразным и оригинальным опытом борьбы за свободу и независимость. И это — не только история. Это живое наследие, составляющее одну из важных основ нынешней политической реальности в этой части света.

У каждой страны — свой общественный и политический строй со всеми мыслимыми оттенками, свои традиции, достижения и трудности, свой образ жизни и верования, свои убеждения и предубеждения, свое понимание духовных и материальных ценностей. У каждой есть чем гордиться и что отстаивать в сокровищнице общечеловеческой цивилизации.

Это впечатляющее многообразие, этот колоссальный человеческий и социально-политический массив требуют пристального внимания, изучения и уважения. По собственному, советскому опыту мы хорошо знаем, какой огромной творческой силой становится возрожденное чувство национального достоинства, какую созидательную роль играет самобытность народа в его органической связи с другими равноправными и свободными народами. Сейчас процесс этот в Азии и в зоне Тихого океана находится на подъеме: тут все в движении, далеко не все отстоялось. Новое перемешивается со старым, устои жизни, еще вчера казавшиеся незыблемыми, отступают перед вихрем перемен — социальных, научно-технических, идейных. Это, если хотите, еще один в мировой истории период возрождения, которое таит в себе огромный потенциал прогресса. И не только для Азии и Океании.

Как тут пойдет дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие, какие процессы в отношениях между государствами возобладают, — это во многом будет определять судьбы всего мира.

Неотъемлемым фактором грандиозных и трудных перемен в этом регионе является социализм. В результате Великого Октября и Победы над фашизмом и японским милитаризмом, в результате Великой китайской революции, после того как новый общественный строй утвердился в Монголии, на земле Кореи, народ которой проявил необычайную стойкость в борьбе за социалистическую перспективу своей родины, а затем во Вьетнаме и Лаосе, он завоевал в Азии прочные позиции. Но именно здесь ему пришлось столкнуться с наиболее жестоким и циничным противодействием. Самый яркий тому пример — Вьетнам. Его героический опыт, уроки его победы над империализмом высветили еще раз неодолимую силу идей свободы и социализма.

Здесь, в Азии, сложилась концепция неприсоединения, движение, которое теперь включает в свою орбиту более сотни государств, оно стремится дать свой ответ на вызов времени, активно выступает за преодоление раскола мира на военные блоки, ищет свои

способы ослабления ядерной угрозы. Отвергая эксплуатацию, завоевательную политику, неокOLONиализм и осуждая их, движение неприсоединения обращается к человечеству с призывом к единению, к сотрудничеству в борьбе с голодом, вопиющей бедностью сотен миллионов людей.

Признанный лидер этого движения — великая Индия с ее моральным авторитетом и традиционной мудростью, со своеобразным политическим опытом и огромными экономическими возможностями. Мы высоко оцениваем уже внесенный ею вклад в дело утверждения в международном сообществе норм равноправного сосуществования и справедливости. Дружественные отношения между СССР и Индией стали стабилизирующим началом международного масштаба.

В державу первостепенного значения превратилась Япония. Страна, ставшая первой жертвой американского ядерного оружия, проделала за короткий срок огромный путь, продемонстрировала поразительные достижения в промышленности, торговле, образовании, науке и технике. Эти успехи принесли ей не только собранность, самодисциплина, энергия японского народа, но и «три неядерных принципа», на которых официально строится ее международная политика, хотя в последнее время — и на это нельзя не обратить внимание — они, как и мирные положения конституции Японии, все заметнее обходятся.

Но видим мы в Азии, Океании и многое другое. Оскорбленное колониализмом достоинство народов, наследие нищеты, неграмотности, отсталости, а вместе с ними — глубокие предрассудки сохраняют почву для недоверия и неприязни между народами, в том числе живущими в пределах одного государства. На трудностях и пережитках спекулирует империализм, в результате разгораются локальные конфликты, этнические и религиозные междоусобицы, возникает политическая нестабильность.

Везде, где независимость становится заметной международной величиной и где возникает угроза эксплуататорским интересам империализма, он пускает в ход свои излюбленные средства: экономический шантаж, интриги и заговоры против руководства страны, вмешивается во внутренние проблемы, поддерживает сепаратистов, финансирует, а то и прямо вооружает контрреволюцию и террористов. Пенджаб, тамильская проблема, которую тоже хотят повернуть против Индии, необъявленные войны против Кампучии и Афганистана, аннексия Микронезии, вмешательство на Филиппинах, давление на Новую Зеландию, достаточно этих примеров, чтобы увидеть, как работает современный механизм империалистической интервенции и диктата.

Опыт истории, законы растущей взаимозависимости, интеграционные запросы экономики настраивают на поиск путей к согласию, налаживанию открытых связей между государствами внутри региона и за его пределами. У этих государств десятки, сотни кричащих проблем, как унаследованных от колониального прошлого, так и возникающих из противоречий нынешнего развития. А их тянут в блоки, ограничивают свободу распоряжаться своими ресурсами, вынуждают раздувать военные бюджеты, втягивают в

гонку вооружений, милитаризацию экономики и общественной жизни.

Все это деформирует процессы внутреннего развития, создает напряженность и, конечно, мешает нормализации межнациональных, межгосударственных отношений.

Советский Союз — тоже азиатская и тихоокеанская страна. Ему близки сложные проблемы этого обширного региона. Он с ними соприкасается непосредственно. Это и определяет взвешенный и масштабный взгляд на гигантскую часть мира, сосредоточившую массу таких разных государств и народов. И наш подход к ней основан на признании и понимании существующих здесь реальностей.

Вместе с тем наш интерес — это не претензия на какие-то привилегии и особое положение, не эгоистические попытки укрепить свою безопасность за чужой счет, не поиск выгоды в ущерб другим. Мы видим свой интерес в объединении усилий, в сотрудничестве при полном уважении права каждого народа жить по собственному выбору, независимо решать свои проблемы в условиях мира.

Мы за то, чтобы совместно строить новые, справедливые отношения в Азии и на Тихом океане.

В последнее время у меня было немало встреч с руководителями европейских государств, с различными политическими деятелями стран Европы. Невольно сравниваешь положение в Азии с европейской ситуацией.

Тихоокеанский регион в целом пока еще не милитаризован в такой мере, как европейский. Однако потенциал его милитаризации поистине огромны, а последствия крайне опасны. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту. Здесь расположены крупнейшие ядерные державы. Созданы мощные сухопутные армии, могучие военно-морские и военно-воздушные флоты. Научно-технический и промышленный потенциал многих стран — от западных и до восточных краев океана — позволяет форсировать любую гонку вооружений. Положение усугубляется сохранением конфликтных ситуаций. Не будем забывать: именно в Азии американский империализм вел две самые большие после 1945 года войны — в Корее и Индокитае. За четыре десятилетия не наберется и нескольких лет, когда то в одной, то в другой точке азиатско-тихоокеанского пространства не полыхало бы пламя военного пожара.

В Европе — плохо ли, хорошо ли — действует хельсинкский процесс диалога, переговоров и соглашений. Это вносит какую-то стабильность, снижает вероятность вооруженных конфликтов. В регионе же, о котором идет речь, этого нет или почти нет. И если что-то в последнее время меняется, то — не в лучшую сторону. Со второй половины 70-х годов США предприняли широкомасштабные меры по наращиванию вооруженных сил на Тихом океане. Под их нажимом складывается военизированный «треугольник» Вашингтон — Токио — Сеул. И хотя два из трех государств региона, располагающих ядерным оружием — КНР и СССР, — дали обязательство не применять его первыми, Соединенные Штаты разместили носители ядерного оружия и ядерные боеголовки в одной из кризисных зон — на Корейском полуострове, а кроме

того, носители ядерного оружия — на территории Японии.

Приходится констатировать, что милитаризация, нарастание военной угрозы в этой части мира начинают набирать опасную скорость. Тихий океан превращается в арену военно-политической конфронтации. Вот что все больше беспокоит живущие здесь народы. Это тревожит и нас со всех точек зрения, в том числе — по соображениям безопасности азиатской части нашей страны.

Азиатско-тихоокеанское направление внешней политики Советского Союза — составная часть общей платформы международной деятельности КПСС, разработанной апрельским Пленумом и XXVII съездом партии. Но платформа — не схема, которую можно приложить к любым ситуациям, а скорее принципы и метод, опирающиеся на опыт.

Исходя из этого, как можно было бы представить себе процесс формирования международной безопасности и мирного взаимодействия в данном обширном регионе?

Прежде всего Советский Союз в соответствии с принципиальной линией XXVII съезда будет стремиться придать динамизм своим двусторонним отношениям со всеми без исключения расположенными здесь странами. Мы будем всемерно крепить дружбу и активизируем многообразные связи с Монгольской Народной Республикой, Корейской Народно-Демократической Республикой, Социалистической Республикой Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республикой, Народной Республикой Кампучией. Построенные на принципах равноправия и солидарности отношения с нашими друзьями мы рассматриваем как составную часть общеазиатской и тихоокеанской безопасности.

В настоящее время, например, вместе с руководством МНР рассматривается вопрос о выводе значительной части советских войск из Монголии.

Мы готовы расширять связи с Индонезией, Австралией, Новой Зеландией, Филиппинами, Таиландом, Малайзией, Сингапуром, Бирмой, Шри Ланкой, Непалом, Брунеем, Мальдивской Республикой, с совсем еще молодыми самостоятельными участниками политической жизни региона. С некоторыми из них — Папуа Новая Гвинея, Западное Самоа, Королевство Тонга, Фиджи, Республика Кирибати, Республика Науру, Тувалу, Республика Вануату — у нас уже имеются дипломатические отношения.

Выступая в городе, откуда, как говорится, рукой подать до Китайской Народной Республики, хотел бы остановиться на главном в наших с нею отношениях. Отношениях сугубо важных по ряду причин, начиная с того, что мы соседи, что у нас самая протяженная в мире сухопутная граница и что уже поэтому нам, детям и внукам нашим предопределено жить рядом «отныне и во веки веков».

Но дело, конечно, не только в этом. История возложила на советский и китайский народы чрезвычайную ответственную миссию. От двух крупнейших социалистических государств зависит многое в международном развитии.

В последние годы произошло заметное улучшение в наших отношениях. Хочу подтвердить: Советский

Союз готов в любое время, на любом уровне самым серьезным образом обсудить с Китаем вопросы о дополнительных мерах по созданию обстановки добрососедства. Мы надеемся, что в недалеком будущем разделяющая (а хотелось бы говорить — соединяющая) нас граница станет полосой мира и дружбы.

Советские люди с пониманием и уважением воспринимают выдвинутую Компартией Китая цель — модернизировать страну, построить в перспективе социалистическое общество, достойное великого народа.

У нас с Китаем, насколько можно судить, приоритеты сходные — ускорение социально-экономического развития. И почему бы не поддерживать друг друга, не сотрудничать в осуществлении своих планов там, где это очевидно пойдет на пользу обоим? Чем лучше будут отношения, тем больше мы сможем обмениваться опытом друг с другом.

С удовлетворением отмечаем, что наметился положительный сдвиг в экономических связях. Убеждены, что исторически сложившееся взаимодополнение советской и китайской экономик дает большие возможности для расширения этих связей, в том числе и в приграничных районах. Некоторые крупные проблемы сотрудничества буквально стучатся в дверь. Мы, например, не хотим, чтобы пограничный Амур рассматривался как «водная преграда». Пусть бассейн этой могучей реки будет объединителем усилий китайского и советского народов по использованию на общую пользу имеющихся тут богатейших ресурсов и водохозяйственного строительства. Межправительственное соглашение на этот счет уже совместно разрабатывается. А официально граница могла бы проходить по главному фарватеру.

Советское правительство готовит положительный ответ по вопросу о содействии в строительстве железной дороги, которая соединит Синьцзян-Уйгурский автономный район с Казахстаном.

Мы предложили сотрудничество с КНР по космосу, в которое можно было бы включить подготовку китайских космонавтов. Большие возможности взаимопользования — в сфере культуры, образования. Мы готовы и искренне желаем всего этого.

Об отношениях с Японией. Здесь тоже намечаются признаки поворота к лучшему. Было бы хорошо, если бы этот поворот произошел. Объективное положение наших двух стран в мире таково, что требует углубленного сотрудничества на здоровой реалистической основе, в атмосфере спокойствия, не обремененной проблемами прошлого. Начало в этом году положено. Состоялся обмен визитами министров иностранных дел. На повестке дня — обмен визитами на высшем уровне.

Обоюдный интерес представляет хозяйственная кооперация. В первую очередь речь идет о наших прибрежных районах, где уже имеется практика деловых контактов с японскими фирмами. Можно обсудить вопрос и о создании совместных предприятий в прилегающих и близко расположенных друг от друга районах СССР и Японии. Почему бы также не наладить долговременное сотрудничество в исследовании и комплексном освоении ресурсов океана, не составлять программы мирного изучения и использования космоса? У японцев, кажется, существует метод ди-

намизации отношений, который называется «экономической дипломатией». Так пусть на этот раз она послужит советско-японскому сотрудничеству.

В тихоокеанском регионе Советский Союз граничит и с Соединенными Штатами. Сосед близкий в буквальном смысле слова, расстояние всего 7 километров — ровно столько от советского острова Большой Диамид до американского Диамид Малого.

Соединенные Штаты — мы ясно отдаем себе отчет — являются великой тихоокеанской державой. Потому прежде всего, что на берегах этого океана живет значительная часть населения США; тяготеющий сюда запад Америки играет растущую роль в жизни страны, отличается динамизмом. А также потому, что Соединенные Штаты, несомненно, имеют в регионе важные экономические и политические интересы.

Нет сомнений, что без США, без их участия нельзя решить проблему безопасности и сотрудничества в зоне Тихого океана удовлетворительным для всех образом. Пока, к сожалению, Вашингтон не проявляет готовности к этому, даже и не помышляет о серьезном разговоре на тихоокеанскую тематику. А уж если эта тема и затрагивается, то ее выводят на проторенную дорожку «советской угрозы» и бряцания оружием в подкрепление этого мифа.

Наш подход к отношениям с США известен. Мы за мирные, добрососедские, равноправные отношения, за взаимовыгодное сотрудничество, для которого, кстати сказать, есть немалые возможности и на Дальнем Востоке, и в Тихом океане.

Коль скоро уж зашла речь о США, два слова о самом важном на сегодняшний день в наших отношениях — о прекращении гонки вооружений. После женевской встречи Советский Союз внес много масштабных предложений по всей проблематике сокращения и ликвидации вооружений и контроля за этим процессом. Встречного движения мы не увидели. Нас по сути потчевали тем же, что и до Женевы.

С целью преодолеть топтание на месте мы еще больше пошли навстречу — в моем июньском письме к президенту США выдвинули новые крупные компромиссные предложения. Уже находясь здесь, на Дальнем Востоке, я получил ответ от президента Рейгана. Он наводит на размышления. Мы его начали изучать. Отнесемся к этому с ответственностью и вниманием. Для нас прежде всего важно — насколько содержащиеся в письме предложения отвечают принципу равной безопасности, позволяют ли они прийти к эффективным совместным решениям в области прекращения гонки вооружений и недопущения выхода ее в космос. В соответствии с этим и определим свои дальнейшие шаги.

Что касается новой советско-американской встречи на высшем уровне, то могу повторить: мы за такую встречу. Но решительно против толкования договоренности, достигнутой на прошлой встрече в Женеве, как якобы сводящейся к обещанию встречаться и впредь. Нет, главное, о чем мы тогда договорились с президентом Рейганом и что подписали, — это согласие в том, что будем добиваться нормализации отношений между СССР и США, оздоровления международной обстановки, ускорим ход переговоров о сокраще-

нии вооружений. Этому должна служить и новая встреча.

Мы часто слышим из-за рубежа различного рода домыслы о наращивании Советским Союзом вооруженной мощи на востоке страны. Со всей ответственностью заявляю: мы не делаем и не будем делать ничего сверх того, что отвечает минимальным потребностям нашей обороны, защиты наших друзей и союзников, особенно с учетом американской военной деятельности неподалеку от наших и их границ.

Это в полной мере относится и к ракетам средней дальности. Те, кто не желает снижения напряженности в мире, продолжают утверждать, будто мы можем перебрасывать свои ракеты СС-20 с запада на восток и с востока на запад. Поэтому еще раз напоминаю: мы предлагаем ликвидировать в Европе и американские, и советские ракеты средней дальности. Именно — ликвидировать, — а не перебрасывать их куда бы то ни было. Ясно, что это не может не служить и интересам стран Азии.

Хотел бы также сказать: Советский Союз — убежденный сторонник роспуска военных группировок и отказа от иностранных баз в Азии и на Тихом океане, вывода войск с чужих территорий. СССР — член Варшавского Договора, но это — европейский оборонительный союз и действует строго в договорных географических рамках. В свою очередь мы решительно выступаем против попыток США распространить «компетенцию» НАТО на весь мир, включая Азию и Тихий океан.

Наши размышления о безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе строятся не на пустом месте. Они учитывают опыт — прошлый и современный. Не канули в Лету принципы «панча шита» и Бандунга, остались в дипломатическом опыте положительные примеры перемирия в Корее, женевское совещание по Индокитаю 1954 года, индо-пакистанское соглашение в Ташкенте. И в наши дни мы видим усилия ряда государств практически решать общие экономические проблемы, попытки как-то регулировать конфликтные ситуации. В деятельности АСЕАН, в двусторонних связях немало позитивного. После того как был отвергнут замысел «Тихоокеанского сообщества», обсуждается идея «Тихоокеанского экономического сотрудничества». Мы без предубеждения отнеслись к ней, готовы присоединиться к размышлениям о возможных основах такого сотрудничества, — разумеется, если оно мыслится не по навязанной кем-то блоковой антисоциалистической схеме, а как результат свободной дискуссии без каких бы то ни было дискриминаций. Неплохой основой для таких дискуссий мог бы стать уже довольно обширный арсенал научных и политических разработок по вопросу о создании нового мирового экономического порядка, об опыте интеграции на Западе и на Востоке.

В качестве пусть не близкой цели мы предложили бы по типу Хельсинкской Тихоокеанскую конференцию с участием всех тяготеющих к океану стран. Когда же (и разумеется, если) удастся договориться о ее созыве, можно будет условиться и о месте проведения. Один из вариантов — Хиросима. Почему бы этому городу — первой жертве атомного зла — не стать своеобразным «Хельсинки» Азии и Тихого океана?

Подытоживая, хочу вновь подчеркнуть, что мы за включение азиатско-тихоокеанского региона в общий процесс создания всеобъемлющей системы международной безопасности, о которой говорилось на XXVII съезде КПСС.

Как мы себе это конкретно представляем?

В первую очередь напрашиваются вопросы **регионального урегулирования**. Об Афганистане скажу отдельно. Сейчас — о Юго-Восточной Азии и Кампучии.

Кхмерский народ понес страшные жертвы. Эта страна, ее города и села не раз подвергались американским бомбежкам. Она выстрадала свое право выбирать себе друзей и союзников. И непозволительно тянуть ее в трагическое прошлое, решать дальнейшую судьбу этого государства в далеких столицах или даже в ООН.

Многое здесь, как и в других проблемах Юго-Восточной Азии, зависит от нормализации китайско-вьетнамских отношений. Это — суверенное дело правительств, руководства двух стран. Мы можем лишь высказать свою заинтересованность в том, чтобы граница между этими социалистическими государствами вновь стала границей мира и добрососедства и чтобы возобновлен был товарищеский диалог, сняты ненужные подозрения и недоверие. Момент сейчас, кажется, благоприятный, а вся Азия нуждается в этом.

Нет, на наш взгляд, непреодолимых препятствий к установлению взаимоприемлемых отношений между странами Индокитая и АСЕАН. При наличии доброй воли и при условии невмешательства со стороны они могли бы урегулировать свои проблемы — на благо одновременно и общеазиатской безопасности.

Есть возможность не только снять опасную напряженность на Корейском полуострове, но и начать движение по пути решения национальной проблемы всего корейского народа. Если исходить из действительно корейских интересов, нет разумных причин уходить от серьезного диалога, который предлагает КНДР.

Второе. Мы за то, чтобы поставить заслон на пути распространения и наращивания **ядерного оружия** в Азии и на Тихом океане. Известно, что СССР обязался не увеличивать в азиатской части страны ядерные ракеты средней дальности.

СССР поддерживает объявление южной части Тихого океана безъядерной зоной и призывает все ядерные державы в одностороннем или многостороннем порядке гарантировать ее статус.

Серьезным вкладом была бы реализация предложения КНДР о создании безъядерной зоны на Корейском полуострове. Заслуженное внимание привлекла к себе идея создания такой зоны в Юго-Восточной Азии.

Третье. Предлагаем начать переговоры о сокращении активности на Тихом океане **военных флотов**, в первую очередь кораблей, оснащенных ядерным оружием. Укреплению стабильности помогло бы ограничение соперничества в сфере противолодочного оружия, в частности, договоренность о том, чтобы воздерживаться от противолодочной деятельности в определенных зонах Тихого океана. Это могло бы стать существенной мерой доверия.

Да и вообще хотел бы сказать: если бы США отказались от военного присутствия, скажем, на Филиппинах, мы бы в долгу не остались.

Мы по-прежнему и решительно за то, чтобы возобновить переговоры по превращению **Индийского океана в зону мира**.

Четвертое. Советский Союз придает большое значение радикальному **сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Азии** до пределов разумной достаточности. Мы отдаем себе отчет, что эту проблему надо решать по частям, поэтапно, начав с какого-нибудь одного района, скажем, с Дальнего Востока. В этом контексте СССР готов обсудить с КНР конкретные шаги, направленные на соразмерное снижение уровня сухопутных сил.

Пятое. Советский Союз считает, что давно уже пришло время перевести в практическую плоскость обсуждение мер доверия и неприменения силы в регионе. Начать можно с более простых, например, — с мер по безопасности морских коммуникаций в Тихом океане, а также предотвращению международного терроризма.

Конференцию для обсуждения и разработки таких мер можно было бы провести в одном из советских приморских городов. Кстати, можно было бы со временем и решить вопрос об открытии Владивостока для посещения иностранцами. Если действительно удастся изменить к лучшему ситуацию на Тихом океане, Владивосток мог бы стать одним из крупнейших международных центров, очагом торговли и культуры, городом фестивалей, спортивных встреч, конгрессов, научных симпозиумов. Мы хотели бы его видеть нашим широко открытым на восток окном. И пусть тогда, по слову нашего великого Пушкина, и здесь «все флаги в гости будут к нам».

В заключение — об Афганистане. С трибуны XXVII съезда КПСС было заявлено, что мы готовы вернуть домой советские войска, находящиеся в этой стране по просьбе его правительства. Партия, как вы знаете, теперь твердо держится принципа: за словом — дело.

Всесторонне оценив складывающуюся ситуацию и проведя консультации с правительством ДРА, советское руководство приняло решение, о котором я сегодня официально объявляю: до конца 1986 года из Афганистана будут возвращены на родину 6 полков — один танковый, два мотострелковых и три зенитных — с их штатной техникой и вооружениями. Возвращаться эти части будут в районы их постоянной дислокации в Советском Союзе и таким образом, что в этом легком смогут убедиться все, кого это интересует.

Ида на столь серьезный шаг, о котором мы предварительно информировали заинтересованные государства, в том числе Пакистан, Советский Союз стремится ускорить политическое урегулирование, дать ему еще один импульс. Он исходит также из того, что те, кто организует и осуществляет вооруженную интервенцию против ДРА, правильно поймут и должным образом оценят этот наш шаг. Ответом на него должно быть свертывание вмешательства извне в дела демократического Афганистана.

За последнее время на ведущихся через представителя генерального секретаря ООН афгано-пакистан-

ских переговорах был достигнут некоторый прогресс. Как только будет окончательно выработано политическое урегулирование, возвращение всех советских войск из Афганистана может быть соответственно ускорено. С афганским руководством согласованы и сроки, и этапы их возвращения.

Однако все, кто поощряет и финансирует необъявленную войну против Афганистана и с чьей территории она ведется, должны знать: если интервенция против ДРА будет продолжаться, Советский Союз не оставит соседа в беде. Наша интернациональная солидарность с афганским народом, равно как и интересы безопасности Советского Союза, это абсолютно исключают.

Мы поддерживаем линию нынешнего афганского руководства на национальное примирение, на расширение социальной базы апрельской национально-демократической революции вплоть до создания правительства с участием в нем политических сил, которые оказались за пределами страны, но которые готовы искренне участвовать в общенациональном процессе строительства нового Афганистана.

Товарищи! Нынешние поколения получили в наследство много трудных, мучительных проблем. И для того чтобы продвигаться к их решению, нужно избавляться от груза прошлого, искать новые подходы, руководствуясь ответственностью перед настоящим и будущим.

Советское государство обращается ко всем азиатско-тихоокеанским странам с призывом к сотрудничеству во имя мира и безопасности. Каждый, кто стремится к этим целям, кто рассчитывает на лучшее будущее своих народов, найдет в нас доброжелательных собеседников и честных партнеров.

Трудное, драматическое время переживает человечество. Но у него есть запас прочности, который позволяет не просто выжить, но и научиться жить в новом, цивилизованном мире, другими словами — жить, не зная угрозы войны, жить в условиях свободы, когда высшим мерилom всего будет благо человека и максимальное раскрытие возможностей человеческой личности. Но это требует упорной борьбы против общего для всех врага — угрозы всеобщего уничтожения.

Сегодня, как никогда прежде, важны мобилизация существующего в мире потенциала здравого смысла, партнерство разума, с тем чтобы остановить сползание к катастрофе. Наша решимость сделать для этого все от нас зависящее неизменна. В этом могут быть уверены все народы всех стран и государств. Таково вкратце состояние наших дел на сегодня, такова в общих чертах международная ситуация, в развитии которой будет все более возрастать роль азиатско-тихоокеанской части света. Из всего этого мы должны делать практические выводы, чтобы действовать с еще большей энергией, перестраивая нашу жизнь к лучшему.

В истории не бывает прямых аналогий, но возникают сходные ситуации и потому для нас столь ценен и поучителен плодотворный опыт прошлого. В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» В.И. Ленин писал: «Мы начали уже необходимую перестройку нашей экономической политики. Мы

имеем уже в этой области некоторые — правда, небольшие, частичные, но все же несомненные успехи. Мы уже кончаем, в этой области новой «науки», подготовительный класс. Твердо и настойчиво учась, проверяя практическим опытом каждый свой шаг, не боясь переделывать начатое неоднократно, исправлять свои ошибки, внимательно вникая в их значение, мы перейдем и в следующие классы. Мы пройдем весь «курс».

Вот, товарищи, ленинский совет, ленинский анализ с присущими ему глубиной, трезвостью и самокритичностью. Это совет, как мы должны действовать в ны-

нешней обстановке, как осуществлять перестройку, чтобы успешно пройти весь ее курс и вывести страну на качественно новый рубеж. Наш долг — в полной мере воспользоваться этим мудрым ленинским советом.

Больших вам успехов и достижений в претворении наших общих планов. Счастья, здоровья, всего хорошего в жизни.

Пользуясь случаем, хотел бы еще раз поблагодарить всех дальневосточников за слова доверия и поддержки, советы и пожелания, за теплоту сердец. Спасибо, товарищи!

ОТВЕТЫ М. С. ГОРБАЧЕВА

на вопросы главного редактора газеты «Руде право» товарища Зденека Горжени от 9 сентября 1986 г.

Вопрос. Ваше Заявление о продлении одностороннего моратория на ядерные взрывы до 1 января 1987 года вызвало очень широкий резонанс и, как нам в Чехословакии представляется, серьезно повлияло на расстановку общественно-политических сил в мире в вопросах разоружения.

Как Вы оцениваете причины этого и возможные последствия новой крупной миролюбивой акции Советского Союза?

Ответ. На первую часть вопроса ответ кажется очевидным. О советском моратории узнали сегодня значительно больше людей, чем некоторое время назад. Политическим лидерам и средствам массовой информации Запада становится все труднее замалчивать факт одностороннего полугодового моратория, да и американские аргументы в пользу испытаний явно потускнели, подрастеряли свое действие на общественность. Это во-первых. А во-вторых, в мире идет все более глубокое осознание реальности ядерной угрозы. Отвести ее можно, лишь ликвидировав, как мы и предлагаем, ядерное оружие, а в качестве первого шага — прекратить ядерные испытания. Как говорится, это ясно как божий день. Этого не могут втайне не понимать даже люди, одержимые гонкой вооружений.

В поддержку советского моратория, с призывами к Америке последовать примеру СССР выступили наши социалистические друзья, коммунистические партии, конференция движения неприсоединения в Хараре, представляющего десятки государств, лидеры «делийской шестерки», многочисленные общественные организации и профсоюзы, авторитетные политические партии, в том числе западногерманские социал-демократы и британские лейбористы, видные деятели науки и культуры повсюду в мире. В целом можно сказать, что легче перечислить тех, кто не поддержал нашу акцию, чем тех, кто ее одобрил.

Эти выступления — а мы их высоко ценим — подтверждают, что новое политическое мышление пробивает себе дорогу через застарелые предрассудки, отжившие представления, через завалы лжи о «советской угрозе».

Насколько можно судить по американским же данным, поддерживает идею прекращения ядерных испытаний и общественное мнение США, значительная часть конгресса.

Словом, никогда еще не было столь общепризнанным, что ядерную войну нельзя вести и в ней не может быть победителя, какие бы хитроумные сценарии военных действий ни разрабатывались.

К этому добавляется и другое: политика Соединенных Штатов начинает все больше пугать людей; вопиющие проявления милитаристской линии раскрыли глаза многим, и тревогу по поводу того, что катастрофа действительно может произойти, уже никто не может скрыть.

Резонанс, который вызвало прекращение ядерных взрывов Советским Союзом, связан, конечно, и с тем, что это — не декларация, а действие. Уже в четвертый раз мы пошли на продление моратория. Год без взрывов — это уже политическая и военная реальность. Тенденция разума и здравого смысла теперь практически присутствует в мировой политике и может быть развита, укреплена соглашением о взаимном запрете ядерных испытаний. А также другими смелыми, сильными шагами, решением назревших и перезревших вопросов.

Разве, например, не важно для судеб Европы, да и всего мира увенчать добротной договоренностью работу стокгольмской конференции? Безусловно, да. И со своей стороны Советский Союз вместе с Чехословакией, другими социалистическими странами предпринимает практические меры, чтобы так оно и произошло. Есть возможность — мне уже приходилось об этом говорить — прийти к согласию о запрещении химического оружия и ликвидации его промышленной базы.

По стратегическим вооружениям, ракетно-ядерному оружию средней дальности, обычным вооружениям возможны рациональные компромиссы, если на деле стремиться к понижению уровня военного противостояния, к равнозначной безопасности. Возможна договоренность и по укреплению режима такого фундаментального документа, как Договор по ПРО.

Но нужно смотреть на вещи как они есть. Возможностей становится вроде бы все больше, а поворота к лучшему нет.

В этом смысле показательна и реакция на наше заявление в правящих кругах Соединенных Штатов. Она с самого начала выявила, что, по крайней мере, в окружении президента, представители которого на этот раз даже не пытались скрывать своего раздражения, всерьез об устранении ядерной угрозы пока не думают. Именно поэтому продление моратория вызвало там такое недовольство. Видно, перед лицом новых советских предложений в этих кругах почувствовали себя неуютно. Уж очень, наверное, трудно стало оправдывать свою позицию в глазах как мировой, так и американской общественности.

И вновь поехали по старой колее, стремясь приписать значение нашей акции, навешивая ей ярлык «пропаганды». Но спрашивается: если это пропаганда, то в чем мы хотим ею убедить, что хотим ею сказать? В том, что можно обойтись без ядерных взрывов? Что свой призыв освободить человечество от ядерного оружия мы подкрепляем прекращением его испытаний? Что плохого в такой «пропаганде»?

Вообще же, по поводу обвинений нас в «пропаганде» я уже не раз говорил: очень это несерьезно, когда наши ответственные политические действия хотят перевести в такую плоскость. Не тот это подход в столь напряженный, можно сказать, переломный момент мирового развития.

Мы не в пропагандистской войне хотим выиграть. Мы не хотим даже участвовать в такой «схватке», считая ее недостойной важности предмета. Наша цель — сделать реальный шаг к реальному разоружению. И искренне приглашаем к этому американскую администрацию. Мы хотим сдвинуть с места переговоры, чтобы оттеснить ядерную угрозу ради безопасности всех и подлинной разрядки.

Очень уж много действительно пропагандистских спекуляций вокруг нашего моратория и в окружении Белого дома, и в политических кругах, и в прессе. Иногда складывается впечатление, что в США вообще склонны заменить внешнюю политику пропагандой. Какой уж тут деловой, обещающий успех диалог! Мы отвергаем такой стиль, считаем, что речь идет о слишком серьезных вещах, чтобы играть вокруг них в словесные игры. И хотим рассчитывать на то, что нас в конце концов поймут в Америке и откликнутся на наш призыв адекватно, достойным образом.

А уж если говорить о «серьезности», к которой нас призывали по поводу очередного продления нами моратория, то хотел бы сказать, что отношение к прекращению ядерных испытаний, к скорейшей выработке договора об их полном запрете стало сегодня самым убедительным показателем того, насколько действительно серьезно относится каждая из крупнейших ядерных держав к разоружению, международной безопасности, да и вообще к делу мира.

В Заявлении 18 августа я уже говорил, что отношение к ядерным взрывам — это экзамен на историческую зрелость. Я глубоко в этом убежден.

Более того, это — пробный камень, на котором проверяются действительная целенаправленность, главное содержание внешней политики ядерного государства. В самом деле.

Если хочешь военного превосходства — тебе мораторий не нужен.

Если хочешь продолжать гонку вооружений, особенно же — перевести ее в новые сферы, в космос, — тебе мораторий не нужен.

Если ты хочешь иметь новые, более совершенные виды оружия — мораторий тут совсем ни к чему.

Если в решении международных проблем ты считаешь, на силу и намерен прибегать к диктату, к шантажу — мораторий тебе также помеха.

Если ты боишься честно соревноваться с иной социальной системой в области экономики, демократии, культуры, духовного богатства человеческой жизни — мораторий тебе явно не подходит.

Если тебя не заботит, что будет с природой, со средой обитания людей, — ты будешь и дальше проводить ядерные взрывы.

Если алчные аппетиты воротил военного бизнеса и всех, кто с ним связан, важнее мнения и жизненных интересов сотен миллионов людей во всем мире — ты продолжаешь ядерные испытания.

Иначе говоря, отношение к мораторию вскрывает действительную суть и направленность политики. От этого никуда не уйти.

Если же есть действительное желание начать сокращение и потом покончить совсем с ядерным оружием, как об этом официально и торжественно не раз заявлялось и самим президентом, и некоторыми членами его администрации, если есть действительно понимание того, что ядерная война недопустима, если правда, что Соединенные Штаты не стремятся к военному превосходству, тогда нет принципиальных препятствий к достижению равноправного и строго проверяемого соглашения.

Вот почему мы считаем, что «мяч не на половине поля русских», как твердят легкие на слово герольды Белого дома, а на американской половине.

Впрочем, вопрос стоит еще шире и значительнее, чем отношение к мораторию, хотя, повторяю, попытки уйти от этой принципиальной важности проблемы разоружения, растворить ее в других вопросах, обесценить, перевести в другую плоскость достаточно характерны.

Ведь если выстроить всю послегеневскую политику администрации, то картина складывается тревожная. Здесь и форсирование СОИ, и испытания противоспутникового комплекса АСАТ, другие акции, подрывающие Договор по ПРО, тут и испытания новой межконтинентальной баллистической ракеты, новых самолетов и подводных лодок, заявления о выходе из Договора ОСВ-2, причем как раз к тому моменту, когда предполагают проводить с нами вторую встречу на высшем уровне, и фантастические запросы на очередной военный бюджет, и ассигнования на бинарное оружие, и силовые разбойничьи «неоглобалистские» действия против Ливии, Никарагуа, на Юге Африки, в других местах, тут и создание новых военно-морских ударных формирований, и небывалые с 50-х годов по количеству задействованных средств военные маневры вблизи Советского Союза — от Северного моря и Балтики до Дальнего Востока. Прав маршал Ахромеев, сказавший на конференции в Стокгольме: «Представь себе, что было бы, если бы подобные маневры развернули страны Варшавского Договора!»

Как мы должны воспринимать эти вызывающие военные демонстрации? Неужели как проявление миролюбия и стремления к взаимопониманию или, может быть, как подготовку атмосферы для встречи на высшем уровне?

Впрочем, в Белом доме и около него так прямо и говорят: все это необходимо, чтобы принудить русских к новым уступкам. Таков уровень ответственности тех, для кого гонка вооружений — золотое дно, и, кстати, уровень понимания, с кем они имеют дело.

Из подобной военно-политической практики напрашивается очень серьезный вывод: хотя бы легализовать гонку вооружений, по сути же дела — это материальная

и психологическая подготовка мировой войны. У общечеловечности законно зреет вопрос: что, значит, Америка собирается воевать? Если так, то тогда понятна логика действий администрации.

Невольно приходят на ум ассоциации с 60-ми годами, когда нагло заявила о своих претензиях на Белый дом крайне реакционная группировка. Но Америка тогда сама осадила эту группировку. К власти пришли другие люди, открылась возможность задержать разрастание «холодной войны», а потом, в 70-х годах, приостановить ее вовсе. Были заключены договоры, некоторые из них работают и сегодня.

А что мы видим теперь? Вновь разворачиваются военные программы, но такие, которые создают гораздо большую, чем тогда, угрозу развязывания мировой войны, ибо это происходит на новом научно-техническом витке гонки вооружений и при наличии гораздо больших арсеналов оружия, способного в несколько дней уничтожить цивилизацию.

Поэтому и задача наших двух стран, всех миролюбивых сил — не допустить, чтобы эта гонка приняла необратимый характер.

И гораздо более серьезная, чем прежде, я бы сказал — особая ответственность за то, куда повернется ход событий в мире, ложится на американский народ. Ему есть над чем задуматься.

Хочу верить в разум, реализм, да и элементарное чувство самосохранения американского народа. Нашим двум народам надо сотрудничать, а не враждовать, дружить, а не воевать. Я вновь призываю к этому.

Знаю, товарищ Горжени, что и у вас в Чехословакии, и у нас, и в других странах задают нередко и такой вопрос: не стоит ли за курсом на необузданную гонку вооружений стремление экономически подорвать СССР, социалистическое содружество? Как можно, в частности, оценить и официальные заявления, и домыслы в средствах массовой информации насчет того, что экономические проблемы и трудности, имеющиеся в СССР, заставят его, если еще поднажать, пойти на односторонние уступки?

Экономические проблемы и трудности у нас есть. О них мы сказали и говорим открыто. Немало проблем и трудностей в других странах, особенно тех, которые недавно встали на путь самостоятельного развития. А разве нет их на Западе, в самих Соединенных Штатах? Более того, они там грозно нарастают, накапливаются острейшие проблемы, государственный долг достиг астрономической цифры, и так огромная безработица вновь начинает приобретать угрожающие размеры, углубляются социальные противоречия.

А что касается наших экономических забот, то мы бы хотели справиться с ними быстрее и лучше, поэтому приветствовали бы любую возможность переключить средства и силы с обороны на гражданские отрасли, на повышение благосостояния людей. Но интересы безопасности мы при этом никогда не пожертвуем и на уступки за ее счет не пойдем, в том числе и на переговоры. Да нам и не позволил бы этого советский народ.

Попытки гонкой вооружений экономически подорвать СССР, мировой социализм мы хорошо видим. И сделаем все, чтобы не позволить сбиться этим злым планам. Действовать будем сразу на нескольких

направлениях: на дипломатическом, военном, политическом и — да-да! — пропагандистском, но прежде всего — на экономическом. Повышать эффективность хозяйства, наращивать ускорение, совершенствовать управление.

В этом плане качественный труд советских людей, трудящихся стран социалистического содружества — одновременно и вклад в дело мира. Даем мы слабину — напор врагов социализма усиливается. Становимся крепче, прочнее экономически, в социальном и политическом плане — растет и заинтересованность капиталистического мира в нормальных отношениях с нами, рассеиваются иллюзии, будто историю можно повернуть вспять.

Вопрос. Среди откликов на Ваше заявление есть и такие: мол, ни односторонний мораторий, ни даже двустороннее соглашение с США по этому вопросу практически ничего не дадут для решения проблемы ядерного разоружения. Так ли это?

Ответ. Никак не могу согласиться с этим.

Мораторий действительно пытаются противопоставить сокращению вооружений, доказать даже, будто он мешает начать процесс разоружения. В некоторых кругах и в прессе гуляет и такое мнение: мол, ядерное оружие «зло», но «зло неизбежное», поскольку оно служит сдерживанию, а раз так — оно нуждается в проверке надежности, то есть в проведении взрывов.

Все это — абсурд, если не попытка сбить людей с толку.

Мы еще в январе предложили совместно начать «искоренение самого зла» — ликвидировать все ядерное оружие до конца века. Конечно, это задача непростая. Но мы и предлагаем ее решать поэтапно, с учетом всех сложностей, отводим на это 15 лет, предусматриваем параллельные усилия в сфере ликвидации химического оружия и радикальных сокращений обычных вооружений, имеем в виду одновременно с разоружением продвигаться вперед в политической, экономической и гуманитарной сферах международных отношений.

Попытки противопоставить вопрос о прекращении ядерных взрывов вопросу о сокращении ядерного оружия недобросовестны и по еще одной причине. Такие попытки сеют иллюзии: будто уже две державы «почти» договорились о радикальном сокращении ядерного оружия, а тут вот СССР помешал своим мораторием. Но дело обстоит совсем не так. Со времени женевской встречи мы ни на дюйм не приблизились — несмотря на все старания СССР — к соглашению о сокращении вооружений.

А вот взаимное прекращение ядерных взрывов как раз серьезно содействовало бы согласию на этот счет. Ведь с прекращением испытаний, по сути дела, останавливается гонка в самой опасной области — в области создания новых видов ядерного оружия, в его совершенствовании. Остается только справиться с количественной гонкой вооружений, что проще.

Наша позиция, таким образом, состоит в том, что прекращение ядерных взрывов органически связано с сокращением ядерного оружия, очень серьезно помогло бы решению этой задачи. Я не говорю уж о политической стороне дела. Недоверие, страх и подозрительность, согласитесь, губительно сказываются

на международном климате. Есть и сторона нравственная, моральная. Продолжать испытания — значит растрачивать силы и средства во зло, тогда как невероятно велика и возрастает потребность в них на добрые, гуманные дела.

Вопрос. Говорят, что советское ядерное оружие «более простое и не нуждается в проверке надежности», а американское — «более сложное и потому его надо постоянно испытывать на эффективность».

Запущена в ход и другая версия, будто Советский Союз до объявления в 1985 году моратория усовершенствовал свой ядерный арсенал, значительно обогнал в этом Америку и поэтому может себе позволить паузу в испытаниях, а Соединенным Штатам приходится, мол, сейчас «догонять», поэтому они и проводят взрывы.

Где тут правда?

Ответ. А правды здесь нет вообще. Все эти утверждения лживы от начала и до конца.

Специалисты весьма убедительно доказывают, что для того, чтобы быть уверенным в надежности уже имеющегося ядерного оружия, отнюдь не нужны ядерные взрывы. Контролировать надежность можно столь же эффективно и к тому же куда более дешево и безопасно другими методами, без ядерных взрывов.

О том, что можно быть уверенным в ядерных боеприпасах, не проводя взрывов и ограничиваясь проверкой неядерных компонентов бомб и боеголовок, говорит и длительная практика. С 1974 года США и СССР не проводят в соответствии с имеющимся договором испытаний мощностью свыше 150 килотонн. Между тем у США боеприпасы, превышающие по мощности этот «порог», составляют 70 процентов ядерного арсенала, да и у нас не меньше. Значит, верим и мы, и они в надежность оружия и без взрывов! Чего же навешивать тень на ясный день?

Если американцы сомневаются в устойчивости своего ядерного арсенала, пусть пойдут на выработку соглашения о прекращении испытаний, а наши специалисты поделаются с ними «секретами», как проверяется состояние ядерных зарядов и без испытаний.

Нет. Главная цель испытаний ядерного оружия, которые проводят Соединенные Штаты, — создание принципиально новых типов вооружений. Что это значит? А вот что: разрабатываются новые ядерные боеголовки и повышенной мощности, и высокой точности. В ходе испытаний создается ядерное оружие космического базирования — рентгеновские лазеры с так называемой ядерной накачкой. Ведутся работы по подготовке совершенно нового вида оружия, способного поражать цели и на Земле, и в космосе. В этих условиях — лицемерие говорить, что запрещение испытаний ничего не даст для решения проблемы ядерного разоружения.

Что касается второго довода, то он мог еще звучать сколько-нибудь правдоподобно в первые пару месяцев нашего моратория. Но не тогда, когда тишина на советских ядерных полигонах царит уже второй год. Если разработка нового и совершенствование старого ядерного оружия требуют все новых ядерных испытаний — а это несомненно так, — то по логике вещей США, которые провели намного больше взрывов, чем СССР, плюс 18 за год нашего моратория, должны были бы далеко уйти вперед. Догонять, получается, на-

до не им, а нам. Словом, абсурдна сама эта постановка вопроса.

Известно нам и такое мнение: нельзя ли в том, что касается испытаний, на какое-то время удовлетвориться компромиссом между советской и американской позицией. То есть не полным запретом, а какой-то их «регламентацией».

Конечно, предлагая другой стороне договоренность, никогда нельзя напрочь отвергать компромиссы. Но идея «регламентации» вместо прекращения представляется мне все же неверной в принципе.

Прежде всего, регламентация у нас уже есть: Договор 1963 года и так называемые «пороговые» соглашения 1974 и 1976 годов. Но гонку вооружений они не остановили. Она даже усилилась, — конечно, не потому, что эти договоры существуют.

То же самое может произойти и с предлагаемой «регламентацией» подземных ядерных испытаний. Скорее всего, она привела бы к тому, что гонка просто пойдет в другом направлении, а потом выяснится, что — в еще более опасном.

Какого-то половинчатого решения по проблеме ядерных испытаний просто не может быть. Честная постановка вопроса одна: или договариваться о том, чтобы не испытывать ядерные заряды и покончить с этим раз и навсегда, или дать старт еще более опасным военным приготовлениям. Третьего не дано.

Если бы американцам удалось втянуть мир в гонку космических вооружений, какими бы терминами они ни обозначались — «оборонительными» или иными, это наверняка привело бы к предельно рискованной дестабилизации всей военно-стратегической ситуации. Угроза человечеству преобрела бы качественно новые смертоносные параметры. Никто не имеет права закрывать на это глаза.

Вопрос. Вновь, как и по поводу всех других инициатив Советского Союза, окружение президента Рейгана и представители некоторых других натовских правительств пытаются отвлечь внимание от поставленной Вами кардинальной проблемы — процесса ядерного разоружения — разного рода спекуляциями насчет контроля, проверки.

Как Вы оцениваете подобный подход?

Ответ. Именно так, как сказали Вы, — как попытку отвлечь внимание. Хотят продлить жизнь обанкротившемуся доводу, будто запрет на ядерные испытания невозможно проконтролировать. Обанкротился он прежде всего в силу успехов науки. Сегодня национальными средствами можно обнаружить любой, даже самый малый ядерный взрыв. Чтобы помочь решению проблемы, Советский Союз тем не менее дал согласие на другие методы контроля. «Делийская шестерка» предложила свои услуги — мы согласились. А США отмолчались. Ученые договорились об установке сейсмографов и другого оборудования близ ядерных полигонов СССР и США — мы поддержали и эту инициативу несмотря на то, что американское правительство отнеслось к ней пренебрежительно.

Я не так давно принимал группу видных ученых — специалистов в этой области из СССР, США, стран Западной Европы, Японии, обстоятельно с ними беседовал. И еще раз убедился, что у них ни малейших сомне-

ний насчет возможности самого надежного контроля за запрещением ядерных испытаний нет.

А пока же дело выглядит так: Соединенные Штаты никак не выразили готовности приступить к разоружению и говорят не о контроле за разоружением, а о контроле за вооружениями.

Мне самому и нашим военным товарищам не раз уже приходилось говорить: мы знаем, что делают американцы, что у них происходит на ядерных и иных полигонах. А их попытки скрыть кое-что, в том числе и некоторые свои взрывы (включая и еще один, произведенный неделю назад), лишний раз убеждают нас в том, что на слово верить нельзя. И впрямь: никаких оснований доверять американским генералам у нас нет, да и с их стороны мы на доверие не рассчитываем. Поэтому мы за строгий, научно обоснованный контроль и будем на нем настаивать, включая инспекцию на местах. Но, повторяю, не за проведением взрывов, а за прекращением взрывов.

Американские приборы уже установлены вблизи советского ядерного полигона в Семипалатинской области. Мы считаем, что можно было бы договоренность ученых перевести в официальное соглашение и обоюдно следить за тем, чтобы возможное соглашение о прекращении ядерных взрывов не нарушалось. Можно подумать и о том, чтобы создать международную, наднациональную сеть контроля за прекращением испытаний. Пользуясь случаем, чтобы обратиться к президенту США с этим предложением. Проблема тут вполне разрешимая. А то, что в Вашингтоне ее пытаются представить как орешек, который невозможно разгрызть, объясняется просто: США не готовы отказаться от гонки вооружений и потому блефуют.

Ядерные взрывы нужны им, повторяю, не для сдерживания (сдерживать некого: никто на США нападать не собирается), а для создания оружия, предназначенного для ведения ядерной войны.

Вопрос. И последний, товарищ Горбачев, если позволите, деликатный вопрос. Судя по многочисленным заявлениям из окружения президента США, да и по западной печати, все внимание мировой общественности хотят сейчас сосредоточить на новой вашей встрече с господином Рейганом, фактически подменить разговорами о ней все актуальные проблемы обуздания гонки вооружений.

Что Вы можете сказать по этому поводу?

Ответ. Мы за проведение советско-американской встречи на высшем уровне, такой встречи, которая ознаменовалась бы заметным продвижением вперед в решении хотя бы одной-двух существенных проблем международной безопасности.

После Женевы мы предприняли немало шагов, чтобы сблизить позиции по широкому спектру проблем, касающихся преодоления гонки вооружений. Нам чужд подход, который можно было сформулировать: «все или ничего». Но ради «ничего» встречу проводить не стоит. Может быть, кого-то это бы и устроило — нас решительно не устраивает.

Вопросы, о которых идет речь, затрагивают все страны, все мировое сообщество, хотя мера ответственности Советского Союза и Соединенных Штатов, понятно, особенно велика. Поэтому-то, как нас ни провоцируют, мы не обрываем нити контактов с американской адми-

нистрацией, не ставим под сомнение их полезность, не хлопаем дверью (хотя некоторые на Западе и, особенно, в окружении президента США этого очень бы хотели). Но контакты ценны не сами по себе, а результатами.

Мы ожидаем, что предстоящая вскоре встреча Э.А. Шеварднадзе с госсекретарем США Дж. Шульцем поможет прояснить, где мы сейчас находимся, имеет ли советско-американский диалог шансы двинуться дальше.

Если заведомо исходить из того, что мораторий неприемлем, если вопрос о ракетах средней дальности в Европе блокируется, если стратегические вооружения должны совершенствоваться и т.д., то о чем тогда договариваться? В обстановке лихорадочной гонки вооружений, нагнетания напряженности, слома существующих договоров встреча в верхах едва ли принесет пользу. А вот использовать ее для обмана людей, успокоения общественности видимостью благополучия было бы легче легкого и при этом продолжать опасную политику. Да, собственно, это уже пытаются сделать, изображая дело так, будто подготовка к встрече идет полным ходом.

Нагнетая деланный оптимизм: все для встречи, мол, почти готово, — рассчитывают, возможно, загодя спихнуть вину за результаты своей деструктивной политики на Советский Союз. Такие же цели, должно быть, имеет и другая версия: будто СССР пришел к выводу, что с администрацией Рейгана каши, как говорится, не сварить.

Однако мы придаем слишком большое значение фактору времени, чтобы так вот решить: «замрем», мол, на два с половиной года. Нет. Переждать, повременить — было бы непростительной ошибкой. Мы будем и впредь использовать любую возможность для продуктивного диалога, для продвижения к ограничению и сокращению вооружений, а также для урегулирования региональных конфликтов, развития международного сотрудничества по всем актуальным направлениям. В этом смысле совесть у нас чиста перед советским народом, да и перед другими народами. И нас хорошо понимают, последовательно и твердо поддерживают наши чехословацкие друзья, страны социалистического содружества.

Хотел бы особо подчеркнуть: мы очень дорожим и скрупулезно учитываем мнение своих союзников, полны решимости и дальше улучшать механизм и методы консультаций, совместной выработки внешней политики социализма. Мы высоко ценим политические инициативы своих союзников и друзей, их активность в борьбе за новое политическое мышление, деятельное и равноправное участие в общих усилиях по решению проблем мира, безопасности, разоружения.

Не считаю возможным умалчивать о еще одной стороне дела, связанной с перспективами встречи в верхах. Много строится домыслов вокруг моей конфиденциальной переписки с президентом США. Не хочу раскрывать ее содержания, но вот относительно домыслов сказать стоит. Грешат они нарочитым оптимизмом, есть в них что-то от рекламы.

В конце июля к нам поступило очередное письмо президента США как бы с ответом на наши инициативы. Знаю, что на Западе это письмо преподносят как

нечто новое в позиции Вашингтона, устраивают вокруг него выгодные администрации «утечки», делают вид, будто все теперь зависит от Москвы. Свой ответ мы, разумеется, президенту дадим.

Я изучал письмо президента вдоль и поперек, фигурально выражаясь — и под микроскопом, и в телескоп. Конкретнее говорить не буду — ведь договорились о конфиденциальности. Однако мне понятно желание людей знать, что же там — в этой закрытой переписке. Ведь это касается их всех, всех людей Земли. Если бы они могли ознакомиться с текстами обоих писем, сравнить значимость каждого из них для развязки главных узлов на пути разоружения, они увидели бы, насколько серьезно и ответственно советское руководство подходит к проблемам предотвращения войны, как конкретно, по-деловому и с учетом интересов другой стороны мы формулируем свои предложения.

Они увидели бы также, что мы далеки от позиции безнадежности, верим в силу разума и чувство самосохранения человечества.

Своими действиями и инициативами мы стремимся укрепить надежду народов на то, что ситуацию можно изменить, что есть доступная альтернатива конфронтации. Думаю, мы уже вступили во вторую фазу глобального антиядерного процесса, фазу не только надежд, но и реалистических планов и вытекающих из них конкретных действий. Как коммунист, я верю в силу масс, которыми овладевает новое мышление, указывающее выход из кризисного положения.

Время для принятия совместных ответственных, пусть компромиссных, решений — самое ценное, что у нас пока еще есть. Но оно быстро уходит. Век ядерного оружия, по-видимому, — самый скоротечный из всех, через которые прошла мировая история. Потому так нужны сейчас конкретные дела. Призывом к ним я бы и хотел закончить.

От имени КПСС, всех советских людей шлю братскому чехословацкому народу самые добрые пожелания.

**Выступление Э. А. Шеварднадзе
на 41-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН
от 23 сентября 1986 г.**

Уважаемый господин председатель!

Уважаемые делегаты!

Поднимаясь на эту высокую трибуну, мы говорим о своем видении мира. Так коллективными усилиями создается картина международных реальностей времени.

Какой предстает она нам сегодня?

На первый взгляд, время, минувшее с предыдущей сессии Генеральной Ассамблеи, не внесло в панораму современности светлых красок. Оно отмечено целым рядом факторов, усиливших прежние тревоги. Гонка вооружений не остановлена, она движется дальше по крутой спирали. Реальнее стала угроза ее переноса в космическое пространство. Сохраняются опасные очаги военных конфликтов. Во многих районах мира усугубляются бедность и нищета.

Все это так. И тем не менее мы считаем, что Международный год мира войдет в историю не только своей миротворческой символикой.

Позвольте привлечь ваше внимание к явлениям, которые дают основание говорить о просветах на горизонте мира.

Их необходимо видеть каждому из нас, ибо это прибавляет решимости действовать с большей энергией.

Необходимо всем народам, уставшим от бремени тревог и опасений.

Необходимо миру — все более взаимосвязанному и неделимому целому, — который уже может не выдержать разрывов и разрушений.

Надежда пробуждает оптимизм. Говоря словами М.С. Горбачева, «повсюду в мире в сознании народов, политических, общественных сил самой разной ориентации и мировоззрений все прочнее утверждается убеждение: на карту поставлено само существование рода человеческого, настало время решительных и ответственных действий».

Просвет мы видим в том, что в переломную для человечества пору народы и все больше правительств осознают необходимость мыслить по-новому, в соответствии с реальностями ядерно-космической эпохи.

Настает время, когда групповые, блоковые, идеологические соображения начинают уступать пониманию мира как высшей ценности. Только мир, переве-

денный из категории декларации в сферу практических мер, оставляет шанс на выживание.

Происходящая в мышлении перестройка и выводит на передний план эту истину.

Целые группы стран, движение неприсоединения, политические партии и общественные организации, антиядерные силы предлагают перспективные проекты выхода из ядерного тупика.

Создается благоприятный фон для развития диалога.

Исключение из этой тенденции составляет политика империалистических сил, и это еще контрастнее оттеняет общий порыв к действиям, конкретной практике.

Практикой становится объявление обширных территорий зонами, свободными от ядерного оружия. Демократическое большинство принимает решения об этом на основе демократической процедуры.

Политическим лидерам, спекулирующим приверженностью демократии, следовало бы обратить внимание на противоречие их поведения провозглашаемым принципам. Вместо того чтобы наращивать и считать боеголовки, стоило бы подсчитывать голоса, подаваемые за полную ликвидацию оружия массового уничтожения.

К сожалению, институты демократии в некоторых странах перечеркиваются безнравственной арифметикой военного превосходства. Но факт бесспорен: призыв к действиям — уже не глас вопиющего в пустыне. Наоборот: даже в пустыне Невады звучат призывы положить конец ядерным испытаниям. И уже не только мы сами, но и американские ученые регистрируют своими приборами близ советского города Семипалатинска невадские взрывы.

В то же время ни один сейсмограф в мире не фиксирует ядерных взрывов на нашей территории. И отнюдь не по причине утраты чувствительности, а в силу чуткости Советского Союза к воле мирового сообщества.

Осуществляя провозглашенный XXVII съездом КПСС внешнеполитический курс, наша страна реализует конкретные практические меры.

Одна из наиболее веских — односторонний мораторий на ядерные взрывы. Это и есть действие, выражающее искренность наших намерений, серьезность забот о будущем мира.

Больше года на советских полигонах царит тишина. Прислушайтесь к ней, она говорит о многом. И если бы с ней слилась тишина и на американских полигонах, то это лучше любых слов сказало бы человечеству, что на деле начинается движение к реализации идеи безъядерного мира.

Остановить испытания — значит не допустить появления новых видов ядерного оружия, перекрыть путь к созданию ядерных космических вооружений. Мы призываем США присоединиться к нам в этом движении вперед, а не звать нас назад, к проведению взрывов, как это они предложили здесь вчера. Мораторий двусторонний, а затем и многосторонний — это одно из важнейших звеньев в цепи шагов, ведущих к созданию всеобъемлющей системы международного мира и безопасности.

Исполненный решимости воплотить ее в жизнь, СССР вместе с другими социалистическими госу-

дарствами представил на ваше рассмотрение предложения на этот счет. Мы убеждены, что создание этой системы, охватывающей военную, политическую, экономическую и гуманитарную области, отвечает интересам всех государств и народов.

Авторы предложения не претендуют на роль первооткрывателей какого-то неизвестного политического «материка». Если и есть сегодня белые пятна, то главным образом в сфере конкретных практических действий. Дать им импульс и простор — это и будет крупнейшим открытием. Предлагаемые основы безопасности созвучны принципам Устава ООН и призваны содействовать их осуществлению в специфике условий нашего времени.

И здесь мы рассчитываем на самое демократичное и конструктивное обсуждение, на коллективное творчество всех стран.

Идея всеобъемлющей безопасности подразумевает прежде всего материальные гарантии мира, политические и международно-правовые гарантии, утверждение принципов цивилизованного, корректного межгосударственного общения. Безопасный мир — это мир правопорядка и законности, неукоснительного соблюдения Устава ООН, всех норм международного права, прав и свобод человека.

Наша инициатива содержит в себе ответ на вопрос: что нужно делать, чтобы спасти жизнь на Земле.

Когда мы говорим об этом, перед нашими глазами стоят покинутые поселки зоны Чернобыльской атомной станции. Не только боль утрат и сострадание жертвам вызвала у нас эта авария. Она усилила нашу тревогу за будущее Земли. Чернобыль — трагическая ошибка человека, работавшего с мирным атомом. От ошибок с атомами войны тем более нет гарантий. При существовании в мире пятидесяти тысяч ядерных зарядов нам всем отпущено время, взятое взаймы у случая, и никто не знает, каков срок этого кредита.

Что же делать? Продолжать игру в ядерную рулетку? Но уже сейчас ясно, что рано или поздно она может толкнуть к коллективному самоубийству.

Выход только один: вовремя, пока не поздно, отвергнуть безумные ставки, ни одна из которых никому не сулит выигрыша, навсегда прекратить эту смертельную игру с ядерным роком.

Это по силам мировому сообществу, единственному суверенному вершителю собственной судьбы. Ни одна ядерная держава не вправе принимать решения за всех. СССР отказывается от этого. В историческом Заявлении советского руководителя от 15 января предлагается другое — пустить на слом все ядерные вооружения. И здесь критерием вновь выступает практика.

Политической вседозволенности противопоставлена политическая ответственность. Проблема ядерных испытаний наиболее наглядно фокусирует эти взаимоисключающие подходы.

Есть и другие факты. Посмотрите на судьбу договоров ОСВ-1 и ОСВ-2. Их рвут сейчас потому, что не нашлось места сто тридцать первому бомбардировщику, вооруженному крылатыми ракетами. Полтора тысяч таких ракет показалось мало — сочли, что необходимо добавить еще двадцать.

Суд времени беспощаден в своих вердиктах. Если политические лидеры не примут вовремя ответственных решений, история не простит этого.

Нам дан шанс — заложить основы прочного мира. И, конечно же, дело отнюдь не в том, чтобы принять еще одну резолюцию. Объединенные нации должны утвердить такую шкалу ценностей, высшее место в которой займут практические действия.

Прошу помнить, что это заявляет ядерная держава. Мы не стремились обзавестись этим оружием, но уже с момента, когда были вынуждены создать его, неизменно ищем пути к его ограничению, сокращению и ликвидации. Занимая не последнее место в «ядерном клубе», мы предлагаем распустить его. Пусть никто не заблуждается: чувство гордости нам присуще в не меньшей степени, чем другим. Однако престиж и достоинство великой державы мы ассоциируем с равнозначной безопасностью для всех.

Нами движет сознание ответственности и перед собственным народом, и перед другими народами. Именно поэтому мы идем на разумные компромиссы и реалистические уступки, когда выдвигаем предложения о сокращении стратегических наступательных вооружений и ракет средней дальности. В этом и проявляется новый подход к реальностям ядерно-космического века, который в наиболее полном и целостном виде изложен в докладе М.С. Горбачева XXVII съезду нашей партии.

Искренность наших намерений и честность нашей позиции адекватны нашей решимости положить конец опасному ходу мировых дел. И мы делаем столь большой упор на отказе от испытаний ядерного оружия как раз потому, что именно здесь проверяется искренность заявлений.

Вчера мы выслушали выступление президента США. Достоин сожаления, что трибуна Генеральной Ассамблеи ООН была использована таким образом. Ответ по каждому пункту этой речи не составляет проблемы. Однако было бы проявлением неуважения к нашей аудитории вступать в полемику. Слишком серьезна тема разговора, чтобы превращать ее в точильный камень для политического остролопия. Слишком дорого время, чтобы тратить его на опровержение заблуждений и предрассудков, деформирующих реальности и факты.

И все же есть необходимость затронуть один ключевой момент, ибо он имеет принципиальное значение. Я имею в виду попытку философски обосновать тезис, будто новая совершенная технология войны способна надежно обеспечить безопасность. Именно подобная «философия» вызвала нараставший из года в год вал вооружений, грозящий сегодня раздавить Землю.

Есть только один путь к безопасности — уничтожать уже существующие вооружения, а не заменять их новыми. Нельзя допустить, чтобы технология уничтожения определяла политику.

Можно представить, с каким облегчением вздохнули бы люди, услышав, что и Соединенные Штаты Америки решили в Год мира прекратить ядерные испытания. Вот чего они ожидали от президента США.

У меня есть полномочия заявить: Советский Союз готов в любое время и в любом месте подписать договор о полном запрещении испытаний ядерного ору-

жия. Мы готовы сделать это здесь, в стенах Организации Объединенных Наций, с тем, чтобы все мировое сообщество могло стать сопричастным этому великому акту, чтобы в знак уважения к его воле был обозначен поворотный пункт в истории.

Слово, расходящееся с делом, — фальшивая ценность. Слово, подтвержденное делом, — золотой запас государства.

Тем, кто на словах выступает за ликвидацию ядерных вооружений, мы предлагаем подтвердить свою позицию делом. Иначе все их рассуждения о бесчеловечности ядерного оружия — риторические миражи, за которыми отчетливо вырисовывается совсем другая политика.

Излюбленный аргумент ее проводников — контроль. Но он все более напоминает истлевший занавес. В широком плане проблема контроля ныне снята полностью. Убеденный в том, что без контроля нет доверия, Советский Союз открыт для любых его форм и способов.

На наш взгляд, Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Хараре высказала весьма ценные рекомендации на этот счет. ООН могла бы поддержать предложения стран «делийской шестерки» — Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании, Швеции — о наблюдении за выполнением обязательства не проводить ядерные взрывы. Советский Союз примет рекомендации, выработанные под эгидой ООН.

Мы согласны с теми государствами, которые считают, что вопрос о том, в каком мире — ядерном или безъядерном — будет жить человечество, должно решать все мировое сообщество, а не узкая группа ядерных держав.

Это в полной мере относится и к судьбе космоса. Ведь околоземное пространство — общее достояние человечества, и оно должно использоваться на общее благо. Если же там появится оружие, то это достояние превратится в угрозу для всех. Лишь два-три государства, обладающие статусом военно-космических держав, будут довольны над остальным миром.

Хотим ли мы этого? Хотим ли, чтобы дело дошло до установления военно-космического вассалитета? Этот вопрос ставит само развитие событий, которое может оказаться трагическим для всей структуры международных отношений. Поэтому мы и впредь будем добиваться ограждения космоса от попыток превратить его в военный надел одной-двух держав.

Сегодня эти притязания маскируют возвышенным слогом высказываний об оборонительной программе, которая якобы навсегда покончит с угрозой нападения. Проникновенно и задушевно вешают о мечте, осуществление которой-де освободит человечество от страха перед ядерной смертью. Выдают злой умысел за благие намерения, а меч — за щит.

Пусть никто не обманывается подобными речами. Они прикрывают атаку на главную опору стабильности — Договор по противоракетной обороне. Его хотят убрать с пути, назначив для этого срок — семь лет. Здесь все выверено — именно через семь лет рассчитывают подготовить к развертыванию космические вооружения.

Спрашивается, зачем? Не разумнее ли направить усилия на то, чтобы договориться о полной ликвида-

ции ядерных ракет — стратегических, средней дальности, любых других, как это мы предлагаем?

Ответ прост: так называемый оборонительный космический щит, как бы это ни скрывали, создается для нанесения первого удара.

Первый удар может стать последним, и не только для той страны, против которой его направят. Космическое оружие, как и ядерное, не признает национальных границ, оно не выбирает, кого пощадить, а кого уничтожить. И при любых обстоятельствах оно будет держать под прицелом не одну или несколько стран, а весь мир.

Вот почему мы считаем необходимым предостеречь всех: чтобы космос остался мирным, его должны отстаивать все. И здесь свое слово должна сказать Организация Объединенных Наций — единственный законный опекун космического мира.

Мы просим помощи ООН и в таком исключительной важности деле, как ликвидация химического оружия. На конференции в Женеве достигнут обнадеживающий прогресс.

Историческая задача освобождения Земли от химического оружия сейчас ближе к решению. Помешать может лишь позиция США, которые взяли линию на создание бинарных зарядов. Однако препятствия устранимы, если будет проявлена политическая воля. Стимулировать ее — вполне по силам нашей Организации.

Всеобъемлющая система международной безопасности имеет не только ядерный, космический или химический параметры. Безопасность подразумевает неприменение любой силы, в том числе — обычных вооружений и вооруженных сил.

Советский Союз выступает за значительные понижения уровня военного противостояния, прежде всего — военно-политических союзов. На этот счет существуют и радикальные предложения государств — участников Варшавского Договора, основанные на концепции разумной достаточности.

Скажем больше: мы вообще не хотели бы, чтобы наши войска находились где-либо вне наших национальных границ. Этот вопрос тоже открыт для обсуждения, и он может быть решен в условиях укрепляющегося доверия, осуществления мер военной разрядки.

Начало этому уже положено на стокгольмском форуме. Мы все — и не только европейцы — можем поздравить себя и друг друга с этой победой разума и доброй воли. Она дала нам больше, чем просто важную договоренность, — показала, что когда мы все действительно чего-то хотим, то мы можем всего добиться. Она подтвердила, что хельсинкский процесс успешно развивается, пустил глубокие корни в европейской почве. Теперь крайне важно, чтобы и предстоящая встреча в Вене стала еще одной вехой движения Европы к надежной безопасности, к улучшению сотрудничества.

Ровное, спокойное дыхание нужно дать и азиатско-тихоокеанскому региону. Наши соображения на этот счет сведены в конкретную программу действий, изложенную в выступлении М.С. Горбачева во Владивостоке. Нас воодушевляет, что она оказалась созвучной настроениям многих государств региона.

Мы видим все его болевые точки. В первую очередь, это — Корейский полуостров. Народ Кореи жаждет покончить с разделом своей страны. Лишь одно мешает этому — присутствие американских войск, по существу оккупирующих южную часть страны.

Другой очаг напряженности — обстановка вокруг Кампучии. И здесь судьба целого народа приносится в жертву геополитическим интересам определенных государств. В угоду им стремятся предать забвению миллионы жизней, загубленных реакционной антинародной кликой.

Этого допустить нельзя.

Конструктивные предложения Кампучии, Лаоса и Вьетнама открывают путь к решению проблем региона на широкой политической основе, стабилизации положения в Юго-Восточной Азии.

Развязка этих и многих других «узлов», безусловно, способствовала бы укреплению мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе. Мы всячески содействуем этому.

Нынешние положительные сдвиги в отношениях нашей страны с Китайской Народной Республикой важны не только в плане двустороннего сотрудничества, они благоприятствуют улучшению общей обстановки.

Новым, еще более богатым содержанием продолжат наполняться наши традиционно дружественные связи с народом Индии, ее правительством.

Советский Союз дорожит добрыми связями со многими азиатскими государствами и желает обсуждать с ними, в частности со странами АСЕАН, как подтянуть отношения там, где они пока ниже желаемого уровня.

В концепцию всеобъемлющей безопасности органично вписываются меры по ликвидации региональных конфликтов. Разумеется, здесь нет и не может быть единой модели политического урегулирования. Тем не менее необходимо конкретизировать некоторые общие принципы.

Это, во-первых, безусловное уважение суверенитета, независимости, права народов на самостоятельный выбор пути развития; это, во-вторых, уважительное отношение к законным правительствам; в-третьих, это уважение обязательств и соглашений, заключенных между государствами в полном соответствии с международным правом.

Каждый региональный конфликт — нелегкое испытание для Организации Объединенных Наций. Это тем более верно в отношении тех территорий, где эмблема ООН символизирует особую ответственность. К сожалению, на нее слишком часто ложится тень несбывшихся надежд.

Давно пора привести в эффективное действие все полномочия нашей Организации, использовать все ее права.

Это прежде всего касается судьбы намибийского народа и подопечной территории Микронезия.

Их проблемы — ровесницы ООН.

Чуть меньший «стаж» у ближневосточной проблемы. Должно быть, немного найдется в этом зале людей, участвовавших в принятии резолюции о разделе Палестины. Было это в 1947 году. И сегодня мы вновь подаем голос за то, чтобы наряду с государством Израиль, которое своим существованием обязано и Советскому Союзу, на политической карте мира утвердилось арабское палестинское государство.

Мы считаем, что Организация Объединенных Наций вновь должна взять в свои руки дело ближневосточного урегулирования.

В качестве практического шага в этом направлении Советский Союз предлагает создать в рамках Совета Безопасности подготовительный комитет, который проделал бы необходимую работу по созыву международной конференции по Ближнему Востоку.

Вот уже сколько лет длится трагедия кипрского народа. И тут нет недостатка в посредничестве и планах урегулирования. Пробуются всякие варианты, но усердно обходится предложение о решении кипрской проблемы на представительной международной конференции под эгидой ООН. Кому это выгодно? Лишь тем силам, которые рассчитывают использовать остров в своих военно-политических планах.

В очаг напряженности они хотели бы превратить все Средиземноморье, занеся над ним дубинку «неоглобализма». Не задумываясь о последствиях, ее порой пускают в ход, как это с варварской жестокостью было сделано в Ливии.

С самого начала войны между Ираком и Ираном Советский Союз призывает остановить это бессмысленное взаиморазрушение. Мы как искренние друзья и того, и другого народов используем имеющиеся у нас возможности для того, чтобы убедить противоборствующие стороны пойти на примирение. Будем делать это и впредь.

Убеждены: если бы не расистский режим Претории, черные, белые, цветные жители ЮАР давно нашли бы общий язык — язык равноправия, согласия, расового мира. Разделительная черта проведена не этническими различиями, а жестокой политикой апартеида, враждебной всем, независимо от цвета кожи. Не видеть этого — значит волею или неволью поощрять геноцид против большинства населения ЮАР.

Только что мировое сообщество однозначно высказалось о положении на Юге Африки, и дело теперь за Советом Безопасности, который должен принять обязывающие решения, воплотив в них волю абсолютного большинства стран мира.

В последнее время в международной практике возникло новое отвратительное явление: «оплаченные» региональные конфликты. Наглядный тому пример — Никарагуа, где миллионами долларов финансируются убийства крестьян, уничтожение деревень и плантаций. И все потому, что эта маленькая страна осмелилась выбрать собственный путь развития, который в глазах администрации самой могущественной капиталистической державы мира предстает угрозой ее безопасности.

Точно так же оплачены необъявленные войны против законных правительств Афганистана, Кампучии, Анголы, Мозамбика, Эфиопии. При этом нередко страна, финансирующая конфликт, поддерживает дипломатические отношения или ведет переговоры с тем или иным правительством, одновременно стремясь к его свержению любыми средствами.

За ценой она не стоит, когда заносит в черные списки почему-либо неудобные для себя правительства и страны. Так, более четверти века против Республики Куба применяется весь диапазон репрессалий — от прямых военных до экономических и идеологических. Кажется, давно пора понять, что

эта политика обанкротилась, что ее иначе как маниакальной не назовешь.

Политическая мудрость предписывает признавать утвердившиеся реальности, а не стремиться к их разрушению по чьему-либо произволу.

Здесь не поможет объявление наемных банд «отрядами свободы», как это пытаются делать в войне против Афганистана.

Пора научиться называть вещи своими именами. В том же Афганистане совершилась национально-демократическая революция. Ее социальная база постоянно расширяется, укрепляется, ее поддерживают, в ней участвуют все без исключения слои общества, все национальные группы страны. У них есть ясная программа мирного урегулирования кризисных явлений, и необходимо лишь одно — не тормозить этот позитивный процесс. Советский Союз и здесь выступает за поиск новых развязок, за свежий, не затуманенный предубеждениями взгляд, помогающий определить пути решения проблемы с учетом законных интересов афганского народа, его друзей и соседей.

Всеобъемлющая система международной безопасности способна вручить нам ключи от многих самых сложных замков.

Ставя, как и большинство государств, вне закона любые формы терроризма, мы готовы внести — и уже вносим — свою лепту в борьбу с этой чумой. Ни один здравомыслящий человек не может примириться с ней. Терроризм надо безжалостно искоренять, ибо из-за него страдают и гибнут невинные люди. Но чтобы эффективно бороться с ним, мы обязаны видеть и его причины. Нельзя забывать о природе этого отвратительного явления: вспышки индивидуального и группового террора подчас порождены насильем над целыми народами. Улучшение всей международной обстановки во многом будет способствовать искоренению терроризма.

Помехой оздоровлению международного климата выступает неоглобализм. Он несет с собой диктат, агрессию, попрание независимости государств. Альтернатива ему — всеобъемлющая система безопасности.

Гонка вооружений, региональные конфликты неизбежно пагубно отражаются на мирохозяйственных связях. И если политики, футурологи, эксперты пытаются как-то моделировать структуру безопасности в мире с оружием или без него, то никто не в силах даже приблизительно предсказать экономические последствия складывающейся ситуации. А ведь она чревата не менее катастрофическим взрывом, чем возможный сбой в технологиях войны.

Уже сегодня милитаризм ставит под вопрос не только физическое выживание человечества, но и его социально-экономический прогресс. Стоимость гонки вооружений начинает быть сравнимой с материальным ущербом от прошлых мировых войн.

Все это делает разоружение и экономическим императивом.

На фоне неуправляемых кризисных явлений в экономическом миропорядке особенно заметен нарастающий процесс выкачивания средств из национальных экономик развивающихся стран Латинской Америки, Африки, других регионов.

Эксплуатируемый империализмом развивающийся мир на рубеже 80-х годов был втянут им в порочный

круг развития через долги и оказался в триллионной долговой петле. По существу речь идет о сползании к экономической катастрофе тех районов, где сосредоточены основная часть населения Земли, ресурсы и рынки будущего.

Вот почему мы рассматриваем экономическую безопасность как составную часть всеобъемлющей системы международной безопасности. В условиях ее действия станет возможным образование фонда помощи развивающимся странам, разработка под эгидой ООН глобальной программы научно-технического сотрудничества.

Всеобъемлющая система международной безопасности не мыслится нами без широкого, открытого взаимодействия в гуманитарной области.

Решительно выступая за расширение международного сотрудничества в осуществлении политических, социальных и личных прав человека, мы призываем всех по-новому, непредвзято взглянуть на эту проблему. В частности, Советский Союз на совещании в Берне предложил предпринять шаги к тому, чтобы все государства привели свое внутреннее законодательство, регулирующее комплекс гуманитарных проблем, в соответствие с международными нормами.

К сожалению, тот же Берн выявил и другой подход, игнорирующий согласие большинства участников диалога: Соединенные Штаты Америки сорвали там принятие договоренности.

Путь разрядки — это и путь к большей открытости обществ, повышения уровня объективной информированности, взаимного ознакомления народов с жизнью друг друга, укрепления в отношениях между ними духа взаимопонимания и согласия.

Какую бы область международных отношений ни взять, везде роль Организации Объединенных Наций незаменима, ее ответственность велика. Сегодня, когда намечилась новая консолидация сил прогресса и мира, повышение авторитета и престижа нашей Организации, эффективности ее решений более чем когда-либо — общая забота всех ее членов. Глубокое уважение вызывает самоотверженная работа господина Переса де Куэльяра на посту генерального секретаря ООН в нелегкие для нее времена, и мы хотели бы сердечно поблагодарить его.

ООН стоит на пороге серьезных перемен. Нельзя вести перестройку межгосударственных отношений без учета изменившихся реальностей. Наша Организация только выиграла бы, если бы страна — председатель движения неприсоединения в той или иной форме участвовала в работе Совета Безопасности.

Недавние события вновь привлекли внимание к одному явлению: страна, когда-то предоставившая место для штаб-квартиры ООН, ныне слишком часто проявляет резкую враждебность к этой Организации. То хлопают дверью и отказываются выполнять свои обязательства, как это было в случае с ЮНЕСКО, то пытаются утвердить принцип, будто прав тот, у кого больше денег, то вставляют палки в колеса коллективного механизма, полагая, что так его можно заставить работать по навязанной программе. Соединенные Штаты взяли себе за правило поучать, наказывать, творить произвол в отношении всей Организации и тех ее членов, которые почему-либо им не по нраву.

В последнее время государства — члены ООН все чаще задаются вопросом, может ли Организация Объединенных Наций нормально функционировать в стране, правительство которой проявляет столь неприкрытое неуважение к ним и к самой Организации. Не прислушаться ли к этому вопросу?

Быть может, по многим накопившимся проблемам жизнедеятельности ООН стоило бы провести специальное обсуждение.

Универсальность Организации предполагает поступательное движение к сближению, к устранению центробежных сил. В свете предлагаемой концепции всеобъемлющей безопасности противопоставление Востока Западу, Севера Югу может и должно быть изъято из политического словаря. Это предлагает социализм. Что бы ни утверждали его недруги, он выступает против конфронтации и непримиримости на самом главном для человечества поприще — в строительстве прочного, гарантированного мира.

Эта система приоритетов принята нами и в отношениях с Соединенными Штатами Америки.

Здесь затрагивался этот вопрос. Хочу сказать, что мы отнюдь не считаем бесперспективными наши отношения с США, тем более что к народу Америки мы питаем серьезное уважение. В последнее время вырисовываются обнадеживающие контуры серьезных договоренностей. В реальном плане стоит и вопрос о встрече на высшем уровне. Дела у нас могут пойти неплохо, если американская сторона того захочет.

Мы — реалисты и не вдохновляемся утопиями. На исходе прошлого столетия грядущий двадцатый век виделся людям прекрасной эпохой. Но действительность развеяла ожидания. Ныне, на пороге XXI века, объективно сложились такие условия, что грядущее столетие может стать либо золотым веком науки, либо эпохой вечной ядерной мерзлоты. И для того, и для другого уже созданы материальные средства. Весь вопрос в том, какие из них будут приведены в движение.

Эта опасность для цивилизации более чем очевидна. Отсюда и необходимость ответственных согласованных действий по предотвращению грозящей катастрофы. Мы сделали выбор. Советский Союз — я цитирую слова М.С. Горбачева — будет «и впредь использовать любую возможность для продуктивного диалога, для продвижения к ограничению и сокращению вооружений, а также для урегулирования региональных конфликтов, развития международного сотрудничества по всем актуальным направлениям».

Нам кажется, что в наших дебатах очень важно всегда иметь перед глазами реальный масштаб времени и мира. Иные политики оперируют такими категориями, что этот масштаб исчезает в скоплении абстрактных туманностей. Будто речь идет не о Земле, а о какой-то чужой, отдаленной планете. А Земля стоит перед нами в образах наших детей и внуков, отцов и матерей, братьев и сестер, всех тех близких и дорогих людей, с которых для каждого из нас начинаются народ, родина, человечество.

Вот единственно приемлемая мера вещей. И не надо настраивать политические телескопы так, словно кого-то только и интересует, есть ли жизнь на Марсе. Нам всем предстоит дать ответ на один, равно важный для каждого вопрос: будет ли жизнь на Земле.

Очень хотелось бы уверенно ответить: будет!

ОБРАЩЕНИЕ

государств — участников Варшавского Договора к государствам — членам НАТО, всем европейским странам с программой сокращения вооруженных сил и обычных вооружений в Европе от 11 июня 1986 г.

Сознавая ответственность перед своими народами и человечеством за судьбы мира в Европе и во всем мире и руководствуясь стремлением добиться радикального перелома к лучшему в нынешней сложной международной обстановке, государства — участники Варшавского Договора считают, что сейчас более, чем когда-либо, необходимы решительные действия, конкретные меры, направленные на то, чтобы прекратить гонку вооружений, перейти к действительному разоружению, устранить военную угрозу.

Они поддерживают выдвинутую Советским Союзом программу полной и повсеместной ликвидации ядерного и других видов оружия массового уничтожения до конца текущего столетия. Они убеждены в том, что прекращение ядерных испытаний, осуществление ядерного разоружения и недопущение гонки вооружений в космосе, запрещение и ликвидация химического оружия и другие меры разоружения привели бы к созданию более безопасного мира для европейских народов, для народов всей планеты.

Союзные государства выступают за комплексный подход к проблеме разоружения, за то, чтобы ликвидация оружия массового уничтожения подкреплялась значительным сокращением вооруженных сил и обычных вооружений. Наряду с освобождением Европы от ядерного оружия проблема сокращения вооруженных сил и обычных вооружений приобретает особую остроту для настоящего и будущего Европейского континента, где сейчас противостоят друг другу две крупнейшие группировки вооруженных сил, оснащенные самым современным оружием, причем некоторые системы обычных вооружений все более приближаются по своим боевым характеристикам к средствам массового уничтожения. Они выступают за то, чтобы конкретные меры в области ядерного разоружения, сокращение вооруженных сил и обычных вооружений сопровождались соответствующим снижением военных расходов государств.

Руководствуясь этими соображениями, государства — участники Варшавского Договора обращаются ко всем другим европейским государствам, США и Канаде с настоящими предложениями, которые являются весомым дополнением программы ликвидации оружия массового уничтожения. В то же время они носят самостоятельный характер, их реализация существенно снизила бы уровень военной опасности в Европе.

I.

Государства — участники Варшавского Договора предлагают существенное сокращение всех компонентов сухопутных войск и тактической ударной авиации европейских государств, а также соответствующих сил и средств США и Канады, размещенных в Европе. Одновременно с обычными вооружениями сокращению подлежали бы и ядерные вооружения оперативно-тактического назначения с дальностью (радиусом действия) до 1000 км.

Географическая зона сокращения — территория всей Европы — от Атлантики до Урала.

Сокращения вооруженных сил и обычных вооружений в Европе предлагается осуществлять постепенно в согласованные сроки и при постоянном сохранении военного равновесия на пониженных уровнях без ущерба для чьей-либо безопасности. Вместе с сокращаемыми соединениями и частями сокращались бы и их штатные вооружения, включая ядерные средства.

В качестве первоначального шага предлагается провести разовое взаимное сокращение в течение одного-двух лет численности войск государств противостоящих военно-политических союзов на 100 — 150 тыс. человек с каждой стороны. В рамках этой меры важное значение имело бы сокращение тактической ударной авиации. Сразу же после этого государства — участники Варшавского Договора готовы идти на дальнейшие значительные сокращения, в результате которых при наличии встречной готовности стран Североатлантического союза в начале 90-х годов сухопутные войска и тактическая ударная авиация обоих союзов в Европе были бы сокращены приблизительно на 25 процентов по сравнению с сегодняшним уровнем. Такое сокращение составило бы свыше полмиллиона человек с каждой стороны. Тем самым противостоящие друг другу группировки вооруженных сил в Европе уменьшились бы более чем на миллион человек.

Союзные социалистические государства выступают за то, чтобы процесс сокращения вооруженных сил и вооружений стран НАТО и Варшавского Договора продолжался и в дальнейшем. Существенные сокращения вооруженных сил и вооружений обоих союзов сделали бы возможным подключение к этому процессу других европейских государств.

Предлагается сокращаемые компоненты вооруженных сил расформировывать равноценными целостными

ми воинскими соединениями, частями и подразделениями вместе с их штатным вооружением и боевой техникой. Их личный состав подлежал бы демобилизации в установленном в каждом государстве порядке.

Сокращаемые вооружения и техника должны уничтожаться либо складироваться на национальной территории в соответствии с согласованными процедурами. Ядерные заряды подлежали бы уничтожению. Некоторые виды военной техники по договоренности могли бы быть переданы для использования в мирных целях.

Высвобождаемые в результате соответствующих сокращений вооруженных сил и обычных вооружений средства не должны направляться на создание новых видов оружия или на другие военные цели; они должны использоваться для нужд экономического и социального развития.

Все государства — участники соглашения о сокращении вооруженных сил и вооружений взяли бы на себя обязательство о неувеличении сухопутных войск и тактической ударной авиации за пределами зоны сокращений.

II.

Предлагается выработать такой порядок сокращения вооруженных сил и обычных вооружений, при котором процесс сокращения вел бы к уменьшению опасности внезапного нападения и содействовал бы упрочению военно-стратегической стабильности на Европейском континенте. Для этого предлагается договориться о значительном сокращении уже в самом начале тактической ударной авиации обоих военно-политических союзов в Европе, а также об уменьшении концентрации войск вдоль линии соприкосновения этих союзов.

С этой же целью были бы разработаны и осуществлялись также дополнительные меры, способные усилить уверенность стран Варшавского Договора и НАТО, всех европейских государств в том, что против них не будут предприняты внезапные наступательные операции.

Предусматривается достижение договоренностей об ограничениях на проведение крупных военных учений (по их количеству и масштабам), об обмене более детальной информацией о них, в том числе о силах и средствах, привлекаемых из других районов в Европу на период учений, а также о других мерах, способствующих укреплению взаимного доверия.

Укреплению доверия и созданию более благоприятных условий для сокращения вооруженных сил и вооружений в Европе содействовало бы осуществление таких мер, как создание на континенте зон, свободных от ядерного и химического оружия, постепенное сокращение военной деятельности обоих военных союзов, налаживание сотрудничества между их участниками по вопросам ограничения вооружений и разоружения.

III.

Сокращение вооруженных сил и обычных вооружений осуществлялось бы под надежным и эффективным контролем с использованием как национальных

технических средств, так и международных процедур, вплоть до инспекций на местах.

Предлагается наряду с мерами контроля за самим процессом сокращения установить наблюдение за военной деятельностью остающихся после сокращения войск.

Применялись бы также адекватные формы проверки над осуществляемыми в соответствии с договоренностями мерами по укреплению взаимного доверия.

Для осуществления контроля в согласованный момент стороны обменяются цифровыми данными об общей численности сухопутных войск и тактической ударной авиации в зоне сокращения и отдельно о той части их, которая подлежит сокращениям, а также остается после сокращения, перечнями (списками) сокращаемых (расформировываемых) воинских формирований с указанием их наименования, численности, дислокации и количества основных согласованных типов сокращаемых вооружений. Производились бы уведомления о начале и завершении сокращений.

Для целей контроля учреждается международная консультативная комиссия с участием представителей стран НАТО и Варшавского Договора, а также заинтересованных нейтральных и неприсоединившихся, других европейских государств.

Контроль на местах за сокращением вооруженных сил, уничтожением или складированием вооружений мог бы в необходимых случаях осуществляться с привлечением представителей международной консультативной комиссии. Для такого контроля создавались бы в крупных железнодорожных узлах, на аэродромах, в портах контрольные посты из представителей международной консультативной комиссии.

IV.

Настоящие предложения о сокращении вооруженных сил и обычных вооружений в Европе могли бы стать предметом конкретного обсуждения на втором этапе конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе.

В то же время, исходя из неотложности принятия мер по снижению уровня военного противостояния в Европе, государства — участники Варшавского Договора считают, что рассмотрение этих предложений могло бы начаться незамедлительно. В этих целях они считают возможным созыв специального форума в составе европейских государств, США и Канады.

Они также готовы и к тому, чтобы расширить рамки венских переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе путем подключения к ним других европейских государств и соответствующего изменения мандата переговоров.

Заявляя о готовности использовать все возможные каналы и форумы для взаимного снижения уровня военного противостояния в общеевропейском масштабе, они вместе с тем подтверждают свою заинтересованность в сокращении вооружений и вооруженных сил в Центральной Европе и вновь высказываются за результативное завершение первого этапа стокгольмской конференции.

V.

Немаловажным для оценки действительных намерений военно-политических группировок, как и отдельных государств, является вопрос о военных доктринах. Необходимо снять накапливавшиеся годами взаимную подозрительность и недоверие, обстоятельно разобраться с озабоченностями друг друга и по этому вопросу. В интересах безопасности в Европе и во всем мире военные концепции и доктрины военных союзов должны базироваться на оборонительных началах.

Со всей ответственностью государства — участники Варшавского Договора заявляют, что они никогда, ни при каких обстоятельствах не начнут военных действий против любого государства — будь то в Европе или в другом районе мира, если сами не станут объектом агрессии. Выдвигаемые ими предложения вытекают из их последовательной политики, направленной на устранение военной угрозы, создание стабильного и безопасного мира, из оборонительного характера их военной доктрины, которая предполагает поддержание равновесия военных сил на возможно более низ-

ком уровне, сокращение военных потенциалов до пределов достаточности, необходимых для обороны.

Теми же мирными намерениями государств — участников Варшавского Договора продиктовано их предложение об одновременном роспуске обоих военных союзов.

Об оборонительном характере своего союза заявляют и страны — члены НАТО. Из этого следует, что не должно быть препятствий для взаимных значительных сокращений вооруженных сил и обычных вооружений в Европе.

* *
*

Выступая с этим обращением, государства — участники Варшавского Договора не ставят каких-либо предварительных условий для начала предметного обсуждения содержащихся в нем предложений. Они также готовы рассмотреть в конструктивном духе и другие предложения на этот счет, которые могут быть выдвинуты со стороны государств — членов НАТО, нейтральных и неприсоединившихся, других европейских государств.

За Народную Республику Болгарию

ТОДОР ЖИВКОВ
Генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии,
Председатель Государственного совета Народной Республики Болгарии

За Венгерскую Народную Республику

ЯНОШ КАДАР
Генеральный секретарь Венгерской социалистической рабочей партии

За Германскую Демократическую Республику

ЭРИХ ХОНЕККЕР
Генеральный секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии,
Председатель Государственного совета Германской Демократической Республики

За Польскую Народную Республику

ВОЙЦЕХ ЯРУЗЕЛЬСКИЙ
Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии,
Председатель Государственного совета Польской Народной Республики

За Социалистическую Республику Румынию

НИКОЛАЕ ЧАУШЕСКУ
Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии,
Президент Социалистической Республики Румынии

За Союз Советских Социалистических Республик

М.С. ГОРБАЧЕВ
Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза

За Чехословацкую Социалистическую Республику

ГУСТАВ ГУСАК
Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии,
Президент Чехословацкой Социалистической Республики

Будапешт, 11 июня 1986 г.

ВЕСТНИК МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

ВЫП. 1

Редактор
Г.Х. СААКЯН
Оформление художника
И.В. БОРИСОВОЙ
Художественный редактор
И.А. ЗАЙЦЕВА
Технический редактор
Л.В. ЖУПИНА
Корректоры
С.И. ОРЕШКИНА, А.Г. СТРИЖНЕВА

Н/К

Сдано в набор 20.10.86. Подписано в печать 27.10.86. Формат 60 × 90¹/₈.
Бумага мелованная. Изд. № 49-ю/86. Гарнитура "Пресс-Роман". Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 7,79. Усл. кр.-отт. 16,5. Тираж 1 000 экз.
Заказ № 3680. Цена 55 коп.

Издательство "Международные отношения"
107078, Москва, Садовая Спасская, 20

Отпечатано с оригинал-макета издательства "Международные отношения"
в экспериментальной типографии ВНИИ Полиграфии.
103051, Москва, Цветной бульвар, дом 30